
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году
Выходит 4 раза в год

Том 18, № 1

ВЕСНА
2021

Выпуск 44

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филол.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.ф.н., д.и.н. **А.А. Бурыкин** (ИЛИ РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
к.и.н. **К.Г. Маранджян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИДВ РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Араи Хакусэки. «Описание эдзо».

Предисловие, перевод с японского, комментарии В.В. Щепкина **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Ю.А. Иоаннесян. Таты Апшерона и других районов Южного Кавказа **20**

З.А. Юсупова. Курдские поэты: из истории изучения курдской литературы **29**

А.Д. Притула. «Грамматика — это мост ко всем знаниям»:

короткие стихотворения на переплетных листах в рукописи «Метрической грамматики» **44**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

Ф.О. Нофал. Теонимы сафайтских надписей: предварительные замечания **53**

Р.Ю. Почакаев. Нетипичные источники судебных решений правителей государств Центральной Азии XVI–XIX вв. **62**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.М. Якерсон. Who Was Collecting Hebrew Books in the Capital of Russian Empire and Why (на англ. яз.) **74**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т.В. Ермакова. Четырнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2020 г.) **84**

Е.В. Гусарова. «Пир духа во время пандемии». XLII Сессия петербургских арабистов (Санкт-Петербург, 16 и 18 ноября 2020 г.) **91**

Ю.В. Болтач. Конференция «Дальний Восток: традиции и современность» (Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 г.) **97**

И.В. Кульганек. Награждение члена-корреспондента РАН И.Ф. Поповой Золотой медалью им. Х.Д. Френа (Казань, 1 декабря 2020 г.) **102**

А.В. Зорин. Девятые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г.) **108**

РЕЦЕНЗИИ

Иранское языкознание 2020. Труды Международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова. К 70-летию со дня рождения».

Институт языкознания РАН. Москва, 18–20 октября 2018. — Москва: Языки народов мира. — 2020. — 495 с. (*О.М. Чунакова*) **112**

IN MEMORIAM

Маранджян Каринэ Генриховна (1956–2021) (*Т.А. Пан*) **118**

Бурыкин Алексей Алексеевич (1954–2021) (*В.А. Попов*) **121**

Васильев Дмитрий Дмитриевич (1946–2021) (*Т.А. Аникеева, И.В. Зайцев*) **125**

На четвертой стороне обложки:

Персидская рукопись. Развернутый унван 1184 г.х. с окончанием, написанным поэтом Висахом Ширази (ум. 1262 г.х./1845–46 гг.). Коллекция ИВР РАН, шифр Arab A-910

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 18, No. 1
spring
2021

Issue 44

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics, RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph. D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Aleksei A. Burykin, Dr. Sci. (Phil., Hist.), Institute for Linguistic Research, RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyan, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature, RAS, Moscow

Karine G. Marandjian, Ph. D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Hist.), Institute of Far East, RAS, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Beijing Normal University, Sichuan Normal University, China

Stanislav M. Prozorov, Ph. D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy, RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Kyoto University, Japan, Fudan University, China

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

“The Description of Ezo” by Arai Hakuseki.

Introduction, translation from Japanese into Russian and commentaries by Vasilii V. Shchepkin **5**

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

Youli A. Ioannesyan. The Tats of the Absheron Peninsula and Other Regions of the South Caucasus **20**

Zare A. Yusupova. Kurdish Poets: From the History of Kurdish Literary Studies **29**

Anton D. Pritula. “Grammar is the Bridge to All Knowledge”:
Short Poems on the Flyleaves in a Manuscript of the *Metrical Grammar* **44**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

Faris O. Nofal. Theonyms in Safaitic Inscriptions: Preliminary Remarks **53**

Roman Yu. Pochekaev. Untypical Sources for Court Decisions by the Rulers of Central Asian States
in the 16th–19th Centuries **62**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

Shimon M. Iakerson. Who Was Collecting Hebrew Books in the Capital of Russian Empire and Why **74**

ACADEMIC LIFE

Tatiana V. Ermakova. The 14th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg
(St. Petersburg, November 16–17, 2020) **84**

Ekaterina V. Gusarova. “A Feast for the Mind during a Pandemic”.
The XLII Annual Session of St. Petersburg Arabists (St. Petersburg, November 16 and 18, 2020) **91**

Iuliia V. Boltach. The “Far East: Tradition and Modernity” Academic Conference
(St. Petersburg, November 25, 2020) **97**

Irina V. Kulganek. The Awarding of the Corresponding Member of RAS I.F. Popova
with a Ch.D. Frähn (Fren) Golden Medal (Kazan, December 1, 2020) **102**

Alexander V. Zorin. The Ninth St. Petersburg Seminar of Tibetan Studies
(St. Petersburg, December 4, 2020) **108**

REVIEWS

Iranian Linguistics 2020. Proceedings of the “Readings in Memory of B. Lashkarbekov
on the Occasion of His 70th Anniversary” International Conference.
Institute of Linguistics, RAS. Moscow, October 18–20, 2018. Moscow: Yazyki Narodov Mira.
2020. 495 pp. (*Olga M. Chunakova*) **112**

IN MEMORIAM

Marandjian, Karine Genrikhovna (1956–2021) (*Tatiana A. Pang*) **118**

Burykin, Aleksei Alekseevich (1954–2021) (*Vladimir A. Popov*) **121**

Vasil'ev, Dmitrii Dmirtievich (1946–2021) (*Tatiana A. Anikeeva, Il'ia V. Zaitsev*) **125**

Back cover:

A Persian manuscript. The centerfold of an *'unwān* (1184 S.H.) written by the poet
Wisakh Shirazi (d. 1262 S.H./1845–46). Collection of IOM, RAS, Call number: Arab A-910

Араи Хакусэки. «Описание эдзо»

Предисловие, перевод с японского, комментарии

В.В. Щепкина

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63040

«Описание эдзо» представляет собой первый в Японии историко-географический труд об айнах — народе, проживавшем к северу от японцев на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах, а также о населяемых ими землях. Он был создан известным ученым и государственным деятелем Араи Хакусэки (1657–1725) в 1720 г., а во второй половине периода Эдо (1603–1867) практически приобрел официальный статус и стал ориентиром для многих позднейших работ об айнах. Сочинение Араи Хакусэки впервые переводится полностью на русский язык.

Ключевые слова: айны, Хоккайдо, Курильские острова, историко-географические описания, Араи Хакусэки, Япония, цивилизация и варвары.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (vshepkin@gmail.com).

© Щепкин В.В., 2021

От переводчика

Представляемое вниманию читателей сочинение (яп. «Эдзо си» 蝦夷志) является первым в Японии всесторонним историко-географическим описанием айнов и их земель — Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. Оно было создано в 1720 г. известным ученым и государственным деятелем Араи Хакусэки (1657–1725), одним из наиболее влиятельных сановников периода правления шестого и седьмого сёгунов Токугава в 1709–1716 гг. Поскольку шестым сёгуном был Токугава Иэнобу (1662–1712), происходивший из боковой ветви правящего дома, а седьмым — его малолетний сын Иэцугу (1709–1716), Хакусэки считал необходимым способствовать повышению авторитета института сёгуна, подчеркивая большое значение для страны выполняемых им властных функций: военных, гражданских, церемониальных, сакральных и т.д. Ту же цель преследовали идеологические разработки в сочинениях Араи Хакусэки, написанных и после его ухода в отставку (Толстогузов 2005: 120–131). Он стал автором ряда работ по истории Японии и, возможно, готовил всеобъемлющий

труд на эту тему. Наряду с представляемым здесь «Описанием *эдзо*» (об айнах) он составил также «Описание южных островов» (речь в нем об архипелаге Рюкю), что, вероятно, отражало японоцентричный принцип его идеологической системы.

В предисловии к своему сочинению Араи Хакусэки сообщает сведения о северных пределах Японии и об истории продвижения туда японцев, основываясь на китайских и японских источниках: «Каталог гор и морей» («Шань хай цзин»), «История Поздней Хань» («Хоу хань шу»), «История Сун» («Сун шу»), «История Тан» («Тан шу»), «Анналы Японии» («Нихон сёки»). Он заканчивает свой очерк рассказом о Такэда Нобухиро (1431–1494), который вторгся в земли айнов и захватил их южную оконечность. Предисловие завершается словами, в которых Хакусэки, собственно, и сообщает о причинах, побудивших его к написанию этого сочинения: «С тех самых пор потомки [Нобухиро] из поколения в поколение удерживали эти земли вплоть до нынешних времен, и, глядя на Восток, [я] беспокоюсь, что [наше продвижение туда] надолго остановилось» (Араи 1979: 41–42). Основная часть сочинения представляет собой географическое и этнографическое описание Хоккайдо, небольшие главы посвящены также Сахалину и Курильским островам.

Какими источниками пользовался Араи Хакусэки для составления «Описания»? Наряду с уже упомянутыми древними хрониками ими могли быть и различные правительственные документы, такие как, например, «Записи, преподнесенные Мацумаэ, правителем Сима, в 5-й год правления Сётоку (1715 г. — *В.Щ.*)». Этот документ был составлен на основании приказа центрального правительства — сообщить географические сведения о землях, населенных айнами, и обычаях последних. Кроме того, Араи Хакусэки состоял в дружеских отношениях с Асака Тампаку (1656–1738), служившим главой Исторической палаты (яп. *сёкокан* 彰考館) княжества Мито, в которой создавался крупнейший исторический труд того времени «Дай Нихон си» — «История Великой Японии» (Кикиути 1994: 199–206). Инициатор создания этого монументального труда, глава княжества Мито Токугава Мицукуни (1628–1701) еще в 1688 г. отправил в земли айнов на судне «Кайфумару» экспедицию, которая продлилась сорок дней. Судно достигло устья реки Исикари на западном побережье Хоккайдо, после чего вернулось обратно. О каких-либо сочинениях, созданных по окончании экспедиции, неизвестно (Позднеев 1909: 102–106). Однако какие-то материалы экспедиции Хакусэки все же мог получить от Асака Тампаку. Так или иначе Араи Хакусэки можно считать одним из наиболее осведомленных людей об обстановке в землях айнов в Японии того времени.

Настоящий перевод является первым полным переводом сочинения на русский язык. Он выполнен по ксилографическому изданию второй половины XIX в. из собрания ИВР РАН (шифр хранения С-245). В качестве дополнительных и уточняющих текстов использовались также сокращенный список 1880 г. того же сочинения из собрания ИВР РАН (шифр хранения С-213) и современное издание 1979 г. в переводе на классический японский язык (Араи 1979). Ксилограф С-245 попал в ИВР РАН в 1948 г. в составе поступления японских книг из библиотек южного Сахалина (Маранджян 2016: 91–99), рукопись С-213 — в 1906 г. в составе коллекции А.В. Григорьева японских рукописей и ксилографов об айнах [Щепкин 2015б: 157–167]. В тексте перевода в скобках мелким шрифтом набраны комментарии самого Араи Хакусэки, которые в оригинальном тексте записаны меньшим размером, чем основной текст, и в две строки. Айнские слова и топонимы записаны в соответствии

Перевод

Предисловие

*Эмиси/эдзо*¹ также называют «волосатые люди» (*модзин*). Это древние северные *ва* (*ва* упоминаются в «Каталоге гор и морей»²). Во [времена] Хань, в правление под девизом Гуанхэ³, [вождь] *сяньби* Таньшихуай⁴, прослышав, что люди *ва* искусны в ловле [рыбы] сетью, пошел на восток, напал на страну людей *ва* и тысячу с лишним домов переселил в побережье реки Ухоуцин, повелев им помогать с пропитанием, лова рыбу⁵. *Сяньби* были предками тунгусов. Иными словами, то были земли к северо-востоку от современной Маньчжурии, а упомянутые люди *ва* — это, таким образом, северные *ва*. Все *эдзо* хорошо ныряли и ловили рыбу. И по сей день всё по-прежнему так. У *эмиси* было множество поселений. Те, кого называли *эмиси* Ватаридзима⁶, жили за морем на северо-востоке. Северными *эмиси* и восточными *эмиси* называли тех, кто переселился и жил во внутренних землях. Северные — в провинции Коси⁷, восточные — в провинции Муцу⁸. Агита (или Акута, а ныне Акита), Нусиро, Кикапу и Цугару (или Цугару) — всё это племена северо-востока. В «Сун шу» сказано, что у волосатых людей было 55 провинций. В «Тан шу» сказано, что страна *ва* на северо-востоке ограничена большими горами, а за ними живут волосатые люди. [Их] поселения [есть] как во внутренних, так и во внешних [землях]. Почему [некоторые] *эмиси* отделились и живут во внутренних землях, [теперь] узнать невозможно.

В указе государя Кэйко⁹ о покорении Востока говорилось: «Восточные варвары нападают на [наши] окраинные земли и грабят народ. С древних времен эти люди всё еще не затронуты благим влиянием правителя». Если взглянуть с этой точки зрения, такие вторжения во внутренние земли, по-видимому, происходили уже давно. Тогда восстания были еще часты.

В 4-м году правления государыни Саймэй (658 г. н.э. — *В.Щ.*) Абэ-но Оми¹⁰ был послан во главе флота для усмирения *эмиси*. Вожди Агита и Нусиро вышли навстречу и покорились, *эмиси* Ватаридзима тоже пришли. Тогда-то [Абэ-но Оми] и учредил

¹ Слова *эмиси* и *эдзо* записываются одним и тем же сочетанием двух иероглифов 蝦夷. Во времена Араи Хакусэки этот бинном читался *эдзо*, а в VIII в. при составлении «Нихон сёки» — *эмиси*. Поскольку в японском тексте за редким исключением чтение не указывается, мы употребляем современное автору чтение *эдзо* там, где он говорит о современном ему народе — айнах, а *эмиси* — там, где автор повествует о древних временах.

² «Каталог гор и морей» (кит. «Шань хай цзин» 山海經) — древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающие там создания. Составление текста относится к эпохе Хань (206 до н.э. — 220 н.э.).

³ 178–184 гг.

⁴ Таньшихуай (141–181) — вождь народа *сяньби* и основатель их государства, просуществовавшего до 235 г.

⁵ Эти сведения обнаруживаются в «Истории поздней династии Хань» (кит. «Хоу хань шу» 後漢書), в повествовании о *сяньби* (Таскин 1984: 80).

⁶ Ватаридзима (ныне Осима, яп. 渡島) — полуостров, являющийся южной оконечностью о-ва Хоккайдо.

⁷ Регион древней Японии на побережье Японского моря, впоследствии разделенный на провинции Этиго, Этто, Ното, Кага и Эттидэн. Ныне территория префектур Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи.

⁸ Провинция в северной части о-ва Хонсю, ныне территория префектур Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима и части Акита.

⁹ Легендарный правитель древней Японии, согласно «Нихон сёки», правил в 71–130 гг. н.э.

¹⁰ Абэ-но Оми, или Абэ-но Хирафу (VII в.) — древнеяпонский военный и государственный деятель.

уезды Нусиро и Цугару, [после чего] вернулся. В 5-м году (659 г. н.э. — *В.Щ.*) Абэ-но Оми снова был послан для умирения *эмиси*, возглавив [племена земель] Агита, Нусиро, Цугару, Ибурисаэ и др. Он подчинил эти земли, а затем, учредив управление в Сирибэси, вернулся (Сирибэси соответствует нынешнему району Сирибэти в западных [землях *эдзо*])¹¹. Осенью того же года в страну Тан были отправлены послы, которые взяли с собой *эмиси* из Муцу. Именно об этом говорится в «Тан шу», где сказано, что в годы правления Юнхуэй¹² посланцы из нашей страны приехали вместе с *эмиси*. Тогда Гао-цзун¹³ спросил у наших посланцев, на сколько родов [разделяются] *эмиси*. [Те] ответили, что на три рода: дальних [называют] *тукару*, следующих — *со-эмиси*, а ближних — *ниги-эмиси*. Ныне [словом] *ниги-эмиси* называют представителей упомянутых трех родов, живущих в дальней зоне владений или во внутренних землях. (Об этом говорится в книге Ики-но мурадзи-но Хакатоко, упоминаемой в комментарии к «Нихон-ги». *Тукару* означает Цугару. Это те дальние из живущих во внутренних землях. Похоже, что *со* также читается *ара*, это те следующие по дальности, которые жили в дальней зоне владений. *Ниги* называют тех ближних, что живут во внутренних землях.) После этого обычно *эмиси* называли только всех тех, кто жил во внутренних землях. В 6-м году правления Тэмпё-ходзи (762 г. — *В.Щ.*) военный наместник областей Токай и Тосан Фудзивара-но Эми-но асон Асакари высек на камне у ворот Управления по умирению и охране надпись, указывающую расстояние в четыре стороны. [В ней] говорилось, что граница страны *эмиси* отстоит от этого места на 120 *ри*¹⁴. Камень этот и сейчас стоит у старых развалин Управления¹⁵ (этот камень по старому обычаю называют *цубо-но исибуми* — «камень-кувшин»). По нему [мы] узнаем, что в сотне с небольшим *ри* к северу от уезда Мияги простирались уже земли варваров. (То, что в древности называлось 120 *ри*, соответствует 20 *ри* по нынешнему исчислению.) [То, что *эмиси*] были изгнаны за пограничную каравальную крепость, земли Тосан усмирены и отгородились [от *эмиси*] морем, стало заслугой полководца, усмирившего Восток, Саканоуэ-но Оосукунэ Тамурамаро¹⁶, потому его и считают великим. Историки по небрежности не упоминают об этом, и как можно не опечалиться этому? (Прежде, если спросить об этом людей из Цугару, полевые штабы полководца Сака[ноуэ-но Тамурамаро] были повсюду. Коренные жители тоже рассказывают об этом, как и в былые дни. Однако нет письменных памятников, [на которые] можно было бы сослаться, [говоря об] этом.) Спустя 656 лет после этого Вакаса-но ками Минамото-но Нобухиро пересек море, вторгся в [земли] варваров, а затем захватил их южную оконечность, установив северную границу. Это было в 3-й год правления Какицу (1443 г. — *В.Щ.*). (Нобухиро происходил из провинции Вакаса. Изначально он звался Такэда Таро, затем Какидзаки, а после [его потомки] сменили имя на Мацумаэ, то есть в соответствии с местом пребывания.) С тех самых пор его потомки из поколения в поколение удерживали эти земли вплоть до нынешних времен, и, глядя на восток, беспокоюсь, что [на-

¹¹ Отождествление Аран Хакусэки топонимов «Сирибэси» (後方羊蹄) из текста «Нихон сёки» VIII в. и японизированного айнского *Сирибэти* (*Сирибэцу*, от айн. *шур(и)нет*) — района на Хоккайдо вокруг вулкана Ётэйдзан (羊蹄山) — положило начало ошибочному представлению, что еще в VII в. японцы основали пункт управления на территории о-ва Хоккайдо.

¹² Период правления Юнхуэй в Китае — 650–655 гг.

¹³ Гао-цзун (628–683) — третий император танского Китая в 650–683 гг.

¹⁴ *Ри* 里 — традиционная японская мера длины, равная 3,927 км. Однако, как указывает ниже автор, в данном случае используется китайское значение этой меры, равное 571,5 м.

¹⁵ Этот камень сохранился до наших дней в окрестностях г. Тага преф. Мияги.

¹⁶ Саканоуэ-но Тамурамаро (758–811) — японский полководец, первый обладатель титула *сэйи тайсёгун* — «Великий полководец, покоритель восточных варваров».

ше продвижение туда] надолго остановилось. Потому я собрал старые сведения и составил «Описание *эдзо*».

27-го числа 1-го месяца
года Металлической Крысы правления Кёхо (6 марта 1720 г. — *В.Щ.*)
Минамото-но Кимми¹⁷

Комментарии к картам земель *эдзо*

[Земли] *эдзо* находятся в великом море на северо-востоке. Их страну составляет горный остров, в землях много крутых гор, где могут пройти лишь птицы и звери. Варвары быстры и подвижны, здоровы и крепки, умело ныряют в воду, а при ходьбе не видят препятствий. В последнее время люди сообщаются с ними лишь через водные пути, а потому ширину и протяженность земель варваров точно выяснить невозможно. Наше северо-восточное побережье отстоит от южных пределов *эдзо* не очень далеко, однако морские течения в этом проливе быстры и стремительны. (Мыс, внезапно появившийся в юго-восточных [землях] *эдзо*, называют мысом Сираками. Он отделен от земель Намбу¹⁸ лишь узкой полосой воды.) Если отплыть на судне из Кодомари, что в землях Цугару¹⁹, через восемь *ри* к северу [можно] достигнуть Мацумаэ. (Этот путь обычно проходят за четыре часа.) Мацумаэ составляет южный край земель *эдзо*. (Видимо, переправа между Ватаридзима и Цугару, о которой говорится в национальной истории, и есть это место.) Отсюда дальше на север все так же ходят лишь по воде. Восточный путь проходит то на восток, то на север. При попутном ветре восточной гавани варваров можно достичь за пять дней и ночей. (Ее называют Носсабу²⁰.) Если отплыть оттуда и направиться дальше на северо-восток, то при попутном ветре через шесть дней и ночей можно приплыть в северную гавань. (Ее называют Соя²¹.) По пути туда на побережье есть всего двенадцать мест, куда может пристать судно. Западный путь проходит то на запад, то на север. При попутном ветре их северной гавани можно достичь за пять дней и ночей (то есть района Соя). По пути туда на побережье есть всего семнадцать мест, куда может пристать судно. К северу оттуда, на расстоянии семи *ри* за морем есть еще страна, также населенная *эдзо*²². Ширина ее земли почти такая же, что и у южной. А к северо-западу от нее море Татарии. (Обычные люди считают это дальними [землями] *эдзо*. Ту землю называют общим словом «остров Карато».) К северо-востоку на расстоянии тринадцати *ри* в море находятся пять островов. Еще дальше в море к северо-востоку — тридцать две страны. Говорят, что они также все [населены] *эдзо*, но эти земли очень далеки, и наверняка узнать это невозможно²³. (Островов в море на северо-

¹⁷ Одно из имен Араи Хакусэки.

¹⁸ Княжество Намбу занимало территорию современной префектуры Иватэ и восточной половины префектуры Аомори (о-в Хонсю).

¹⁹ Княжество Цугару занимало территорию западной половины современной префектуры Аомори.

²⁰ Совр. Носаппу — мыс на полуострове Нэмуру в северо-восточной оконечности Хоккайдо. Ныне самая восточная точка Японии.

²¹ Соя — мыс в северной оконечности Хоккайдо. Ныне самая северная точка Японии (если не считать мелких необитаемых островов).

²² Имеется в виду о-в Сахалин.

²³ Имеются в виду Курильские острова. Примечательно, что Араи Хакусэки отделяет пять ближних островов от тридцати двух «стран» «дальше в море». Это, вероятно, отражало ситуацию, при которой японцы вслед за айнами Хоккайдо располагали подробными сведениями лишь о самых южных из Курильских островов.

востоке всего 37. Их называют общим словом «Курумисэ», а также «островом Ракко». Подробнее ниже.) Далеко в море на северо-западе есть четыре острова. Друг от друга они отстают на расстояние всего от семи до пятнадцати *ри*. (Два юго-западных острова называют общим словом «Тэурэ». Один остров к северу от них называют «Риисири». [Остров] еще дальше к северу называют «Рэбунсири»²⁴.) Это место, где заканчиваются границы земель *эдзо*.

*Эдзо*²⁵

Замок Мацумаэ находится посередине между горами и морем, к востоку и западу от него находится по одной гавани. Туда стекаются купеческие суда из других провинций. На востоке [земли Мацумаэ] доходят до Куроива²⁶, а на западе — до Отобэ²⁷. Далее этих мест нет сухопутных дорог. В море к юго-западу [от Мацумаэ находятся] три острова: расположенный на юге называют Кодзима, тот, что к северу от него — Одзима, тот, что еще дальше к северу — Окудзири. От него до Отобэ 18 *ри*. (Остров Окудзири с севера на юг [имеет] всего 15 *ри*.) Вообще земли Мацумаэ с востока на запад простираются на восемь-девять дней [пути], а [земли] к северу от них составляют земли *эдзо*. *Эдзо* также все живут между морем и горами, где повсюду находятся их селения. На востоке расположено 54 селения (их названия Хараки, Сирикисинаи, Экэсинаи, Кофуи, Нэтанаи, Осацухэ, Отосицупэ, Нотахэ, Юурацупу, Куннуи, Сицукари, Бэнбэ, Окотарахэ, Усу, Эндоми, Аэро, Сираои, Тарумахэ, Макомахэ, Ацума, Мукава, Сару, Монбэцу, Кэномахэ, Никабу, Сибутяри, Мицуси, Уракава, Мокоти, Хоробэцу, Унбэти, Хоройдзуми, Тамоцу, Томари, Онбэцу, Токати, Сиранука, Кусури, Тиёробэцу, Ацукэси, Ноцусияму, Бэкэруру, Тибэнаи, Сироитокоро, Руусия, Риисияси, Бэрикэ, Фунабэти, Сияру, Ринникури, Ураисибэти, Хабасири, Ноторо и Цукоро). На западе расположено 41 (их названия Усубэти, Футоро, Сэтанаи, Хамасэтанаи, Абура, Тиваси, Симакомаки, Юумаки, Рокудзёкан, Суцуцу, Отасуцуцу, Тасинэсири, Сирибэти (национальная история упоминает Сирибэси, то есть место, где в древности было основано управление), Исоя, Иванай, Сирифуга, Муинотомари, Фуруу, Сиякотан, Бикуни, Фурубира, Дзарумаки, Моирэ, Ёити, Сикудзуси, Кацутинан, Отарунай, Хацусиябу, Синоро, Сияцухоро, Исикари, Осийёрокоцу, Ацута, Масикэ, Бэцукари, Хоротомари, Хасибэцу, Цуруоцухэ, Томамай, Уибэти, Тэсио). На северо-востоке расположено семь [селений] (Юубэти, Ноторо, Сиёкоцу, Окоцубэ, Хоронаи, Хоробэти, Цуубэти), на севере — четыре (Бацукаибэ, Цусан, Ноцусияму и Соя).

Горы в землях *эдзо* круты и неприступны. Однако пространство между северными и южными довольно низменно. Поэтому к северу от южных гор и к югу от северных вода, устремляясь к этой низменности, скапливается, образуя два бассейна. Из того, что расположен на востоке, [вода] течет на юг и впадает в восточное море, а из того, что расположен на западе, течет на север и, соединяясь с водами северо-востока, образует большую реку и впадает в западное море. Места, где два потока впадают в море, отстоят друг от друга на 25 *ри*. Вдоль рек *эдзо* также имеют 13 селений. (Они называются: Нумакасира, Юухари, Ацуси, Цуусан, Осацу, Итияри, Цуумэси, Симамачуцу, Ихэтимата, Цуисикари, Кабата, Мэибуцу и Юубэти.) Всего [земли *эдзо*] составляют пять частей. (Восточный бассейн формой похож на тыкву-горлянку, окружность составляет всего 3 *ри*. Земля в нижнем течении, где [река] впадает в море, называется Ибури. То есть Ибури, о котором говорится

²⁴ Ныне это острова Тэури, Ягисири, Рисири и Рэбун у западного побережья Хоккайдо.

²⁵ В этом разделе речь об айнах о-ва Хоккайдо.

²⁶ Ныне район одноименной станции в поселке Якумо на побережье Вулканического залива (Утиура).

²⁷ Ныне одноименный поселок на побережье Японского моря.

в национальной истории, и есть это место. Западный бассейн [составляет] в окружности всего 12 *ри*. Земля в нижнем течении, где [река] впадает в море, называется Исикари. Эта река самая большая в землях *эдзо*. Пять частей называются Восточной, Западной, Средней, Северо-восточной, Северной.) В [этой] стране нет фамилий, при именовании используют название селения. В каждом селении есть свой начальник, но места, которыми они управляют, могут быть как большими, так и малыми. (При именовании используют название [района] поселения, когда, например, говорят *мэнасикуру* или *сюмкуру*. В этом случае *мэнаси* означает «восток», *сюм* означает «запад», а *куру* — «народ». Все делают по такому образцу. Великие из предводителей имеют десятки и сотни членов дома, сотни и тысячи подчиненных в селениях.)

У мужчин распущенные волосы, длинная борода, [они] прокалывают уши и вставляют серебряные кольца. (Их волосы волнистые и короткие, люди низкого [положения] используют для серег свинец и олово.) В качестве одежды [им служит] тонкое кимоно без подкладки, [которое] запаховается справа налево. Одежду [носят] длинную с сужающимися рукавами, на бедра повязывают узкий пояс. Предводители используют для шитья толстый шелк со змеиным узором, разноцветный шелк и шелк с разными рисунками, а на шею вешают длинный меч. [Эти длинные мечи] окрашивают золотой [краской], инкрустируют серебром, а в качестве ремня используют тесьму с красной каймой (их называют «подвесными мечами»). Люди низкого положения плетут ткани из рами (китайской крапивы. — *В.Ш.*) или древесного волокна и украшают вышивкой. Вся одежда, которая касается тела, хлопчатобумажная или из звериных шкур. Женщины завязывают волосы в узел на темени, в уши вставляют сделанные из серебра цепочки из колец. Они красят губы соком зеленых трав. (Их серьги несколько больше мужских, [они] могут быть также из посеребренного олова; то, что используется для окрашивания губ, называется *кутикуса* («трава для рта»), но что это за трава, подробно неизвестно.) Лицо и руки покрывают татуировками в виде цветочных узоров, все они тонки и изысканны. Их наносит [маленьким девочкам] мать. Одежда подобна мужской, с тем лишь отличием, что женщины не используют вышивку со змеиным узором. Подвязываются широким поясом, а на шею для украшения подвешивают серебряные зеркала. [Эти зеркала] называются *ситоки*. Ни мужчины, ни женщины обуви не носят, ходят босыми.

Жилище на внутренние и внешние комнаты не разделяется, дома имеют лишь четыре стены с продолженными в них окнами и дверьми, сверху покрыты камышом, а земляной пол выстлан плетеной осокой. Отцы и дети, старшие и младшие братья живут вперемешку, вместе едят и спят. Мужчины и женщины, верхи и низы не разделены. Когда встречают вождя, складывают ладони и кланяются до земли.

Медицины и лекарств не знают, [для лечения] есть лишь молитвы и очищения. Если кто-нибудь заражается смертельной заразной болезнью или оспой, то его бросают и уходят в горы. Когда человек умирает, его обычно хоронят в земле, а сверху втыкают ветви ивы. (Когда используют ветви ивы, срезают их концы ножом, делая тонкими и мягкими, как камыш²⁸. Обычно также в основном поклоняются божествам.) Во время траура по родителям ограничений в одежде нет, только братья или дяди и племянники вынимают мечи лезвием вверх и бьют друг друга по лбам и покрывают лица кровотоющими ранами. Вероятно, это взаимное наказание за грех сыновней непочтительности и отсутствия братской любви. (Этот [обычай] называют *мэкаутти*.)

Среди *эдзо* золото и драгоценные камни не считаются ценными (в горах их родится золото и серебро, а в море встречаются голубые драгоценные камни, но они их не добывают).

²⁸ Имеются в виду айские ритуальные палочки *инау*, сделанные из дерева с завивающейся стружкой.

За драгоценность же они считают старую посуду и мечи. У них нет письменности, они не знают календаря, годы отмеряют наступлением холодов и жары, месяцы отмеряют ущербной или полной луной. При заключении [брачных] союзов и завязывании сношений все используют свои драгоценности, равно как и при искуплении грехов. Эти драгоценные предметы формой подобны хвосту ласточки, длиной один сяку и пять сун²⁹. [Они представляют собой] кольцо из железа, к обоим ответвлениям которого прикрепляют по колокольчику. Хранят их в подземных кладовых и используют во время молитв и заклинаний. (Их называют *кувасаки*.)

Миране, хотя и почитают божеств, алтарей не возводят, а во время приема пищи восхваляют Минамото Ёсицунэ³⁰. В восточной части [земель *эдзо*] есть следы места, где проживал Ёсицунэ. *Эдзо* более всего почитают храбрость, а потому все они относятся к нему с благоговейным трепетом. (*Эдзо* обычно чествуют его во время приема пищи, называя «Окикуруми». Если спросить их, что это значит, ответят: «Паньгуань». То есть «Паньгуань» — это или тот, кого они называют «Окикуруми», или имя Ёсицунэ на их языке. Место, где находятся следы проживания Ёсицунэ, *эдзо* называют «Хай», а людей, проживающих в том месте, — *хакуру*. Среди топонимов западной части также есть мыс, называемый «Бэнкэй». Говорят, что Ёсицунэ, отправившись отсюда, пересек северное море. В годы правления Каньэй³¹ человек из Симбо, что в провинции Этидзэн, был унесен течением и попал в земли Маньчжурии. В этот год Водяной Овцы³² цинский правитель во главе своих людей вторгся в Пекин (Яньцзин) и оставался там более года, после чего издал указ об отправке войск в Корею и отпустил их обратно. По словам того человека, родовое божество Нурхацци³³ словно срисовано с лица Ёсицунэ. Хотя возможно, что это просто слух.)

Все мужчины занимаются рыболовством и охотой, а сушеную рыбу и звериные шкуры обменивают на то, чего у них нет. Женщины изготавливают ткани, сплетая волокна из трав и коры деревьев, и чрезвычайно умело вышивают. (Из трав [используют] крапиву рами и лианы, а из деревьев — по старой северной традиции каштанник или мелколистную липу.)

[*Эдзо*] не знают вокальной музыки, а потому и музыкальных инструментов у них нет. Однако в северной части есть те, кто играет на четырехструнной лютне — вероятно, это *хуцинь*³⁴. Когда они пируют и чрезвычайно веселы, то повышают и понижают голоса, так что звук подобен тому, когда кто-то дует в коровью миску (широкую вогнутую керамическую посуду). Говорят, что это их народные песни, то есть то, с помощью чего они гадают о морских приливах.

[Что касается] их судов, то они небольшие, как и в старину, выдалбливаются из [ствола] дерева, но есть и связанные из стволов плоты, также подобные [изготавлива-

²⁹ Сяку 尺 и сун 寸 — традиционные японские меры длины, равные соответственно 30,3 см и 3,03 см.

³⁰ Минамото Ёсицунэ (1159–1189) — японский полководец, младший брат основателя первого военного правительства Минамото Ёритомо (1147–1199). Впав в немилость при дворе брата, скрывался вместе с верным спутником монахом Бэнкэй на севере о-ва Хонсю и стал героем народных легенд. Согласно некоторым из них, Ёсицунэ смог спастись в землях айнов, став для них своего рода культурным божеством по имени Окикуруми, а позже даже перебрался на материк, где стал известным под именем Чингисхан.

³¹ 1624–1644 гг.

³² 1643 г. В действительности маньчжуры вошли в Пекин в 1644 г.

³³ Нурхацци (1559–1626) — основатель маньчжурской империи Да Цзинь, уже после его смерти переименованной в Да Цин и подчинившей себе Китай.

³⁴ *Хуцинь* (кит. 胡琴) — китайский струнный смычковый музыкальный инструмент.

шимся] в прошлом. *Эдзо* по натуре любят воевать, а потому имеют оружие. В частности, [есть] кожаные щиты с деревянными чашечками, лук со стрелами и стилеты. Лук длиной три *сяку* и семь *сун*, тетива изготавливается из трав или коры. Стрелы длиной *сяку* и два *сун*, для их переноски используют бамбук. Наконечник [стрелы] делают из оленьей кости, на нем есть усики, которые пропитывают ядовитой травой, — это для того, чтобы при изъятии стрелы яд оставался внутри. Стилеты представляют собой долотообразные метательные лезвия. Ножи напоминают небольшое долото; длина деревянной основы пять *сяку* и пять *сун*, и она похожа на пестик с утолщенной головкой, то есть чтобы бросить нож, вероятно, нужно приложить силу. [Также] имеются дубинки длиной два *сяку* и пять *сун*, на конце которых металлический шип, напоминающий тройчатый шип *линцзяо*. Кроме того, есть трубочки, дуя в которые, можно посылать команды. Щиты делают из шкуры морского льва, сшивая их в три слоя. У верхней части их окружность три *сяку*, у нижней — шесть *сяку*, общая длина — два *сяку* и три *сун*. Их называют *хаёкувэ*. [В землях] *эдзо* [растет] дерево наподобие терновника, из молодых ветвей которого они плетут чашки. Их называют *контти*. Лук они называют *ёку*, делают его из [ветвей] дерева со стволом, как у сосны, а листвою, как у дуба, под названием *ёвану*, а для оборачивания используют бересту. Стрелы называют *аи*, для древка используют сосновые ветви, для оперения берут перья соколов или ручных бакланов. Наконечник называют *сиётикинэ*.

Все произрастающие в землях [*эдзо*] чудесные травы и редкие деревья полностью описать невозможно. Среди весенних хризантем есть белые цветы, а среди лилий — черные. [Они] могут быть весьма необычными. (Корни лилий *эдзо* также употребляют в пищу.) У *эдзо* нет коров, лошадей и домашних птиц. Ястребы, соколы, орлы и скопы выют гнезда в густых лесах. (Перья серых соколов и орлов особо ценятся как товары.) В лесах водятся медведи и олени. В водах — морские львы, тюлени, сивучи, каланы и морские котики.

Если обратиться к «Географическому описанию Шаньдуна»³⁵, [там] сказано, что морской лев обликом подобен ослу. Это [животное] *эдзо* называют *амосицунэ*. У многих тюленей пятна подобны леопардовым, их шкуры могут использоваться в качестве подстилок под седло для украшения. Это [животное] *эдзо* называют *адзараси*. В комментарии к «Описанию всех вещей»³⁶ говорится, что сивучи головой подобны лошади, а ниже пояса напоминают летучую мышь. Это [животное] *эдзо* называют *асика*. В «Травнике» Цанци³⁷ сказано, что калан похож на выдру, размером подобен собаке, а на задних лапах есть кожа, напоминающая сросшиеся пальцы. Это [животное] *эдзо* называют *нэцубу*. В «Описании прибрежных земель»³⁸ сказано, что морской котик головой похож на собаку, [имеет] длинный хвост, а каждый раз, когда восходит солнце, он выплывает к поверхности воды. Это [животное] *эдзо* называют *оттосэй*. Залив в восточной части [земель *эдзо*], который называют Утиура, широкий и глубокий, там обитает много таких животных.

³⁵ Кит. *Шаньдун тунчжи* 山東通志 — 64-томное описание китайской провинции Шаньдун, составленное в 1678 г. под руководством Чжао Сянсина и Цян Цзяна.

³⁶ Кит. *Бо у чжи* 博物志 — сборник китайских историй о чудесах природы и удивительных явлениях, составленный Чжан Хуа в конце III в. н.э.

³⁷ Имеется в виду сочинение китайского фармаколога VIII в. Чэнь Цанци «Дополнение к фармакопее» (кит. *Бэньцао ши* 本草拾遺).

³⁸ Кит. *Линьхай шуйту чжи* 臨海水土志 — сочинение китайского военачальника III в. н.э. Шэнь Ина.

Эдзо подвижны, отважны и сильны. Вместе с тем хорошо владеют луком и стрелами. [Как только] издали заметят, что впереди показалось животное, то [сразу] спускаются с крутых обрывов или взбираются [на них], ныряют в глубокие пучины, [и] когда гонятся, не бывает [такого, что] не догоняют его, [а] когда стреляют, не бывает [такого, что] не попадают в него. У побережья, где сходятся соленые и пресные воды, все промышляют горбушу и кету, хотя горбуши не так много, как кеты.

Ежегодно в 7-м и 8-м месяцах кета поднимается вверх по течению рек в таком количестве, что вода перегораживается и не течет, и тогда ловят [рыбу] голыми руками. Затем коптят над огнем или высушивают, делая вяленой. То, [что] называют *хосидзакэ*, и есть такая [рыба]. В восточном море водится также рыба сельдь. В местах, где скапливается эта рыба, образуется пена, подобная снегу. Когда рыба всплывает, вода полностью меняет цвет. Тогда [рыбу] ловят с помощью сетей. Ее икра превосходна на вкус, ею бывает набито брюхо [рыбы]. Взрезая [его], добывают эту икру. [Рыбу] высушивают и [разрезают на] ломти. То, что в «Люйши чунью»³⁹ называется «эр Восточного моря», возможно, и есть эта рыба. (Неизвестно, как знак «сельдь» стали использовать в обиходе, в Корее обычно используют знаки «синяя рыба».)

[Водоросль] *комбу* густо растет на камнях в юго-восточном море. [Моллюск] морское ушко абалон водится повсюду, потому его ловят, ныряя в воду. (Если однажды посмотреть на *комбу* из земель *эдзо*, их ширина превышает *сяку*, длина [достигает] нескольких *дзэ*⁴⁰, они желтоватого цвета, а по обоим краям иссиня-черные, своей эластичностью похожи на выделанную кожу, их можно сворачивать и разворачивать. [Они] подобны [мягкому] шелку, о котором говорится в [словаре] «Эрья»⁴¹. То есть это [и есть тот] «шелк», [что] обитает в восточном море. В «Травниках» разных домов пишут по-разному: некоторые — что их листья напоминают руки, а некоторые — что крупные листья напоминают зелень. В чем тут дело? Морское ушко и абалон — два вида одного рода, их размер [может быть] большим и малым, и, конечно, [они] не одинаковы. Некоторые называют абалон морским ушком, но так ли это?)

В северных морях [водятся] киты, из которых большие подобны горе. Среди *эдзо* [нет] никого, [кто] посмел бы ловить их. Также есть необычная рыба с чрезвычайно длинными грудными плавниками. (По форме она похожа на морскую свинью, ее плавники острые и длинные, название ее неизвестно. Вероятно, [это] подвид меч-рыбы. *Эдзо* называют ее *каси*.)

[Те, кто] прикасался к киту, умирали от ран. [Когда] вздымается морской прилив, [китов] часто выносит волной на песчаный берег, [*эдзо*] нарезают их мясо, жгут их жир; есть и другие применения китам. *Эдзо* извлекают из них всяческую пользу.

Если посмотреть на обычаи *эдзо* в целом, с глубокой древности [среди них] всё еще не появлялось совершенных мудрецов. [То, что] они не знают ритуала и не знают долга, приближает их к животным, но это лишь потому, что их не обучили!

Хотя и говорят, [что они] пожирают [сырое мясо с остатками] шерсти и пьют кровь, но [это] тоже из-за того, что они всё еще не знают прелести питания зерном. С недавнего времени в их восточных и западных землях возделывают землю и сеют просо, которое служит пищей. (В восточной части это Осямамбэ, Нотаэ, Усу, Эндомо, Сираои. В западной — Сэтанаи, Футоро, Симакомаки, Суцуцу, Отасуцуцу, Исоа, Фуруу, Иванаи, Сякотан, Хикума, Фурухира, Сикудуси. Во всех [них] распахивают целину и сеют просо.)

³⁹ «Вёсны и осени господина Люя» — китайский энциклопедический текст, созданный в III в. до н.э.

⁴⁰ *Дзэ* 丈 — традиционная японская мера длины, равная 3,03 м.

⁴¹ «Приближение к правильному [языку]» (кит. *Эрья* 爾雅) — древнейший из дошедших до наших дней толковый словарь китайских иероглифов, созданный в III–II вв. до н.э.

Некоторые говорят, что, [хотя] в землях [эдзо] много невозделанных участков, простолюдины терпят страдания. Их поля пригодны для возделывания, а их воды — для орошения. Они лишь боятся, [что] обилие ветров и холодов не подходит для риса и пшеницы. Ибо [они] не знают, что рис бывает ранним и поздним, а пшеница бывает северной и южной.

Мужчины и женщины пристрастны к вину и особенно к табаку, [но] в их землях [ни того, ни другого] нет. Поэтому, когда прибывают торговые суда с юго-востока, люди там поздравляют друг друга.

Северные [земли] эдзо

(то есть дальние [земли эдзо], эдзо называют их «Карато»⁴²)

Обычаи в северных [землях] эдзо такие же, как и в [землях] эдзо⁴³. Все эдзо [здесь] также живут у гор и моря. Селений всего 22: Уссияму, Кокува, Цунаёро, Маока, Нотасяму, Оттиси, Кидоуси, Итомотатэ, Орэтака, Тяхоко, Нафукин, Никубун, Кинтиба, Бинноки, Ухэкотан, Карэтан, Сэуя, Сироитороко, Сиита, Наифуцу, Аюру⁴⁴.

С востока [северные земли эдзо] ограничены большим морем, а на северо-западе — морем к юго-востоку от Маньчжурии. Далеко или близко отстоят друг от друга две земли⁴⁵, точно узнать невозможно. Добывают там драгоценные камни синего цвета и орлиные перья. Среди [товаров] попадают парча со змеиным узором и шелковые ткани с цветочным орнаментом. Всё это китайские вещи. Происходят они, вероятно, из Маньчжурии. Восточные земли [народа] шивэй, обозначенные на «Карте всех стран» как [земли] «эдзо», скорее всего, и есть эта [местность]. Все [они] прилегают границей от севера до юга [к землям эдзо], отделены лишь небольшим проливом, [в котором] опасные бурные волны. Среди эдзо также говорят, что путь опасен. Кроме того, та земля чрезвычайно далека. В последнее время мало людей, кто бы добирался [туда]. Узнать об этом на личном опыте невозможно. А потому нельзя проверить, велико или нет расстояние до тех мест.

Эдзо северо-востока⁴⁶

Земель, расположенных в море на северо-востоке, как сообщают среди эдзо, всего 37. Только с одной из них эдзо [имеют] отношения. Обо всех остальных таким образом невозможно узнать подробностей. (Острова в восточном море [называются] Ируру, Цумосири, Киитаппу, Морисика, Кунасири, Моусия, Харутамакотан, Маканруру, Оякоба, Сямура-тэфу, Расёва, Сиринки, Атозфу, Курусэми, Экарима, Уруфу, Эторохо, Хонсириоо, Сиасикотан, Эбайто, Мотова, Кэтонаи, Мосия, Сиимоси, Рацукоаки, Усэсири, Рэнингэтия, Фуканруруаси, Масаоти, Сиимосири, Экарумаси, Маканна, Сириоо, Кокумэцура. Все вместе эдзо называют их Курумисэ⁴⁷.)

⁴² Имеется в виду Сахалин.

⁴³ Имеется в виду Хоккайдо.

⁴⁴ В оригинале перечислено 21 селение.

⁴⁵ Северные земли и Маньчжурия.

⁴⁶ Имеются в виду айны Курильских островов.

⁴⁷ В оригинале перечислены не все.

Место, с которым *эдзо* [имеют] отношения, — это Киитаппу⁴⁸. Некогда [я] слышал, что их обычаи вести торговлю чрезвычайно необычны. Каждый год *эдзо* нагружают суда товаром и с ним отправляются [в путь]. Примерно в [одном] *ри* от берега останавливаются. Островитяне, завидев [их] вдалеке, оставляют свое поселение и скрываются от них в горах. *Эдзо* перевозят свой товар и выкладывают на берегу. [Затем] отплывают и останавливаются там же, [где] и вначале. После этого островитяне приходят большой толпой, принося [свои] изделия. Каждый по отдельности взамен [своей] берет ту вещь, которую он хочет, а прочее оставляют вместе со своим товаром и уходят. *Эдзо* снова подплывают, забирают [оставшееся], грузят [на судно] и возвращаются. Если [предложенного островитянами] товара слишком много, они либо оставляют лишнее, либо докладывают своего товара, и уезжают. Все товары островитян — это шкуры животных, товары *эдзо* — рис, соль, вино, табак, ткани⁴⁹.

В [годы правления] Камбун⁵⁰ в море к востоку от нашей [страны] торговое судно внезапно столкнулось с бушующим ветром и было унесено на северо-восток, и примерно через семь месяцев оказалось неведомо на сколько тысяч *ри* [далеко]. На море была кромешная тьма, не было видно солнца и луны, [и так прошло] еще более ста дней. К тому же [рядом] был огромный кит, [который] появлялся и исчезал среди гигантских волн. Управлять судном [было] чрезвычайно трудно и опасно. Неожиданно [судно] прибило к большой земле, где [оно] остановилось на двенадцать дней. Тогда, [держась] близко к побережью, [оно] поплыло на юго-запад. За восемь дней и ночей проплыли по морю двенадцать или тринадцать *ри*. И снова [прибыли] в некую землю. Оттуда поплыли, как и сначала. И через девять дней и ночей проплыли по морю еще пятнадцать *ри*. И тогда достигли северо-восточной границы [земель] *эдзо*.

(В год Водяной Крысы [правления] Камбун (1672 г. — *В.Щ.*), 23-го числа 12-го месяца, [нагруженное] рисом судно провинции Исэ отплыло из гавани в провинции Сима на восток, и 24-го числа в час Обезьяны (с 15 до 17 часов. — *В.Щ.*) начался бушующий северный ветер, [который] нес [судно] на юго-восток девять дней и ночей. Затем ветер сменился, и [судно] несло течением на северо-восток неизвестно на сколько тысяч *ри*. На следующий год Водяного Быка, 5-го числа 7-го месяца [судно] впервые достигло земли. [Она] называлась Итуруп. Затем достигли [еще] одной земли. [Она] называлась Кунашир. А после достигли северо-восточной границы [земель] *эдзо*. Держась восточного побережья моря, плыли по воде двести *ри* и достигли восточной части. Земля называлась Токати. Отплыв оттуда, достигли Мацумаэ, пройдя по воде сто восемьдесят *ри*.)

Пройдя эти земли, [можно оказаться в месте], которое западные люди называют Крайним Северным морем, а *эдзо* называют тридцатью семью островами. Это и есть [то, что] на картах всех стран называется землями Северной Америки. Эти земли доходят до двух стран, и хотя говорят, [что] их территория обширна, [это] точно не [известно]. Однако если по одному углу судить о противоположном, можно понять и увидеть общее положение. Теперь посмотрим на карту земель *эдзо*. [На ней] земли двух стран все равно что родинка или пуля для воробья⁵¹. Потому, если узнавать об этом из карт и опираться только на слова *эдзо*, которые знают лишь названия [тех

⁴⁸ В действительности Киитаппу — не остров Курильской гряды, а торговый участок, располагавшийся на полуострове Нэмуру на Хоккайдо.

⁴⁹ В данном отрывке речь идет об обычае «безмолвной торговли». Вероятно, она практиковалась в годы, когда на Хоккайдо или на Курильских островах распространялись эпидемические заболевания. Островитянами автор называет курильских айнов, словом *эдзо* — айнов Хоккайдо. Подробнее см.: (Щепкин 2015а: 83–86).

⁵⁰ 1661–1673 гг.

⁵¹ Устойчивое сравнение для очень маленькой страны или территории.

мест], это [приведет к] неправильному пониманию. Поэтому сейчас возьму пока лишь то, о чем слышал в прошлом, и опишу на основе этого их местные обычаи.

[Мне] приходилось слышать, что голландцы называют [эти] земли «Курунрандо» и [говорят, что] они обширны и располагаются у самой северной границы мира, а потому солнечный свет не доходит [туда] на протяжении целого полугода. Обычно [там] часты туманы и холодно. В морях там обитают киты и необычные рыбы. Голландцы также сообщали, что там занимаются китобойным промыслом. Восемьдесят лет назад голландцы однажды достигли юго-восточного побережья [земель] *эдзо*, однако не исследовали северо-западное побережье. На востоке есть два острова. Один из них небольшой. Что до другого, то [голландцы] видели одну только юго-западную часть его. Велик он или мал, также неизвестно. Вероятно, эти два острова из числа так называемых островов в море к востоку от [земель] *эдзо*, которые *эдзо* называют местностью Курумисэ. «Курумисэ» на языке *эдзо* — это «Курунрандо» на языке иностранцев. Эдзоское слово *мисэ* иностранцы называют *рандо*. И то и другое — названия этих островов. То, что на «Карте всех стран» обозначено как «Вомэнландэ» или «Воландэя», и есть эти [острова]. Кроме того, исходя из названий [некоторых] из тридцати семи островов, а именно Сиасикотан, Иимоси и Сиимосири, о которых сообщают *эдзо*, они являются островами в море, расположенными в земле [народа] *шивэй* к юго-востоку от Татарии, как это указано на «Карте всех стран». То есть *сии* значит *Шивэй*. Слово *асикару* на языке *эдзо* значит «ночь». Слово *котан* на языке *эдзо* значит «страна». Таким образом, *асикотан* значит «ночная страна». То есть Ночная страна, на «Карте всех стран» расположенная в море к северо-востоку от [земли народа] *шивэй*, и есть она. Слова *мисэ*, *моси* и *мосири* — это лишь варианты одного и того же слова.

В той стране все горы высоки и круты, густой туман [надежно] защищает с четырех [сторон], а погода неизменно холодная. Мужчины носят распущенные волосы и длинные бороды, уши прокалывают серебряными кольцами, одеваются в медвежьи шкуры, вниз подкладывают птичий пух. Рукава узкие, полы длинные, а запахивают их справа налево. Слева подвешивают лук и стрелы, справа носят меч. Устройство лука и стрел такое же, как у *эдзо*. У их мечей ремень кожаный, ножны деревянные, длина около двух *сяку*. Женщины обрезают волосы, уши прокалывают серебряными кольцами. Диаметр может достигать трех *сун*. Губы татуируют синим, у одежды круглый ворот, в остальном полностью похожа на мужскую.

Среди трав и деревьев нет невысоких, среди птиц и зверей нет небольших. В горах нет лосей и оленей, у морей много коров и лошадей. Когда на побережье выбрасываются киты, варвары убивают их стрелами и копьями. Когда горбуша поднимается вверх по течению, прилив отступает, и вода пересыхает, [они] ловят ее руками и едят. Когда здешние люди варят рис и едят его, варвары, собравшись, смотрят на это с большим удивлением. Языка не понимают, вместо слов изображают то, [что хотят сказать]. Так что понять получается только в общих чертах.

Их селения находятся на расстоянии от побережья. По суше идти примерно три дня. [Однако] если попросить пойти, не позволят, а если настойчиво просить, то дадут отпор, натянув луки. А потому, как устроены их жилища и поселения, до сих пор неизвестно.

(Камыш высотой около одного *дзэ*, а полынь высотой около двух *дзэ*. Рейнутрия величиной и толщиной напоминает бамбук. Лилия также цветет самыми крупными цветами. Все деревья в несколько десятков обхватов, других деревьев не встретить. Их название *тодорифу*, листва похожа на [листву] дзельквы и мелкая, из ветвей делают луки. Из птиц есть коршуны и чайки. Также [вводят-

ся] лисы. Все они крупные. Морское животное под названием *ракко* обитает только у островов в восточном море. Поэтому среди *эдзо* все острова вместе называются «островами *ракко*». Согласно «Географическому описанию Шаньдуна», морская корова длиной более *сяку*, лилового цвета и не имеет рогов. Лапы подобны черепашьим, а хвост как у сома. С помощью их жира зажигают лампы, из их шкур делают чехлы для луков и колчаны для стрел. То, что варвары называют *ракко*, и есть это [животное].

Когда наши люди впервые прибыли [туда], то увидели на берегу тростниковую хижину на двух подпорках, в которой было три человека. На следующее утро одного из них не увидели. Спустя три дня один за другим пришли шестьдесят или семьдесят человек, среди них две женщины. В один из дней сушили одежду на песке. Толпа варваров взяла ее, и тогда на них прикрикнули. Все натянули луки и отошли назад, и, стоя на берегу, все стали переговариваться. И тогда [они] взяли шесть звериных шкур, подошли [ближе] и бросили их на судно. На простых судах нашей страны кожаных изделий избегают, поэтому от них отказались. [Тогда] все [они] снова натянули луки и преподнесли те [шкуры]. [Спустя] еще один день некоторые из них собрались возвращаться, мы последовали за ними и смогли пройти десять *ли*⁵². [Когда] солнце стало клониться [к закату], эти люди обернулись и остановили нас. [Мы] решились обратиться [к ним] с просьбой [проследовать за ними], и тогда все [они снова] натянули луки, поэтому [мы] не смогли идти [дальше].)

Литература

- Араи 1979 — *Араи Хакусэки* 新井白石. Эдзо си 蝦夷志 (Описание эдзо) // Хоппо: мико:кай комондзё сю:сэй 北方未公開古文書集成 (Собрание неопубликованных архивных материалов о Севере). Т. 1. Токио 東京: Со:бунся 叢文社, 1979. С. 39–54.
- Кикути 1994 — *Кикути Исао* 菊池勇夫. Аину миндзоку то нихондзин アイヌ民族と日本人 (Айны и японцы). Токио: Асахи симбунся 朝日新聞社, 1994.
- Маранджян 2016 — *Маранджян К.Г.* История Сахалинского фонда из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13. № 4 (вып. 27). С. 91–99.
- Позднеев 1909 — *Позднеев Д.М.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. Отношение к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио: То:ё: инсацу кабусики кайся, 1909.
- Таскин 1984 — *Таскин В.С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Толстогузов 2005 — *Толстогузов А.А.* Японская историческая наука: проблемы изучения средних веков и феодализма: очерки истории. М.: Вост. лит., 2005.
- Щепкин 2015а — *Щепкин В.В.* Исторические свидетельства безмолвной торговли у курильских айнов // Торговля в этнокультурном измерении: Материалы Четырнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 83–86.
- Щепкин 2015б — *Щепкин В.В.* Японские рукописи и ксилографы, переданные в Азиатский Музей из Императорского Русского географического общества в 1906 г. // Письменные памятники Востока. 2015. Т. 12. № 2 (вып. 23). С. 157–167.

References

- Arai Hakuseki 新井白石. “Ezo shi” 蝦夷志 [The Description of Ezo]. In: *Hoppo mikokai komonjo shusei* 北方未公開古文書集成 [A Collection of Unpublished Archival Materials on the North]. Vol. 1. Tokyo: Sobunsha 叢文社, 1979, pp. 39–54 (in Japanese).

- Kikuchi Isao 菊池勇夫. *Ainu minzoku to nihonjin* アイヌ民族と日本人 [The Ainu and the Japanese]. Tokyo: Asahi shimbunsha 朝日新聞社, 1994 (in Japanese).
- Marandjian Karine. “Istoriia Sakhalinskogo fonda iz sobraniia IVR RAN” [The Sakhalin Fund of the Institute of Oriental Manuscripts]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, vol. 13, no. 4 (issue 27), pp. 91–99 (in Russian).
- Pozdnev, Dmitrii. *Materialy po istorii Severnoi Iaponii i eio otnoshenii k materiku Azii i Rossii* [Materials on the History of Northern Japan and Its Relations with the Continent of Asia and Russia]. T. 2. Ch. 1. Otnosheniia k narodam Manchzhurii i dannye po istorii Matsumaesskogo klana [Vol. 2. Part 1. Relations with Peoples of Manchuria and Data on the History of the Matsumae Clan]. Tokyo: Toyo insatsu kabushiki kaisha, 1909 (in Russian).
- Shchepkin, Vasilii. “Iaponskiie rukopisi i ksilografy, peredannye v Aziatskii Muzei iz Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshestva v 1906 g.” [Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books Transferred to Asiatic Museum from Imperial Russian Geographic Society in 1906]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2015, vol. 12, no. 2 (issue 23), pp. 157–167 (in Russian).
- Shchepkin, Vasilii. “Istoricheskiye svдетельstva bezmolvnoi torgovli u kurilskih ainov” [Historical Evidence of Silent Trade by the Kuril Ainu]. In: *Torgovlia v etnokulturnom izmerenii: Materialy Chetyrnadtsat'kh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Trade from the Viewpoint of Ethno-Cultural Studies: Materials of the 14th International St. Petersburg Ethnography Readings]. St. Petersburg: IPTs SPGUTD, 2015, pp. 83–86 (in Russian).
- Taskin, Vsevolod. *Materialy po istorii drevnih kochevykh narodov gruppy dunhu* [Materials on the History of Ancient Nomadic Peoples of the Donghu Group]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1984 (in Russian).
- Tolstoguzov, Aleksandr. *Iaponskaia istoricheskaia nauka: problemy izucheniia srednikh vekov i feodalizma: ocherki istorii* [Japanese Historical Science: Problems of the Study of the Middle Ages and Feudalism: Historical Sketches]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2005 (in Russian).

“The Description of Ezo” by Arai Hakuseki

Introduction, translation from Japanese into Russian and commentaries by Vasilii V. Shchepkin

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 5–19)
Received 28.01.2021.

Vasilii V. Shchepkin

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

“The Description of Ezo” is the first Japanese historical and geographical description of the Ainu, a people who lived to the north of the Japanese, in Hokkaido, Sakhalin and the Kuril Islands. It was written in 1720 by the famous scholar and statesman Arai Hakuseki (1657–1725). In the second half of the Edo period (1603–1867), owing to the figure of the author and lucidity of the text, “The Description” virtually acquired the status of an official document. It was a significant source for many later works on the Ainu. The article presents the first full translation of the text into Russian.

Key words: Ainu, Hokkaido, Kuril Islands, historical and geographical descriptions, Arai Hakuseki, Japan, civilization and barbarians.

About the author:

Vasilii V. Shchepkin, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (vschepkin@gmail.com).

Таты Апшерона и других районов Южного Кавказа

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63133

Статья посвящена древнему иранскому населению Апшерона и других районов Южного Кавказа — татам, частично сохранившимся до наших дней. На основе разных источников — русских, азербайджанских и западных — автор показывает, что таты являются исконными жителями указанного региона, имеющими давнюю и самобытную историю и культуру и, несмотря на все превратности судьбы и не всегда благоприятные внешние обстоятельства, не утратившими свой язык и идентичность.

Ключевые слова: иранские народы, персоязычное население Кавказа, этнография Южного Кавказа.

Статья поступила в редакцию 19.10.2020.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2021

«Таты» — многозначный термин, служащий или служивший названием либо самоназванием отдельных групп населения Ирана, Средней Азии, Кавказа, включая Южный, Сибири, Венгрии и Монголии (Люшкевич 1971: 25). Теме «татов» посвящены многие работы иранистов, среди которых укажем Б.В. Миллера, А.Л. Грюнберга, Ф.Д. Люшкевич и др. Отмечается, что распространение термина «тат» на столь обширной территории вряд ли связано с его единым этническим содержанием (Там же). В более узком значении это — название, закрепившееся в ряде регионов Ирана и Кавказа за ираноязычным населением в местах его совместного проживания или пересечения с тюрками. И в этом смысле оно функционально схоже с термином «таджик» в одном из его исторических значений (оседлый иранец, ираноязычный)¹. Как отмечают А.Л. Грюнберг и Л.Х. Давыдова, «татами» тюрки-кочевники обозначали оседлых земледельцев, преимущественно иранцев (Грюнберг, Давыдова 1982: 232).

¹ На это семантическое сходство между терминами «тат» и «таджик» обращает внимание Б.В. Миллер (Миллер 1929: 41).

В Иране термин «тат» применяется для обозначения отдельных групп ираноязычного населения (как говорящего на северо-западных иранских диалектах в иранском Азербайджане, так и на юго-западных, например, в Хорасане²), а на Кавказе, включая Южный, — группы татов-мусульман, татов-евреев³ и татов-армян⁴. Все три эти группы говорят на близкородственных персидскому языку юго-западных иранских диалектах, именующихся «татскими» (Оранский 1979: 37 и др.). Настоящая статья посвящена некоторым вопросам, связанным прежде всего (но не исключительно) с татами-мусульманами Южного Кавказа, преимущественно Апшеронского полуострова. Таким образом, татов, о которых пойдет речь, говорящих на близкородственных к персидскому юго-западных иранских диалектах, следует отличать от татов иранского Азербайджана, говорящих на северо-западных иранских диалектах, близких к талышскому (Оранский 1979: 37, примеч. 29). Последние с высокой долей вероятности являются прямыми потомками древнего иранского населения исторической иранской провинции «Азербайджан», именовавшегося «азери», тогда как таты Южного Кавказа, по мнению ряда авторитетных иранистов, скорее всего, ведут свое происхождение от воинов персидских гарнизонов, создававшихся на границах Сасанидской империи при последних ее правителях в период войн персов с хазарами за обладание Дербентом (Грюнберг, Давыдова 1982: 232). Знаменательно, что они зачастую именуют свой язык «парси»⁵ или «фарси» (Миллер 1929: 5, 16, 29)⁶.

Эта неразрывная связь татов-мусульман с персами, чьи диалекты на Южном Кавказе с лингвистической точки зрения вполне могли бы рассматриваться как персидские, а сами таты данной группы (таты-мусульмане Южного Кавказа) — как этнографическая группа персов, отражена и в словаре Махмуда Кашгарского, в котором говорится:

«Тат تَت — „перс“, у большинства тюрок».

² Х. Сафарзаде описывает «говор татов северного Хорасана» (Safarzadeh 1384). Примеры, приводимые этим автором, дают основание заключить, что данный говор ничем не отличается от персидских диалектов (юго-западного типа) хорасанской группы.

³ Татам-евреям, как и вообще персыязычным евреям, посвящена обширная литература.

⁴ В XX в. таты-армяне (или армяно-таты) компактно проживали на территории Азербайджанской ССР в двух селениях — Матраса (недалеко от Шемахи) и Кильвар. Б.В. Миллер по этому поводу пишет: «Повсюду при объезде татских местностей приходится регистрировать следы прежнего значительного распространения в Прикаспии армянской религии и культуры в виде остатков кладбищ и церквей и слышать предания о том, что прежде население было „армянами“. Например, на Апшероне между селениями Туркян и Кал’а, как рассказывают, был в старину город Qaisidun, по-видимому, армянский. В Бузовна имеются развалины армянской церкви. Балаханцы называют Сабунчи (Sa’bunci) — Эрмен-ди (Ətmən-di), т.е. армянское село. Возможно, что матрасинцы выехали из Сабунчи в то время, когда там жили армяне (по вере?), чем объясняется тот факт, что балаханцы находят наречие матрасинцев близким к своему» (Миллер 1929: 13).

Жители Матрасы (наиболее крупная община татов-армян), по нашим сведениям, попав в водоворот печальных политических событий конца 80-х годов прошлого века, были вынуждены покинуть насиженные места и переселиться в Армению, разделившись на две части. Одна из них, оказавшись в северной Армении, погибла во время разрушительного землетрясения 1988 г. Другая компактно поселилась в одной из деревень Армении. Однако, оказавшись на земле своих соплеменников, таты-армяне стали быстро сливаться с окружающим их местным армянским населением, утрачивать своеобразие как отдельной этнографической группы и практически полностью перешли на армянский язык, будучи изначально двуязычными. О судьбе татов Кильвара, также бежавших из родных мест, нам ничего не известно.

⁵ Термином «парси», по нашим личным наблюдениям, именовали свой язык и таты-армяне.

⁶ В.С. Миллер отмечает: «Тюрки Азербайджана называют персов татами» (Миллер 1929: 39).

Далее автор словаря приводит две поговорки о персах, процитируем одну из них: «татиг кузрā тикāник тубрā»⁷ — «перса (бей) в глаз, шип (вырывай) с корнем» (Махмуд ал-Кашгари 2005: 676).

Мы не будем здесь подробно останавливаться на татском языке, поскольку он детально описан в соответствующей литературе, в которой также представлены и фольклорные тексты на различных его диалектах. Отметим лишь, что специфической особенностью этих диалектов на Кавказе как татско-мусульманских (в лингвистической литературе именуемых «южными»), так и татско-еврейских («северных»), по отношению к персидским, таджикским и дари выступают среди прочих два характерных признака: ротацизм в области фонетики, а в системе глагола — образование настоящего времени и некоторых других времен от инфинитива (в южном диалекте с наращением префикса *bā-*)⁸.

Первая особенность (ротацизм) подразумевает переход поствокального *d* (<*t*> *г*, ср. южное *rāsīrān*, северное *rasīre* «достигать» — персидское *rāsīdān* (Грюнберг, Давыдова 1982: 232). Б.В. Миллер со ссылкой на мнение академика Ф.Е. Корша отмечает, что переход *δ* в *г* является крайне распространенным явлением как в иранских, так и других языках. Ф.Е. Корш предполагает, что в самом среднеперсидском языке существовал говор, превращавший *δ* в *г*, и что географически область распространения этого языка примыкала к области армянского, который потому и получал персидские слова через эту среду, так как практически вся заимствованная иранская лексика в армянском отражает феномен ротацизма (Миллер 1953: 260).

Вторую характерную особенность татских диалектов — образование ряда личных глагольных форм от инфинитива — проиллюстрируем спряжением в настоящем времени глагола *bāftān* «плести»:

Лицо	Число	Глагольная форма в татских диалектах ⁹	Соответствующая форма в современном персидском
1	ед.	южн.: <i>bābāftānŷm</i> , сев.: <i>boftenum</i>	<i>mibāfām</i>
2	ед.	южн.: <i>bābāftāni</i> , сев.: <i>bofteni</i>	<i>mibāfi</i>
3	ед.	южн.: <i>bābāftān</i> , сев.: <i>bofteni</i>	<i>mibāfād</i>
1	мн.	южн.: <i>bābāftānim</i> , сев.: <i>boftēnim</i>	<i>mibāfim</i>
2	мн.	южн.: <i>bābāftānind</i> , сев.: <i>boftenit</i>	<i>mibāfid</i>
3	мн.	южн.: <i>bābāftānund</i> , сев.: <i>boftēnut</i>	<i>mibāfānd</i>

Переходя к некоторым аспектам малоизученной истории татов на территории Апшерона и других районов Южного Кавказа, укажем, что, как отмечает С. Ашурбейли в своей «Истории города Баку», «таты бесспорно являются одним из древних этнических напластований на территории Апшерона» (Ашурбейли 1992: 20). Автор пишет: «Исследование топонимики Апшерона позволило прийти к следующим выводам. Данные топонимики свидетельствуют об основном ираноязычном населении полуострова» (Там же: 21). С. Ашурбейли обращает внимание на топонимы и этно-

⁷ Транскрипция слегка изменена.

⁸ Эти же особенности присущи и армяно-татскому.

⁹ Примеры даются по очерку (Грюнберг, Давыдова 1982: 274).

графические данные Апшерона, а также Ширванской и Муганской степей как на одно из важных подтверждений того, что иранцы с давних времен заселяли эти территории, благодаря чему Апшерон издревле считался одним из центров зороастризма. Так, она пишет: «Топонимические и этнографические данные Ширванской и Муганской степи, а также Апшерона, населенного ираноязычными татами, говорят о распространении этого культа (т.е. зороастризма/маздеизма. — *Ю.И.*) в указанной зоне» (Ашурбейли 1992: 20). Автор продолжает: «Исследование топонимики Апшерона показало, что название его сел в основном связано с наименованиями и языками тех племен и народов, которые в отдаленную от нас эпоху населяли полуостров, оставив свой след в названиях ряда его населенных пунктов, некоторые из которых сохранились до наших дней» (Там же). Название города Баку, по мнению С. Ашурбейли (и ряда других авторов), наиболее вероятно, тоже имеет иранскую этимологию: Баку < Багаван (ир. *Бага* или *Баг* «Бог» + суффикс *-ван*). Последний суффикс, как и корень *Баг*, широко представлен в названиях населенных пунктов Ирана и Армении (Там же: 21). На основе топонимов С. Ашурбейли делает справедливый вывод о том, что тюркское население на Апшероне составляло меньшинство: «Тюркан — тюрки и Кюрдахана [—] поселения курдов явно показывают, что как марды, так и тюрки, и курды являлись иноплеменным населением полуострова, и свидетельствуют об этническом меньшинстве этих племен на территории Апшерона. В топонимике Апшерона наличествует довольно сильный иранский пласт. Возможно, ираноязычное население в этом районе появилось уже в первой половине I тыс. до н.э.» (Там же: 20).

Как отмечает И.М. Оранский, начиная с XI–XIII вв. (с эпохи сельджукских завоеваний) в северо-западных областях иранского нагорья происходит процесс распространения тюркских языков. Ираноязычное население этих областей постепенно переходило на тюркскую речь, и лишь относительно небольшая часть этого населения сохранила до наших дней свои иранские языки — татский, талышский, диалекты Северо-Западного Ирана. При этом и здесь ираноязычное население, как правило, двуязычно и наряду с родными своими языками и диалектами владеет обычно тюркским (Оранский 1979: 79). Есть все основания полагать, считает Б.В. Миллер, что в древние эпохи, до вторжения тюркских племен в Закавказье, татоязычное население смыкалось с талышеязычным. В настоящее время оба этих иранских народа разделены друг от друга равниной нижнего течения Куры и Муганской степью, заселенной уже азербайджанцами-тюрками (Миллер 1953: 261).

Хотя этнолингвистическая ситуация в регионе Южного Кавказа и Северо-Западного Ирана, выражавшаяся в сосуществовании иранских языков, включая татский, с тюркским(и), развивалась по линии вытеснения первых, на момент присоединения Южного Кавказа к России и овладения русскими войсками Бакинской крепостью в регионе имелось значительное население татов — мусульман и евреев, причем весь Апшеронский полуостров и город-крепость Баку были населены татами-мусульманами. Джеймс Минахан, автор «Энциклопедии этносов Северной, Южной и Центральной Азии», пишет: «Когда город Баку был занят русскими войсками в начале XIX в., почти все население Баку, составлявшее около 8 тысяч человек, было этнически татским» (Minahan 2014: 262)¹⁰. То, что в начале XIX в. таты-шииты представляли собой подавляющее большинство (*böyük əksəriyyəti*) населения г. Баку и прилегающих районов, отмечает и А.С. Юнусов (Yunusov 2004: 98).

¹⁰ Ср.: When the town of Baku was occupied by Russian forces in the early 1800s, nearly the entire population of some 8,000 people was ethnic Tat (Minahan 2014: 262).

Нижеследующая карта, на которой выделены районы компактного проживания татов, показывает, что ситуация оставалась такой даже спустя несколько десятилетий после присоединения Южного Кавказа к России.

Может создаться впечатление, что все дело лишь в «неверном» обозначении и русские, как и другие европейцы, стали прилагать термин «тат» к тюркоязычному населению этого региона, именовавшемуся в дореволюционной России «кавказскими татарами» (ср. также: “Caucasian Tatar (Azerbaijani) population” на карте выше)¹¹. Однако такое допущение опровергается надежными источниками. Известный азербайджанский ученый-просветитель Аббас Ага Кули Бакиханов (1794–1847) в своем написанном по-персидски пространном историческом труде «Гулистан-и Ирам» сообщает:

هشت قریه در طبرسران که جلقان و روکال و مقاطیر و کماخ و زیدیان و حمیدی و مطاعی و بیلحدی باشد، در حوالی شهری که انوشیروان در محل متصل به دربند تعمیر کرده بود و آثار آن هنوز معلوم است، زبان تات دارند که یکی از اصطلاحات فارس قدیم است معلوم می شود که ایشان اهل فارسند که بعد از خرابی آن شهر در دهات مذکوره سکنی گرفته اند... محالات واقع در میان بلوکیں شماخی و قدیال که حالا شهر قبه است، مثل حوض و لاهج و قشونلو در شیروان و برمک و شش پاره و پایین بدوق در قبه و تمام مملکت باکو سوای شش قریه تر اگمه، همین زبان تات را دارند که معلوم میشود که اصل ایشان نیز از فارسست

«[Население] восьми селений в Табарсаране, как то: Джалкан, Рукал, Магатир, Камах, Зиднан, Гумейди, Мутаги и Билхади, в окрестностях примыкающего к Дербенду города, который построил Ануширван¹² и следы которого видны до сих пор, говорит на татском языке — одном из наречий древней Персии / [провинции] Фарс.

¹¹ См. (Миллер 1229: 11). Ср. также указание на слова известного русского востоковеда П.И. Лерха (1828–1884) у С. Ашурбейли: «Далее Лерх пишет в 1734 г., что 3 ноября отняли татары (т.е. азербайджанские турки. — С.А.) у казаков более 200 голов рогатого скота и убили пять казаков; а из татар убито было десять» (Ашурбейли 1992: 110).

¹² Хосров Ануширван (531–578) — царь из персидской династии Сасанидов, вошедший в историю как образец справедливого правителя.

Очевидно, что они — жители Персии/Фарса, которые после разрушения той страны/провинции поселились в тех деревнях... Районы, расположенные между городами¹³ Шемаха, Кудиал, который теперь Куба, как то: Геуз, Лахидж и Кошунлу в Ширванском, Бармак, Шешпара, нижняя часть Будуха в Кубинском уезде и весь Бакинский уезд, кроме шести деревень *терекеме* или туркменов, говорят на том же татском языке, что указывает на их персидское происхождение» (Бакиханов 1970: 18–19; пер. наш, подчеркнуто и выделено нами. — Ю.И.).

То, что русские источники четко различали «татов» и «тюрок», в том числе на территориях их смежного проживания, не может быть поставлено под сомнение. Характерным примером того выступает изданный в 1909 г. полковником Генерального штаба А.И. Медведевым справочник по Персии, в котором, в числе прочего, при описании маршрутов из одних населенных пунктов в другие указываются численность и этнический состав их населения. Так, в таблице, относящейся к селениям на «2-м участке дороги Тавриз¹⁴ — Тегеран», отмечено тюркское, татское и персидское(!) население в разных селах, как, например: «Басмыдж (600 дв[оров], тюрки)», «Туркманчай (700 дв., тат.)», «Зенджан (10 000 дв., тат. и перс.)» и т.п. (Медведев 1909: 248–249). То, что таты и персы здесь тоже различаются, объясняется, скорее всего, указанным выше обстоятельством, заключающимся в том, что в Северо-Западном Иране термином «таты» обозначаются не носители юго-западных иранских диалектов, в лингвистическом отношении мало отличимых от персидских диалектов, как таты Южного Кавказа, а носители северо-западных иранских диалектов. Но при всех случаях термин «тат» нигде не прилагается к тюркам.

С включением Апшерона и других территорий Южного Кавказа в состав России процесс вытеснения татского языка тюркским продолжился и даже усилился. Дж. Минахан по этому поводу пишет: «Развитие бакинского региона на Апшеронском полуострове, особенно нефтедобывающей отрасли, привело к большому потоку в регион этнических азербайджанцев, русских и других. [Тем не менее], согласно русским источникам, татский язык широко употреблялся в равнинных областях вдоль Каспийского моря. В „Календаре Кавказа“, опубликованном в 1894 г., численность татов на Южном Кавказе оценивается в 124 693 человека. В результате постепенного распространения тюркского азербайджанского языка (Turkic Azeri language) он вытеснил татский на многих равнинных территориях. Установление советской власти в 1920 г. существенно изменило соотношение этносов в регионе. Азербайджанцы стали рассматриваться как титульная национальность (the titular nationality) Азербайджанской республики в пределах Советского Союза, и культурная ассимиляция с азербайджанцами сделалась официальной политикой (assimilation into the Azeri culture became official policy)» (Minahan 2014: 262).

Мы видим, что в процессе вытеснения татского языка и культурной ассимиляции его носителей играли роль как объективные, так и отчасти субъективные факторы. Возможно также, что власти Российской империи не очень благоволили к татам как к проводникам персидского влияния в регионе, который являлся ареной противостояния между Россией и Персией, и поэтому не способствовали этнической консолидации татов. Однако едва ли это послужило решающим фактором в данном процессе.

¹³ Букв. «булуками», т.е. округами. Ср. (Медведев 1909: 92).

¹⁴ «Тавриз» — старая передача названия г. Табриза.

Есть также основания предполагать, что если официальная статистика в дореволюционной России указывала реальную численность татов, то в советское время она не давала истинной картины, существенно занижая количество их представителей в регионе. Данное обстоятельство касалось в первую очередь татов-мусульман. Так, Б.В. Миллер, посвятивший в 20-е годы прошлого столетия вопросу расселения татоязычного населения отдельный труд на основе собственных полевых исследований, отмечает, что «лет 35 тому назад в бывшей Бакинской губернии официальная статистика насчитывала около 125 000 татов-мусульман. Та же цифра татов (по данным на 1922 г.), населяющих значительными группами Бакинский и Кубинский уезды и северную часть Шемахинского уезда АССР и отдельными поселениями доходящих до Дербенда (Дербендский и Кайгадго-Табасаранский округа), указана в авторитетном издании Комиссии по изучению племенного состава СССР при Академии Наук, вышедшем в 1927 г., под редакцией И.И. Зарубина» (Миллер 1929: 4), тогда как «данные переписи 1926 г. сообщают совсем другие цифры: по национальности себя показали татами лишь 38 713 чел., из коих 28 443 татов-мусульман и 10 270 горских евреев¹⁵» (Там же: 4–5). Этот же автор отмечает следующее: «...возвращаясь из Ленкорана и находясь проездом в Баку, я старался в этом городе из бесед с некоторыми лицами, считавшими себя знатоками края, составить себе представление о положении татского вопроса. Мне было тогда сказано, что татов в АССР в сущности почти уже совсем не осталось, кроме 7–8 сколько-нибудь значительных селений» (Там же: 3). Между тем, указывает Б.В. Миллер, главные районы их расселения в Азербайджанской ССР следующие: Апшеронский полуостров, Хизинский дайра (Бакинского уезда), Кубинский уезд и северо-западная часть Шемахинского уезда с прилегающей частью Геокчайского (Там же: 5).

В советское время численность татов-мусульман, согласно официальной статистике, продолжала неуклонно снижаться. Если в 1926 г. она составила 28 443 человека (ср. выше данные, которые приводит Б.В. Миллер), то к концу 80-х годов прошлого столетия, как указывает Дж. Минахан, она опустилась до 10 000 (Minahan 2014: 262). И это с учетом высокой рождаемости в указанном регионе. Б.В. Миллер сообщал, что во время своей экспедиции в 20-х годах прошлого столетия к местам расселения татов при расспросах знатоков края о татах он получал следующий ответ: «...сами таты совершенно индифферентно относятся к своей национальности, мало того, будто бы даже стыдятся ее, считая наименование „тат“ если не позорным, то во всяком случае малопочтенным» (Миллер 1929: 3). Однако теперь, видимо, ситуация меняется, и появились признаки возрождения татской культуры. Так, Дж. Минахан отмечает: «Лидеры татов вначале приветствовали распад Советского Союза и появление независимого Азербайджана в 1991 г. С уходом в прошлое советской политики многие таты обратились к своей преданной на долгие годы забвению культуре. Однако политика ассимиляции не прекратилась и при новом руководстве... Но, несмотря на меньшее использование татского языка, возрождение татской культуры продолжилось. К первым декадам XXI в. бурно развивающееся культурное движение стимулировало употребление этого языка и возрождение традиционной татской культуры» (Minahan 2014: 262).

В заключение укажем, что в этой статье мы лишь кратко затронули некоторые вопросы, связанные с татами. Тем не менее, как представляется, нам удалось продемон-

стрировать и обосновать, что иранцы-таты являются древним населением Апшеронского полуострова и других областей Южного Кавказа. Примечательно, что на крайнем северо-западе ареала распространения иранских народов издревле имелось компактное население, говорящее не на северо-западных, а на юго-западных иранских диалектах. Оно, несомненно, внесло существенный вклад в историю и культуру всего региона. Мы надеемся, что традиции изучения татов и того, что с ними связано, заложенные предшествующими поколениями иранистов, найдут свое продолжение и получат развитие в настоящем и будущем.

Литература

- Ашурбейли 1992 — *Ашурбейли С.А.* История города Баку. Баку: Азернешр, 1992.
- Бакиханов 1970 — *Бакиханов Аббас Ага Кули.* Гулистан-и Ирам. Баку: Элм, 1970.
- Грюнберг, Давыдова 1982 — *Грюнберг А.Л., Давыдова Л.Х.* Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- Люшкевич 1971 — *Люшкевич Ф.Д.* Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // Советская этнография. 1971. № 3. С. 25–32.
- Махмуд ал-Кашгари 2005 — *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-пресс, 2005.
- Медведев 1909 — *Медведев А.И.* Персия. Военно-статистическое обозрение. С картой и рисунками. СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1909.
- Миллер 1929 — *Миллер Б.[В].* Таты, их расселение и говоры. Баку: Общество Обследования и Изучения Азербайджана, 1929.
- Миллер 1953 — *Миллер Б.В.* Талышский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Оранский 1979 — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979.
- Minahan 2014 — *Minahan James.* Ethnic Groups of North, East, and Central Asia: An Encyclopedia. 2014 [https://books.google.ru/books?id=oZCOAwAAQBAJ&pg=PA262&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false].
- Safarzadeh 1384 — *Safarzadeh H.* Pazhuheš-i dar guieš-e tâti-ye šomâl-e Xorâsân va kârbord-e ân dar tashih-o šarh-e motun-e adab-e fârsi // Majalle-ye dâneškade-ye adabiât-o olum-e ensâni-ye Mašhad, 1384, No. 159. Mašhad, 1384. P. 67–88.
- Yunusov 2004 — *Yunusov A.S.* Azərbaycanda islam. Bakı: Zaman, 2004.

References

- Ashurbeili S.A. *Istoriia goroda Baku* [The History of the City of Baku]. Baku: Azerneshr, 1992 (in Russian).
- Bakikhanov, Abbas Agha Quli. *Gulistan-i Iram* [Heavenly Garden]. Baku: Elm, 1970 (in Persian).
- Gryunberg A.L., Davydova L.Kh. “Tatskii yazyk” [The Tati Language]. In: *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia*. Novoiranskie iazyki: zapadnaia grupa [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The Western Group]. Ed. by V.S. Rastorguieva. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian).
- Liushkevich F.D. “Termin ‘tat’ kak etnonim v Srednei Azii, Irane i Zakavkazie” [The Term “Tat” as an Ethnonym in Middle Asia, Iran and Transcaucasia]. *Sovetskaia Etnografiia*, 1971, no. 3, pp. 25–32 (in Russian).
- Mahmud al-Kašgari. *Divan Lughat at-Turk* [Divan: A Turkic Vocabulary]. Alma-Aty: Daik-press, 2005 (in Russian).

- Medvedev A.I. *Persia. Voienno-statisticheskoe obozrenie s kartoi i risunkami* [Persia: A Military Statistical Review with a Map and Pictures]. St. Petersburg: Frolova's litho-typography, 1909 (in Russian).
- Miller B.[V.] *Taty, ikh rasselenie i govory* [The Tats, Their Territory and Language Varieties]. Baku: Obshchestvo obsledovaniia i izucheniia Azerbaidzhana, 1929 (in Russian).
- Miller B.V. *Talyshskii iazyk* [The Talishi Language]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953 (in Russian).
- Minahan, James. *Ethnic Groups of North, East, and Central Asia: An Encyclopedia*. 2014 [https://books.google.ru/books?id=oZCOAWAAQBAJ&pg=PA262&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false] (in English).
- Oranskii I.M. *Iranskie iazyki v istoricheskom osveshchenii* [Iranian Languages in a Historic Perspective]. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).
- Safarzadeh, Habib. "Pazhuheš-i dar guieš-e tâti-ye šomâl-e Xorâsân va kârbord-e ân dar tashih-o šarh-e motun-e adab-e fârsi" [A Study in the Tati Variety of Northern Khorasan and Its Use in Editing and Commenting on Persian Literary Texts]. *Majalle-ye dâneškade-ye adabiiât-o olum-e ensâni-ye Mašhad*, 1384, no. 159. Mašhad, 1384, pp. 67–88 (in Persian).
- Yunusov A.S. *Azərbaycanda islam* [Islam in Azerbaijan]. Bakı: Zaman, 2004 (in Azeri Turkic).

The Tats of the Absheron Peninsula and Other Regions of the South Caucasus

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 20–28)
Received 19.10.2020.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article discusses the Tats, an ancient Iranian people of the Absheron Peninsula and other regions of the South Caucasus, who have partially survived there to the present day. On the basis of various sources—Russian, Azeri and Western—the author demonstrates that the Tats are an indigenous population of the above region with their own centuries-old history and traditional culture, who, despite the vicissitudes of fortune and sometimes unfavorable external circumstances, have preserved their language and identity.

Key words: Iranian peoples, Persian-speaking population of the Caucasus, ethnography of the South Caucasus.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

Курдские поэты: из истории изучения курдской литературы

З.А. Юсупова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63137

В предлагаемой статье излагается довольно сложная история изучения курдской литературы (по доступным автору материалам), охватывающая период от позднего средневековья до середины XX в. В статье автор ставит целью установить степень изученности существующей на разных диалектах курдской литературы и определить задачи, стоящие перед курдским литературоведением¹.

Ключевые слова: поэтическая литература, письменные памятники, диваны, сборники стихов, отечественное курдоведение.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

Юсупова Заре Алиевна, доктор филологических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (orinst@mail.ru).

© Юсупова З.А., 2021

*Светлой памяти М.Б. Руденко,
открывшей врата в сокровищницу курдской поэзии,
посвящается*

Многовековая курдская литература, прошедшая в силу территориальной разделенности Курдистана чрезвычайно сложный путь своего развития, создавалась на разных курдских диалектах, из них статус официального языка имели диалекты курманджи, горани и сорани, словесность на которых отличается высокой письменной культурой.

Приоритет в области изучения курдской литературы принадлежит русским исследователям, впервые открывшим существование письменной литературы курдов. Об этом, в частности, свидетельствует исследователь В. Диттель, который после путешествия в середине XIX в. по Востоку писал: «Я никак не ожидал, чтобы языки

¹ Автор выражает искреннюю благодарность своему коллеге с.н.с. ИВР РАН Ю.А. Иоаннесяну за советы и замечания, способствовавшие работе над настоящей публикацией.

племен курдов, так мало исследованные ориенталистами, могли иметь кроме устной литературы столь обширную письменную» (Диттель 1847).

Особое место в истории изучения курдской словесности занимают труды петербургского исследователя А. Жабы², которому в годы службы консулом в Турции (1836–1869) удалось собрать коллекцию рукописей известных средневековых курдских поэтов, писавших на северокурдском диалекте курманджи³. В дальнейшем изучением этих материалов в стенах ЛО ИВ АН СССР (ныне ИВР РАН) занялась М.Б. Руденко, именно ей мы обязаны появлением описаний курдских рукописей. И первой из ее работ в этом направлении стало исследование рукописи знаменитой эпической поэмы «Мам и Зин» Ахмеда Хани (XVII в.) (Руденко 1961а). Академик И.А. Орбели назвал его «величайшим поэтом человечества», поставив его поэму в один ряд с произведениями таких великих поэтов Востока, как Фирдоуси и Руставели, оценив ее такими словами: «Далеко не все народы Востока могут гордиться таким высоким культурным достижением, каким является поэма Ахмеда Хани, написанная 300 лет назад» (Руденко 2014: 9). М.Б. Руденко также заметила: «Одного только знакомства с творениями Ахмеда Хани достаточно, чтобы понять, какой высокой культурой обладали курды» (Там же: 132).

По свидетельству М.Б. Руденко, в коллекции А. Жабы имеется девять списков поэмы «Мам и Зин», изучением которой занимался и сам А. Жаба, подготовивший пересказ поэмы и снабдивший его французским переводом. Позже подготовленный А. Жабой текст поэмы в 20-х годах XX столетия взялся опубликовать австрийский востоковед Х. Макаш, но безуспешно. В дальнейшем изучением поэмы занимался и немецкий ориенталист М. Хартман, и некоторые другие западные ученые. Однако из-за сложности текста знаменитая поэма Ахмеда Хани оставалась даже непереведенной. Только в 1962 г. вышла в свет книга М.Б. Руденко «Ахмед Хани. Мам и Зин», которая была посвящена светлой памяти И.А. Орбели (Руденко 1962). Надо сказать, что в основе книги М.Б. Руденко, содержащей первый перевод поэмы на европейский язык (русский), а также критический текст и указатели, лежит ее кандидатская диссертация. И.А. Орбели, выступая главным оппонентом, назвал творение Ахмеда Хани лучшим памятником курдской литературы, свидетельствующим, по его словам, об изысканности и возвышенности духовной культуры курдского народа.

Поэма Ахмеда Хани «Мам и Зин» издавалась и переиздавалась неоднократно. Одно из первых его изданий, осуществленное в 1337 г.х. (1918/1919) курдским ученым Азизом Шарман-заде, представляет особую ценность. Оно было выполнено по рукописи, которую от авторской рукописи отделяло всего 60 лет. В 1915 г. в г. Хавлере (Эрбиль) по тексту другого списка поэма была издана известным курдским историком Хузни Мукриани, много сделавшим для сохранения и развития курдской словесности. Позднее этот же текст переиздавался в 1954 и 1968 гг. братом Хузни — Гиви Мукриани. В 1921 г. «Мам и Зин» была издана в Стамбуле. Это издание, однако, было полностью уничтожено турецкими властями. В 1947 г. поэма была опубликована в г. Халебе (Алеппо) курдским филологом Башир Хасаном аль Хашими.

Вслед за русским изданием поэмы, осуществленным М.Б. Руденко (1962), в 1968 г. в Стамбуле публикуется текст «Мам и Зин» в латинской транскрипции с переводом на турецкий язык, выполненным известным курдским филологом А. Бозарсланом.

² Подробно о трудах А. Жабы см. (Руденко 2014: 34–39).

³ Литература на курманджи в основном развивалась в курдских феодальных княжествах на территории северо-восточной Турции.

Данное издание отличается тем, что его текст содержит немало лакун, где излагаются социально-политические воззрения поэта, которые, по словам М.Б. Руденко, «пугали недругов Курдистана даже 300 лет спустя» (Руденко 1962).

В 1989 г. известный курдский поэт Абдуль Рахман Хажар в Париже издает «Мам и Зин» в переложении на южнокурдский диалект мукри (см.: Нежар 1989). Существуют публикации поэмы в переложении и на другие курдские диалекты, как и переводы на другие языки (арабский, английский, голландский), свидетельствующие о большой популярности данного произведения. Об этих публикациях подробно излагается в книге иракского ученого Фархада Шакали («Курдский национализм в „Мам и Зин“ Ахмеда Хани»), изданной в 1992 г. Курдским институтом в Брюсселе (Shakely 1992). Основная часть этой книги посвящена анализу патриотических, социально-политических воззрений Ахмеда Хани, а также описанию творческого наследия и жизненного пути поэта.

Помимо прославленной поэмы «Мам и Зин» перу Ахмеда Хани принадлежат стихотворный арабско-курдский словарь, известный под названием «Ноубар» («Первый плод»), составленный поэтом для курдских ребятишек с целью облегчения изучения ими арабского языка в медресе⁴, а также ряд лирических газелей. Словарь, по данным М.Б. Руденко, впервые был издан в 1897 г. в Стамбуле, а газели, хранящиеся в коллекции А. Жабы, также впервые были опубликованы с переводом на русский в 1971 г. М.Б. Руденко (Руденко 1971: 160–167).

Вслед за исследованием творческого наследия Ахмеда Хани М.Б. Руденко приступила к изучению и публикации других средневековых памятников, таких как поэма «Шейх Сан'ан» Факи Тайрана (XIV в.) (Факи Тайран 1965), поэма «Лейли и Меджнун» Хариса Битлиси (XVIII в.) (Харрис Битлиси 1965), а также поэма «Юсуф и Зелиха» Селима Слемана (XVI в.) (Руденко 1986). В основе последней публикации, изданной посмертно, лежит докторская диссертация М.Б. Руденко, рукопись которой хранится в архиве ИВР РАН. Там же находится рукопись курса лекций по средневековой курдской литературе, прочитанных М.Б. Руденко в 1970 г. на восточном факультете Ереванского университета. Эти лекции опубликованы ученицей М.Б. Руденко Ж.С. Мусаэлян в книге «Очерки средневековой курдской литературы» (Руденко 2014).

В продолжение изучения средневековой курдской литературы Ж.С. Мусаэлян исследовала и опубликовала ранее неизвестный памятник XV–XVI вв. «Замбильфрош» («Продавец корзин») (Замбильфрош 1983), о котором М.Б. Руденко писала в своих «Очерках»: «Это первое и пока единственное произведение городской поэзии в истории курдской литературы» (Руденко 2014).

Творчеству другого выдающегося курдского поэта-суфия, известного под именем Малае Джезири («Мулла Джезири») ⁵, также писавшего на диалекте курманджи, посвящена книга петербургского курдоведа К.Р. Эйюби (под редакцией И.А. Смирновой) (Эйюби 1994).

Первые сведения о Малае Джезири на русском языке мы находим в публикациях А. Жабы, а затем и в «Очерках» М.Б. Руденко, назвавшей его «великим, талантливым

⁴ Подробнее о датах и издателях словаря см. (Руденко 1971: 100).

⁵ В старину у курдов было принято называть муллою не только духовных лиц, но и высокообразованных людей. Следует иметь в виду, что предлагаемые исследователями даты жизни поэта весьма разноречивы. По данным К.Р. Эйюби, основанным на курдских источниках и произведениях самого Джезири, он родился в 70-е годы XVI в. и умер в 40–50-е годы XVII в. (Эйюби 1994: 13–14).

поэтом, философом и мыслителем, творчеством которого интересовались многие, как курдские, так и европейские исследователи» (Руденко 2014: 118). Характеризуя поэтическое наследие поэта, чей диван впервые был издан литографическим способом в 1904 г. немецким ориенталистом М. Хартманом (Hartmann 1904), М.Б. Руденко говорит о необычайной сложности и многоплановости его поэтических образов, постижение которых требует глубокого знания суфийской поэзии и связанной с ней символики (Руденко 2014: 119–131). Возможно, по этой причине высокая поэзия Малае Джезири до конца XX в. оставалась неисследованной.

Первый серьезный шаг в изучении поэтического наследия Малае Джезири был предпринят в Курдистане известным ученым литературоведом Садыком Бахааддин-ом Амеди, опубликовавшим в 1977 г. в Багдаде диван поэта (Amêdî 1977). В основу этого фундаментального труда (638 с.) положен вариант дивана, опубликованного М. Хартманом, а также еще девять малодоступных вариантов дивана Малае Джезири как рукописных (из частных коллекций), так и изданных в Сирии, Ираке, Египте, Турции в 20-х–70-х годах XX в. Этот ценнейший материал, включающий составленный автором критический текст, и был использован петербургскими исследователями, осуществившими перевод дивана, благодаря которому, по словам К.Р. Эйюби, «удалось найти ключ к философской системе Малае Джезири» (Эйюби 1994: 6). Помимо впервые осуществленного перевода книга содержит всесторонний литературоведческий анализ произведений поэта.

Изучению творчества Малае Джезири посвящен и фундаментальный труд (626 с.) упомянутого выше южнокурдского поэта Хажара, опубликованный под названием «Диван премудрейшего благочестивого шейха Ахмеда Джезири, известного как Малае Джезири. Толкование Хажара» (Hejar 1982). Это издание примечательно тем, что его автором предлагается «свод толкований значений слов и глубинного, лежащего за текстом, содержания стихов Малае Джезири» (Эйюби 1994: 7), переложенный на родной диалект мукри.

Как свидетельствуют источники, близким по творчеству к Малае Джезири, признанному специалистами основателем школы газели в курдской литературе, был его ученик Партав-бек Хакари (курд. Pertewî, Perto). Большая заслуга в изучении и сохранении творческого наследия этого незаслуженно забытого поэта принадлежит тому же Садыку Амеди, который на протяжении многих лет занимался поисками и сбором его стихов, и только в 1978 г. им был издан Диван Партав-бека, к сожалению, не просмотренный нами *de visu*. В 1991 г. диван был переиздан в Германии в переложении на латиницу, данный вариант и дал возможность ознакомиться с содержанием дивана поэта. Текст дивана предваряется небольшим предисловием, где излагаются краткая биография поэта, а также разные суждения и высказывания курдских ученых относительно значения поэзии Партав-бека, дается список использованной автором литературы (Zinar 1991).

Интересные сведения о жизни и творческом наследии Партав-бека содержатся в 2-томной книге К.К. Курдоева «История курдской литературы» (на курдском языке), где, в частности, говорится о публикациях стихов поэта (касыд и газелей), отсутствующих в диване Садыка Амеди (Kurdo 1983–1985: 121–136). Там же К.К. Курдоев приводит имена наиболее известных поэтов нового времени, писавших на диалекте курманджи. Это Шех-Муса Джагархун, Осман Сабри и Кадри-Джан. Самым ярким и поистине народным поэтом признан Шех-Муса Джагархун — автор восьми стихотворных сборников (см.: Хазнадар 1967: 178–180), исследованию творческого насле-

дия которого посвящена кандидатская диссертация азербайджанского ученого Шамиля Аскерова (Аскеров 1969).

Одновременно с литературой на курманджи развивалась словесность и на другом южнокурдском диалекте — горани, служившем на протяжении нескольких столетий литературным языком могущественного княжества Ардалан (XIV–XIX вв.). На этом диалекте созданы многочисленные памятники светской и духовной литературы, о богатстве которых свидетельствуют не только историографические сочинения, но и изданные каталоги курдских рукописей (см.: Руденко 1961б; Фуад 1966).

В обобщенных трудах, посвященных развитию литературы на горани, обычно называются имена таких известных в Курдистане поэтов, как Мала Парешан (XIV в.), Бесарани, Юсуф Йаска, Шейх Ахмад Тахти (XVII в.), Ханай Кубади, Вали Девана, Ранджури, Махзуни, Мала Хыдыр Рувари (XVIII в.), Мала Шафи Джамарези, Ахмад-бек Комаси, Саиди, Маулави, Джафай, Мирза Кадыри Паваи (XVIII–XIX вв.), Факе Кадыр Хамаванд (XIX в.).

Следует заметить, что, в отличие от литературы на курманджи, горанская литература еще недостаточно исследована. Первое упоминание о ней в трудах русских ученых мы находим в содержащей обзор письменной литературы на горани известной статье В. Минорского «Гураны», в которой выделяются три вида произведений — эпические, лирические и религиозные сочинения. В ней автор дает чрезвычайно высокую оценку лирической поэзии на горани и, в частности, популярной в Курдистане элегии (на смерть жены) выдающегося мастера лирических газелей Ахмед-бека Комаси. Сравнивая элегию Комаси с элегиями Фирдоуси, Хакани и Хафиза, В. Минорский отдает предпочтение траурной оде Комаси, который, по его мнению, «по силе художественной выразительности превосходит известных корифеев персидской поэзии» (Minorsky 1943: 97). Завершается статья текстом элегии (в транскрипции и с переводом).

В «Очерках» М.Б. Руденко о литературе на горани отведен небольшой раздел под названием «Арделанская литература» (Руденко 2014: 212–222), где даны краткие сведения о письменной литературе горанов, в которой вслед за В. Минорским М.Б. Руденко выделяется эпическая, лирическая и религиозная литература. К части лирической поэзии относятся: 1) пейзажная лирика; 2) любовная лирика, «проникнутая глубоким мистицизмом». В Заключении приводятся образцы стихов некоторых поэтов XVII–XVIII вв., извлеченные из статей В. Минорского (Minorsky 1943) и Е.В. Соны (Soane 1921).

В Курдистане широкий интерес к литературному наследию на горани отмечался уже в первой половине прошлого столетия, когда «периодические издания на курдском и арабском языках публиковали образцы горанской поэзии» (Кадыр Мухамад 2003: 8–9).

Значительный вклад в изучение литературы на горани принадлежит курдским филологам Южного (Иракского) Курдистана, осуществившим издание ряда диванов известных горанских поэтов по рукописям из частных коллекций, как то: Диван Маулави (1961), Диван Вали-Девана (1976), Диван Джафай (1980), Диван Факе Кадыра Хамаванди (1980), Диван Бесарани (1982), Диван Ранджури (1983). Издана также романтическая поэма «Ширин и Хусрав» Ханай Кубади, представляющая собой переложение с персидского языка на курдский (горани) (1975).

Большую ценность представляет изданная в Лондоне «Антология курдской горанской поэзии», составленная по хранящимся в Британском музее рукописям 39 поэтов.

Рукописи этих произведений, собранные А.М. Мардухи двести лет назад в Сенендедже, в 1906 г. были проданы доктором Саид Ханом Курдистани Британскому музею, где они находятся и по сей день. Издание же антологии осуществил Анвар Солтани в 1998 г., проработавший над ней более десяти лет (Soltani 1998).

Несмотря, однако, на существование столь обширного материала, на сегодня монографически исследован лишь диван крупнейшего горанского поэта Абдурахима Саида Маулави, известного также под псевдонимом Ма'дум (1806–1882). Автором монографии, опубликованной в Стокгольме (на курдском языке) явился иракский ученый и поэт Анвар Кадыр Мухамад (Qadir Muḥemed 1990). Эта монография под названием «Лирика великого курдского поэта Маулави (1806–1882) на диалекте горани» содержит первое и пока что единственное систематическое исследование литературного памятника на горани⁶.

Данное исследование выполнено по тексту «Дивана Маулави», издание которого осуществлено крупнейшим специалистом в области восточной классической литературы и текстологии Абдул Каримом Мударисом (Muderîs 1961). Особую ценность этого издания составляют сделанные на более доступном диалекте сорани многочисленные комментарии и пояснения издателя, без которых нередко бывает трудно проникнуть в сложный мир поэтических образов поэта, часто окрашенных суфийской символикой.

Что касается религиозной литературы на горани, связанной с широко распространенным среди горанов верованием «ахл-и хакк» («люди истины»), то фундаментальные исследования в этой области принадлежат иранскому курдологу М. Мукри, осуществившему первые издания рукописных памятников религиозного содержания (Mokri 1993). Однако труды этого крупного ученого заслуживают специального исследования (см. также Руденко 1960: 434–440).

Приоритет в изучении литературы на южнокурдском диалекте сорани, имеющем на данном этапе статус официального языка Иракского Курдистана, именуемого Курдским автономным регионом (КАР), принадлежит иракским ученым, внесшим значительный вклад в развитие курдской словесности. Их большая заслуга прежде всего состоит в издании диванов курдских поэтов, большей частью составленных ими по рукописям из частных коллекций, собранных по всему Курдистану. Благодаря их усилиям впервые изданы и переизданы многие поэтические диваны, и не только на сорани, но и на других курдских диалектах, первые печатные публикации которых появились в городах Сулеймания, Багдад, а также в Ревандузе, Эрбиле и Керкуке (Вильчевский 1945: 166–177).

В связи с издательской деятельностью иракских ученых следует сказать о той огромной роли, которую сыграл известный курдский историк, прогрессивный общественный деятель Хусейн Хузни Мукриани (1893–1947), основавший первое курдское издательство под названием «Курдистан». По данным Гива Мукриани — брата и соратника Хузни, датой основания издательства является 15 января 1915 г., когда Хузни Мукриани привез из г. Халеба (Алеппо) приобретенный им еще в 1914 г. в Германии

⁶ В основу книги положена кандидатская диссертация А. Кадыра, выполненная и успешно защищенная в 1986 г. в Ленинграде под руководством известного ленинградского ираниста З.Н. Ворожейкиной. В 2003 г. диссертация была опубликована в сокращенном виде (под редакцией З.А. Юсуповой) на русском языке в Санкт-Петербурге под названием «Лирика курдского поэта XIX в. Маулави (на диалекте горани)». Книга была издана при финансовой поддержке Института Курдистана и Передней Азии» (Кадыр Мухамад 2003).

печатный станок и открыл там свое издательство. В 1925 г. из-за постоянных гонений и запретов со стороны властей издательство было перенесено в г. Ревандуз. После ухода из жизни Хузни Мукриани издательство перемещается в г. Хавлер, где на протяжении многих лет ведется работа по изданию не только поэтических диванов, но и многочисленных публикаций по истории, фольклору, а также периодики и учебных пособий.

Ученым Иракского Курдистана принадлежат и общие труды по курдской литературе. Прежде всего это относится к работам Аладдина Сьджади, автора фундаментальной книги «История курдской литературы», прослеживающей историю развития курдской поэзии с XI до середины XIX в. Основная часть книги содержит довольно обширные очерки о жизненном и творческом пути 24 крупнейших поэтов, писавших на разных диалектах курдского языка — от Баба Тахира Хамадани (935–1010) до поэта нового времени Фаика Бекаса (1905–1948). Биографические данные о поэтах, извлеченные главным образом из творческого наследия поэтов, сопровождаются богатым иллюстративным материалом — это: Баба Тахир (Baba Tahir, 935–1010), Мала Джелири (Melay Cizîrî, 1407–1481), Бесарани (Besaranî, 1641–1702), Ахмад Хани (Ahmedê Hanî, 1650–1706), Нали (Nalî, 1797–1855), Салим (Salim, 1800–1866), Маулави (Mewlewî, 1806–1882), Малай Джабари (Melay Cebarî, 1806–1876), Саи Яко (Seî Yaqo, 1808–1881), Курди (Kurdi, 1809–1849), Хаджи Койи (Hacı Koyî, 1815–1892), Махви (Meîhwî, 1830–1904), Шейх Реза (Şêx Reza, 1835–1909), Салими Сенне (Salimî Sine, 1845–1909), Меджди (Mecdi, 1849–1925), Харик (Herîq, 1851–1907), Адеб (Edeb, 1859–1912), Пирамерд (Pîremêrd, 1867–1950), Хамди (Hemdî, 1876–1936), Нарî (Narî, 1874–1944), Тахир Бек (Tahir Beg, 1875–1917), Зивар (Zîwer, 1875–1948), Ахмад Мухтар (Ehmed Muhtar, 1897–1935), Бекас (Bêkes, 1905–1948) (Sicadî 1952: 147–534)⁷.

Далее в главе «Цветник поэтов» дан перечень еще 212 поэтов с указанием даты и, что очень важно, места их рождения, сопровождаемый многочисленными примечаниями (с. 535–550). Как следует из приведенных сведений, здесь речь идет о малоизученных, или вовсе преданных забвению поэтах, живших в период от XVII до середины XIX в. Имена этих поэтов говорят о том, что это главным образом выходцы из Южного Курдистана (из разных городов и сел), принадлежавшие к известным курдским племенам — аврамани (преимущественно), кельхоры, зангана, мукри, фейли, лури, лаки и др. Помимо племенной принадлежности имена несут информацию о социальном статусе поэтов, отраженную в добавленных к ним словах «бак/баг» («бек»), а также «шейх», «мавлана», «мулла», «факе» (ученик медресе).

Книге А. Сьджади предшествовал вышедший в Багдаде 2-томный труд Рафика Хильми «Курдская поэзия и литература», посвященный литературной деятельности некоторых современных курдских поэтов (Hîlmî 1941–1956). Данная работа кратко проанализирована в книге М. Хаднадара (см. Хазнадар 1967: 6–7).

Ценный и во многом уникальный материал о литературе и поэтах Курдистана содержится в 2-томной книге Гиви Мукриани под названием «Альбом Гива». Издание книги осуществлено посмертно его дочерью известным филологом Курдистан Мукриани, автором ряда работ по языку и литературе курдов Ирака, не один год занимающейся изданием трудов своего отца. По ее данным, Гиви Мукриани собирал свой труд на протяжении 30–40 лет в разных частях Курдистана (Mukriyanî 1986–1988). В сущности, это сборник отдельных стихов (как опубликованных, так и не опублико-

⁷ Следует иметь в виду, что приводимые авторами датировки часто разнятся.

ванных) более 100 известных и малоизвестных курдских поэтов, имена которых сопровождаются добытыми автором биографическими сведениями и фотографиями, а также образцами их произведений. Основную часть сборника составляют имена поэтов XIX–XX вв., писавших преимущественно на южных диалектах курдского языка. Заметим, что ряд имен, приведенных Мукриани, отсутствуют в известных источниках по курдской литературе.

Наконец, еще одна из известных нам общих работ принадлежит литературоведу и писателю М. Хазнадару — автору книги «Очерк истории современной курдской литературы», посвященной литературной жизни Южного Курдистана конца XIX — начала 60-х годов XX столетия (Хазнадар 1967)⁸. Книга построена на обширной литературе на курдском, персидском и арабском языках. В ней использованы также архивные и рукописные материалы, содержащие малоизвестные факты о жизни и творчестве курдских поэтов и писателей. Основная часть книги содержит историю развития соранской поэзии, давшей литературе плеяду таких крупных поэтов, как Нали (1800–1856), Салим (1805–1869), Курди (1812–1856), Хаджи Кадыр Койи (1816–1899).

Заслуживает внимания еще один известный нам источник, содержащий ценные и частично новые сведения о двух рукописных тетрадях, так называемых «баязах»⁹, из архива К.К. Курдоева, переданных ему в дар в 1983 г. от некоего Ахмада Ширази, уроженца г. Мехабата (Иранский Курдистан). Обе эти тетради под общим названием «Вместе с курдскими поэтами» содержат образцы стихов 22, большей частью известных, поэтов, предваряемых краткой биографией их авторов, выходцев из южнокурдских городов — Мехабат (главным образом), Керманшахи, Сеннеи, Керкук, Сулеймания и др. В перечне приведенных имен привлекает внимание тот факт, что в одном ряду с известными поэтами впервые называются имена двух курдских поэтесс — это прославленная Мах Шараф-ханум Курдистани, представленная как Мاستура-ханум Ардалани, и некая Архаван Расул Ахмад, диван стихов которой опубликован в 1972 г. Характеризуя поэтическое наследие Мاستуры-ханум, писавшей, как известно, стихи как на курдском (горани), так и на персидском языках, Ахмад Ширази замечает, что курдские стихи этой выдающейся поэтессы, к несчастью, полностью уничтожены и преданы забвению, тогда как персидские стихи изданы отдельным диваном. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что в качестве образца из стихов Мاستуры-ханум он приводит лишь одну ее газель, написанную кстати, не на горани, а на диалекте сорани.

Помимо общих работ по курдской литературе иракским филологам принадлежат специальные исследования по изучению творчества отдельных поэтов, писавших на сорани. Одна из таких работ посвящена жизни и творчеству крупнейшего поэта первой половины XIX в. Хыдыра Нали, которого считают основоположником литературы на сорани. Как следует из разных источников, впервые стихи Нали были опубликованы в 1913 г. в Стамбуле на страницах журнала «Рож-и курд» («Курдский день»), где были помещены отрывки из избранных газелей поэта с некоторыми комментариями.

⁸ В основу книги положена кандидатская диссертация «К истории курдской литературы (конец XIX — первая половина XX в.)», подготовленная и защищенная в 1963 г. под руководством К.К. Курдоева в ЛО ИВ АН СССР, редактор книги известный ленинградский иранист З.Н. Воронейника.

⁹ Баязы (ед.ч. баяз) — это альбомы со стихами разных поэтов. Они собирались главным образом в мечетях и в частных библиотеках.

В 1931 г., по данным О. Вильчевского, в Багдаде в типографии университета выходит в свет «Диван» Нали, подготовленный к печати двумя литературными деятелями — Курди и Маривани (Вильчевский 1945: 170). Это издание включает сотни газелей и касыд поэта, критический текст которых восстановлен по рукописям из ряда частных собраний.

В 1962 г. Гив Мукриани публикует новое издание «Дивана» Нали, которое затем переиздается в 1974 г. (Mukriyani 1962–1974). В дальнейшем было выпущено еще два издания «Дивана» (1976 и 1977 гг.), первое из них осуществил Мала Карим Мударис совместно с Фатах Абдул Каримом, второе — М. Хазнадар¹⁰.

Творческому наследию поэта второй половины XIX в. Хаджи Койи (1816–1894), пользующегося особой популярностью в современном Курдистане, посвящены высказывания и публикации многих известных ученых и общественных деятелей. По их мнению, Койи является родоначальником просветительского движения в курдской литературе, поэтическая деятельность которого ознаменовала собой «новый этап в развитии курдской литературы, когда каноны классики начали постепенно сдавать свои позиции под напором новых общественных запросов и веяний» (Хазнадар 1967: 40).

Среди известных нам работ по творчеству Койи особое место занимает кандидатская диссертация иракского филолога Ихсана Фуада, в которой обсуждается вопрос о новаторстве Койи в сравнении с предшествующими и современными ему поэтами¹¹, подробно излагается история изучения поэтического наследия Койи В 1925 г. в г. Сулеймания неким Абдурахманом Саидом впервые был издан «Сборник стихов Хаджи Кадыра Койи (Фуад 1966: 5)¹². В 1953 г. Г. Мукриани вторично публикует стихи поэта и переиздает в 1969 г. под названием «Диван Хаджи Кадыра Койи» (Mukriyani 1969).

По мнению И. Фуада наиболее обширным исследованием творчества К. Койи является книга Мухамада Мала Карима «Хаджи Кадыр Койи поэт нового времени в истории курдского общества», которая посвящена анализу идейных воззрений поэта называемого им основоположником революционного просветительства в курдской литературе.

Как следует из источников, помимо названных И. Фуадом многочисленных публикаций по творчеству Х. Койи в 1970-х годах была издана книга Масуда Мухамада (в 3 частях), которая, к сожалению, оказалась нам недоступной (Me'sud 1972–1976).

Отдельная монография посвящена творческому наследию крупнейшего поэта середины XX в. Пирамерда (1867–1950), известная под названием «Бессмертный Пирамерд» (Resûl 1970). Это первый сборник части стихов поэта, ранее печатавшихся в газетах и журналах. Монография (455 с.) предваряется обширным предисловием, где подробно излагается нелегкий жизненный путь Пирамерда и его многогранная творческая деятельность — поэта, писателя и журналиста. Затем дается краткая характеристика стихов, тематически выделенных в группы: 1) стихи о родине; 2) пейзажная лирика, 3) любовная лирика; 4) стихи об изяществе; 5) социальные стихи;

¹⁰ Подробно об этих изданиях см. (Юсупова 2006: 81–108).

¹¹ Как известно, в архиве М.Б. Руденко хранится рукопись перевода диссертации И. Фуада (350 с.), выполненный М.Б. Руденко.

¹² По данным И. Фуада, рукописный диван поэта (800 с.) под заглавием «Книга моего сердца» после смерти К. Койи был оставлен у известного курдского историка и крупного политического деятеля Абду-Резака Бадырхана, надеявшегося со временем опубликовать его. Однако в 1918 г. он был казнен, а вместе с ним был уничтожен и диван поэта (Фуад 1966: 15).

б) религиозные стихи. В отдельные группы выделены песни и гимны, а также детские и фольклорные стихи. Текст стихов сопровождается многочисленными комментариями, нередко связанными с историей их создания.

Изучению поэзии Пирамерда посвящена также кандидатская диссертация иракского поэта Абдуллы Мухамеда Омара «Творчество современного курдского поэта Пирамерда»¹³. Как следует из автореферата, автор ставит себе целью «дать комплексный анализ идейного содержания произведений поэта, семантики его текстов и их стилистических особенностей». Значительная часть работы отведена изложению биографии поэта, теснейшим образом связанной с историей Курдистана, все крупные события которой отражены в его произведениях (Омар 1983: 3–13).

Творчеству поэта-сатирика Шейха Реза Талабани (1842–1910), диван которого был издан в 1942 и 1946 гг., посвящена монография Изадина Мустафы Расула, вышедшая в свет спустя 20 лет после смерти поэта под названием «Шех Реза Талабани» (см.: Resûl 1979). Первая часть этой монографии содержит обзор литературы по творческому наследию поэта. Во второй ее части дана характеристика его произведений, выделенных в тематические группы: лирические, обрядовые, панегирики, траурные и т.д. Здесь автор монографии говорит о неправомерности отнесения поэта к числу сатириков, хотя в его творчестве и присутствуют стихи, обличающие те или иные стороны курдского общества. Далее следует обширный историко-литературный комментарий к произведениям поэта, свидетельствующим о высоком уровне поэзии Реза Талабани, которого автор называет «достойным последователем курдских поэтов-классиков»¹⁴.

В последние десятилетия прошлого столетия иракскими учеными была возобновлена работа по изданию (переизданию) диванов курдских поэтов разных времен. В 1977 г. в стенах Курдской академии наук под руководством Абдул Карима Мудариса был издан диван крупного поэта Мухамада Махви (1830–1904), стихи которого написаны в традициях суфийской поэзии¹⁵. В основу издания положены копии рукописей, хранящихся в семейной коллекции поэта, в некоторых из них встречаются стихи, написанные рукой самого Махви (Muderîs 1977). Основную часть дивана (600 с.) составляют подробно откомментированные стихи поэта (с. 3–461), а также всесторонняя характеристика использованной его издателями обширной литературы. В диван включены стихи на арабском (с. 469–470) и персидском языках (с. 471–541).

В 1980 г. также при поддержке Курдской академии наук, к тому времени переименованной в Иракскую академию наук, было осуществлено издание «Сборника стихов» поэта Факе Кадира Хамаванда (1837–1899), писавшего на диалекте горани. При подготовке сборника к изданию (под руководством А. Мудариса) были использованы копии трех рукописей дивана из частных собраний, подробно описанных в предисловии к данной публикации (Muderîs 1980). В сборник включены религиозно-философские произведения поэта, частью переведенные с персидского языка (с. 3–661), а также касыды, сопровождаемые многочисленными комментариями, давшими осно-

¹³ Диссертация выполнена автором в годы учебы в аспирантуре в ИВ АН СССР под руководством известного ираниста Д.С. Комиссарова.

¹⁴ О биографии и творческом наследии Р. Талабани полнее см. (Sicadî 1952: 341–385), а также (Хазнадар 1967: 81–87).

¹⁵ Первое издание дивана Махви было осуществлено в 1922 г. в упомянутом выше издательстве «Курдистан».

ву для критического текста (с. 662–748). К тексту стихов приложен глоссарий с переложением слов с диалекта горани на диалект сорани (с. 757–788). К изложенному следует добавить, что жизненный путь поэта, редко упоминаемого в специальной литературе, освещен весьма скудно. Основные даты его жизни, как и место его погребения, неизвестны. Известно только то, что этот талантливый поэт, значительная часть творческого наследия которого не опубликована, на протяжении всей жизни подвергался гонениям властей. Более семи лет он провел в тюремных застенках, где тайком продолжал писать и переписывать свои стихи¹⁶.

Такова в самых общих чертах довольно сложная история изучения созданной на разных диалектах курдской литературы, позволяющая сделать следующие выводы¹⁷.

— Несмотря на тягчайшую историческую судьбу, курдам удалось создать, сохранить и донести до наших дней богатую литературу, представленную плеядой блестящих поэтов — основателей разных литературных школ, свидетельствующих, по словам специалистов, о «существовании профессиональной литературы у курдов с ее неиссякаемой литературной традицией» (Никитин 1964: 391).

— В развитии и сохранении национальной литературы, корнями уходящей в народное творчество, велика роль ученых, просветителей, общественных и политических деятелей, а также научных и культурных центров, при поддержке и содействии которых в Курдистане постоянно велись поиски, сбор и публикации литературного наследия курдов.

— Приоритет в открытии и изучении курдской литературы принадлежит русским ученым, труды которых посвящены глубокому исследованию средневековой курдской поэзии на северном диалекте курдского языка — курманджи.

— Значительный вклад в изучение южнокурдской литературы сделан учеными Иракского Курдистана, которыми собран, обработан и опубликован колоссальный материал, включающий сборники стихов, антологии, а также диваны ряда крупных курдских поэтов, последним посвящены специальные монографии и исследования. Вместе с тем, как показали результаты нашего исследования, весь накопленный материал нуждается в дальнейшем его изучении и систематизации, что необходимо для создания общей истории курдской литературы, занимающей достойное место в ряду литератур народов Передней Азии.

Невозможно, наконец, не сказать, что, создаваясь в тяжелейших условиях, курдская поэзия тем не менее проникнута глубоким лиризмом, наполненным большой любовью к родной земле, к ее животворной природе, к образу курдской женщины, восхищением к мужеству молодого поколения с их неистребимым курдским духом, благодаря которому страна курдов вот уже не одно столетие остается непокоренной.

¹⁶ Курдской академией были изданы диваны и ряда других видных поэтов, описание которых не позволяет формат настоящей публикации

¹⁷ Следует иметь в виду, что курдская литература существует не только на диалектах курманджи, горани и сорани. Она имеется и на других диалектах, не имевших статуса официального языка. Это такие диалекты, как заза (= дымли), аврамани, мукри, файли, лаки, лури и, возможно, другие, литературу на которых еще предстоит изучить.

Литература

- Аскеров 1969 — *Аскеров Шамиль Салим Оглы*. Поэзия современного курдского поэта Джагархуна. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969.
- Вильчевский 1945 — *Вильчевский О.Л.* Обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии // *Иранские языки*. Т. 1. М.; Л., 1945.
- Диттель 1847 — *Диттель В.* Обзор трехгодичного путешествия по Востоку // *Журнал Министерства науки и просвещения*. Ч. 1. Отд. 4. СПб., 1847. С. 8–9.
- Замбильфрош 1983 — *Замбильфрош*. Курдская поэма и ее фольклорные версии / Критич. текст, пер., примеч., приложение Ж.С. Мусаэлян. М.: Наука, 1983.
- Никитин 1964 — *Никитин В.* Курды. М.: Прогресс, 1964.
- Омар 1983 — *Абдулла Мохамад Омар*. Творчество современного прогрессивного курдского поэта Пирамерда. М.: Наука, 1983.
- Руденко 1960 — *Руденко М.Б.* К вопросу о курдской литературе. В кн.: *Исследования по истории культуры народов Востока*. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 434–440.
- Руденко 1961a — *Руденко М.Б.* Неизвестные стихи Ахмеда Хани // *Народы Азии и Африки*. 1961. № 3. С. 160–167.
- Руденко 1961b — *Руденко М.Б.* Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М.: Вост. лит., 1961.
- Руденко 1962 — *Ахмед Хани*. Мам и Зин / Критич. текст, пер., предисл. и указат. М.Б. Руденко. М.: Вост. лит., 1962.
- Руденко 1971 — *Руденко М.Б.* Курдская литература XVII в. // *Народы Азии и Африки*. 1971. № 3. С. 100.
- Руденко 1986 — *Руденко М.Б.* Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха». М.: Наука, 1986.
- Руденко 2014 — *Руденко М.Б.* Очерки средневековой курдской литературы / Подготовка рукописи к изданию, предисл., примеч., указатели Ж.С. Мусаэлян. СПб.: Контраст, 2014.
- Кадыр Мухамад 2003 — *Кадыр Мухамад Анвар*. Лирика курдского поэта XIX в. Маулави (на диалекте горани) / Подгот. к изданию З.А. Юсуповой. СПб.: Наука, 2003.
- Фуад 1966 — *Фуад Ихсан*. Творчество Хаджи Койи и его место в курдской литературе. Автореф. канд. дисс. М., 1966.
- Хазнадар 1967 — *Хазнадар Маруф*. Очерк истории современной курдской литературы. М.: Наука, 1967.
- Харрис Битлиси 1965 — *Харрис Битлиси*. Лейла и Меджнун / Пер., предисл., примеч. М.Б. Руденко. М.: Наука, 1965.
- Эйюби 1994 — *Мулла Ахмед Джезири* (Малае Джезири). Диван газелей / Пер. с курдского (курманджи), введ., очерк жизни и творчества, примеч., указатель, оглавление К.Р. Эйюби. Под ред. И.А. Смирновой. СПб.: Наука, 1994.
- Юсупова 2006 — *Юсупова З.А.* Диван курдского поэта первой половины XIX в. Нали // *Письменные памятники Востока*. 2006. № 2 (вып. 5). С. 81–103.
- Факи Тайран 1965 — *Факи Тайран*. Шейх Сан'ан / Критич. текст, пер., примеч. и указ. М.Б. Руденко. М.: Наука, 1965.
- Amêdî 1977 — *Amêdî Sadiq Behaedîn*. Dîwanî Melayê Cizîrî [Диван Малае Джезири]. Be'xda: Çarxaney "Koîî zanyarî kurdî" [Типография Курдской академии наук], 1977.
- Hartmann 1904 — *Hartmann M.* Der kurdische Diwan des Scheich Ahmad von Cezi'reh ibn 'Omar genannt Mala'i Cizîrî. Berlin, 1904.
- Hejar 1982 — *Hejar 'Ebdul Rehman*. Dîwanî 'arifi rebenî şêx Aħmedî Cizîrî meşhûr be Melay Cizîrî. Hejar şerhî kirdûwe [Диван благочестивого шейха Ахмеда Джезири, известного как Малае Джезири. Толкование Хажара]. Tehran: "Sirus", 1982.
- Hejar 1989 — *Hejar 'Ebdul Rehman*. Ahmedê Xanî. "Mem u Zin" [«Мам и Зин» Ахмеда Хани]. Paris: Çarxaney "Enstituya kurdi ya Parisê", 1989.
- Ĥîlmî 1941–1956 — *Ĥîlmî, Refîq*. Şêr u edebatî kurdî [Курдская поэзия и проза]. В. 1–2. Be'xda: Çarxaney "Elnecañ", 1941–1956.

- Kurdo 1983–1985 — *Qanatê Kurdo*. Tarîxa edebiyeta kurdî [Курдоев К.К. История курдской литературы]. В. 1 — 1983, В. 2 — 1985. Stockholm: Çarxaney “Roja nû”, 1983–1985.
- Me’sud 1972–1976 — *Me’sud Muĥemed*. Ĥacî Qadir Koyî [Хаджи Кадыр Койи]. В. 1 — 1972; В. 2 — 1974; В. 3 — 1976. Beĥda: Çarxaney “Koîî zanyarî kurdî” [Типография Курдской академии наук], 1972–1976.
- Minorsky 1943 — *Minorsky V.* The Gūrān // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 75–103.
- Mokri 1993 — *Amir Sayfoddine Mokri*. La liste des études et ouvrages publiés par M. Mokri. T. I. Paris, 1993.
- Muderîs 1961 — *Muderîs Mela E’bdul Kerîm*. Dîwanî Meulewî [Диван Маулави]. Beĥda: Çarxaney “Elnecañ”, 1961.
- Muderîs 1977 — Dîwanî Meĥwî. Lekdanewe u lekolinewey Mela ‘Ebdul Muderîs Kerîm u Muĥemed Mela Kerîm [Диван Махви. Собрали и исследовали Мала Карим Мударис и Мухамад]. Beĥda: Çarxaney “Koîî zanyarî kurdî” [Типография Курдской академии наук], 1977.
- Muderîs 1980 — Komele şê’rî Feqê Qadirî Nemewend. Lekdanewe u lekolinewey *Muderîs Mela E’bdul Kerîm, Muderîs Fatîh ‘Ebdul Kerîm* [Сборник стихов Факе Кадыра Хамаванда]. Beĥda: Çarxaney “Koîî zanyarî ‘Eraq” [Типография Иракской академии наук], 1980.
- Mukrîyanî 1962–1974 — *Mukrîyanî Gîw*. Dîwanî Nalî [Диван Нали]. Beĥda: Hewler, 1962–1974.
- Mukrîyanî 1986–1988 — *Mukrîyanî Gîw*. Keşkolî Gîwî Mukrîyanî [Альбом Гиви Мукриани]. В. 1 — 1986; В. 2 — 1988. Beĥda: Çarxaney “Roşinbîrî lawan”, 1986–1988.
- Qadir Muĥemed 1990 — *Qadir Muĥemed Enwer*. Lîrîkay şaî’rî gewrey kurd Mewlewî (1806–1881) be dîalêktî goranî [Лирика выдающегося курдского поэта Маулави (1806–1882) на курдском диалекте горани]. Stockholm: Çarxaney “Roja nû”, 1990.
- Resûl 1970 — *Resul Muĥemed (Hawar)*. Pîremerdî nemir [Бессмертный Пирамерд]. Beĥda: Çarxaney “El’anî”, 1970.
- Resûl 1979 — *‘Izadin Mustefa Resûl*. Şêx Reza Talebanî [Шейх Реза Талабани]. Beĥda: Çarxaney “El’anî”, 1979.
- Shakely 1992 — *Ferhad Shakely*. Kurdish Nationalism in Mam û Zin of Ahmad-î Khani. Brussels: “Acco-Lewen”, 1992.
- Sicadî 1952 — *Sicadî Elaedîn*. Mêjûy edebî kurdî [История курдской литературы]. Beĥda: Çarxaney “Me’arif”, 1952.
- Soane 1921 — *Soane E.B.* A Short Anthology of Guran Poetry // Journal of the Royal Asiatic Society. 1921. Pt. 1.
- Soltani 1998 — *Soltani Anwar*. Anthology of Gorani Kurdish Poetry. Compiled by A.M. Mardoukhi (1739–1797) / Ed. by Anwar Soltani. Soane Trust for Kurdistan. London, 1998.
- Zinar 1991 — *Zinar Zeynelabidîn*. Pertew begê Hekarî. Dîwan [Диван Партавбека]. Bonn: “Rewşin”, 1991.

References

- Ahmed Khani. *Mam i Zin*. Kriticheskii tekst, perevod, predislovie i ukazateli M.B. Rudenko [Mam and Zin. Critical Text, Translation, Introduction and Indexes by M.B. Rudenko]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962 (in Russian).
- Amêdî Sadiq Behaedîn*. Dîwanî Melayê cezîrî [Malaye Jeziri’s Divan]. Beĥda: Çarxaney “Koîî zanyarî kurdî” [Printing House of the Kurdish Academy of Sciences], 1977 (in Kurdish).
- Askerov Shamil Salim Ogly. *Poeziia sovremennogo kurdsokogo poeta Dzhagarkhuna*. Avtoref. kand. diss [Poetry of Modern Kurdish Poet Jaharkhun. Abstract of Ph.D. thesis.]. Baku, 1969 (in Russian).
- Dittel’ V. “Obzor trekhgodichnogo puteshestviia po Vostoku” [A Review of a Three Year Journey across the East]. *Zhurnal Ministerstva nauki i prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Science and Education]. St. Petersburg, 1847, part 1, otd. 4. pp. 8–9 (in Russian).
- Fuad Ikhsan. *Tvorchestvo Khadzhi Koiî i ego mesto v kurdsokoi literature*. Avtoref. kand. diss. [Hajji Koyi’s Literary Activity and Place in Kurdish Literature. Abstract of Ph.D. thesis.]. Moscow, 1966 (in Russian).

- Hîlmî, Refîq. *Şêr u edebiyatî kurdî* [Kurdish Poetry and Prose]. B. 1–2. Beğda: Çapxaney “Elnecah”, 1941–1956 (in Kurdish).
- Hartmann M. *Der Kurdische Diwan des Scheich Ahmad von Cezireh ibn ‘Omar genant Malai Cizîrî*. Berlin, 1904 (in German).
- Hejar ‘Ebdul Rehman. *Dîwanî arifî rebenî şêx Ahmedi cêzîrî meşhîr be Melay Cezîrî. Hejar şerhî nardûwe* [A Divan of Ahmad Jeziri, a Pious Sheikh Known as Malae Jeziri. Interpretation]. Tehran: “Siruş”, 1982 (in Kurdish).
- Hejar ‘Ebdul Rehman. *Ehmede Xanî. “Mem u Zin”* [“Mam and Zin” by Ahmad Khani]. Paris: Çapxaney “Enstituya kurdi ya Parise”, 1989 (in Kurdish).
- ‘Izadin Mustefa Resûl. *Şêx Reza Talebanî* [Sheikh Reza Talabani]. Beğda: Çapxaney “El’ani”, 1979 (in Kurdish).
- Kadyr Mukhamad Anvar. *Lirika kurdsкого poeta XIX v. Maulavi (na dialekte gorani)*. Podgot. k izdaniiu Z.A. Iusupovoi [The Poetry of Maulavi, a 19th-Century Kurdish Poet (in the Gorani Dialect). Preparation for Publication by Z.A. Yusupova]. St. Petersburg: Nauka, 2003 (in Russian).
- Kharris Bitlisi. *Leila i Medzhnun*. Pervod, predislovie, primechaniia M.B. Rudenko [Leyla and Medzhnun. Translation, Preface and Notes by M.B. Rudenko]. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Khaznadar Maruf. *Ocherk istorii sovremennoi kurdsкой literatury* [An Essay on the History of Modern Kurdish Literature]. Moscow: Nauka, 1967 (in Russian).
- Me’sud Muħemed. *Hacî Qadir Koyî* [Hajji Qadir Koyi]. B. 1 — 1972; B. 2 — 1974; B. 3 — 1976. Beğda: Çapxaney “Koñî zanyarî kurdî” [Printing House of the Kurdish Academy of Sciences], 1972–1976 (in Kurdish).
- Minorsky V. “The Gûrân”. *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (BSO(A)S)*, vol. XI, 1943–1946, pp. 75–103 (in English).
- Mokri Amir Sayfoddine. *Le liste des études et ouvrages publiés par M. Mokri*. Paris, 1993 (in French).
- Muderîs E’bdul Kerîm. *Dîwanî Meulewî* [Maulavi’s Divan]. Beğda: Çapxaney “Elnecah”, 1961 (in Kurdish).
- Muderîs Mela E’bdul Kerîm. *Diwani Mehwi* [Mahvi’s Divan]. Beğda: Çapxaney “Koñî zanyarî kurdî” [Printing House of the Kurdish Academy of Sciences], 1977 (in Kurdish).
- Muderîs Mela E’bdul Kerîm. *Komele şê’rî Feqê Qadiri Hemewend* [Collected Verses by Fake Qadir Hamavand]. Beğda: Çapxaney “Koñî zanyarî kurdî” [Printing House of the Kurdish Academy of Sciences], 1980 (in Kurdish).
- Mukriyanî Gîwî. *Dîwanî Nalî* [Nali’s Divan]. Beğda: Hewler, 1962–1974 (in Kurdish).
- Mukriyanî Gîwî. *Keşkolî Gîwî Mukriyanî* [Givi Mukriyani’s Album]. B. 1 — 1986; B. 2 — 1988. Beğda: Çapxaney “Roşinbîrî lawan”, 1986–1988 (in Kurdish).
- Mulla Akhmed Dzheziri (Malae Dzheziri). *Divan gazelei. Pervod c kurdsкого (kurmanzhi), vvedenie, ocherk zhizni i tvorchestva, primechaniia, ukazatel’, oglavlenie K.R. Eiiubi*. Pod. redaktsiei I.A. Smirnovoi [A Divan of Ghazals. Translation from Kurdish (in Kurmanji), Introduction, Essay on Life and Literary Activity, Notes, Index and Table of Contents by K.R. Eyubi. Ed. by I.A. Smirnova]. St. Petersburg: Nauka, 1994 (in Russian).
- Nikitin V. *Kurdi*. Moscow: Progress, 1964 (in Russian).
- Qadir Muħemed Enwer. *Lirikay şai’rî gewrey kurd Mewlewî (1806–1881) be dialêkî goranî* [Lyrics of the Outstanding Kurdish Poet Maulavi (1806–1882) in the Gorani Kurdish Dialect]. Stockholm: Çapxaney “Roja nû”, 1990 (in Kurdish).
- Qanatê Kurdo. *Tarîxa edebiyeta kurdî* [A History of Kurdish Literature]. B. 1–1983, B. 2— 1985. Stockholm: Çapxaney “Roja nû”, 1983–1985 (in Kurdish).
- Resûl Muħemed (Hawar). *Pîremerdî nemir* [The Immortal Pîremerd]. Beğda: Çapxaney “El’ani”, 1970 (in Kurdish).
- Rudenko M.B. “K voprosu o kurdsкой literature” [On the Question of Kurdish Literature]. In: *Issledovaniia po istorii kulturny narodov Vostoka* [A Study in History and Culture of Peoples of the East]. Moscow–Leningrad: Izd. AN SSSR, 1960, pp. 434–440 (in Russian).

- Rudenko M.B. “Neizvestnye stikhi Akhmeda Khani” [Unknown Verses of Ahmad Khani]. *Narody Azii i Afriki*, 1961, no. 3, pp. 160–167 (in Russian).
- Rudenko M.B. *Opisanie kurdsikh rukopisei* [A Description of Kurdish Manuscripts]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1961 (in Russian).
- Rudenko M.B. “Kurdskaia literatura XVII v.” [17th-Century Kurdish Literature]. *Narody Azii i Afriki*, 1971, no. 3, pp. 100 (in Russian).
- Rudenko M.B. *Literaturnaia i folklornye versii kurdskoï poemy “Iusuf i Zelikha”* [Literary and Folklore Versions of the Kurdisn Poem “Yusuf and Zelikha”]. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian).
- Rudenko M.B. *Ocherki srednevekovoi kurdskoï literatury. Podgotovka rukopisi k izdaniiu, predisloviie, primechaniia, ukazateli Zh.S. Musaelian* [Essays on the Medieval Kurdish Literature. Preparation for Print, Introduction, Notes and Indexes by Zh.S. Musaelian]. St. Petersburg: Kontrast, 2014 (in Russian).
- Shakely Ferhad. *Kurdish Nationalism in Mam û Zin of Ahmad-î Khani*. Brussels: “Acco-Lewen”, 1992 (in English).
- Sicadî Elaedîn. *Mêjûy edebî kurdî* [A History of Kurdish Literature]. Beḫda: Çapxaney “Me‘arif”, 1952 (in Kurdish).
- Soane E.B. “A Short Anthology of Guran Poerty”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1921, pt. 1 (in English).
- Soltani Anwar. *Anthology of Gorani Kurdish Poetry*. Compiled by A.M. Mardoukhi (1739–1797). Ed. by Anwar Soltani. Soane Trust for Kurdistan. London, 1998 (in English).
- Vilchevckii O.L. “Obzor zarubezhnykh kurdsikh pechatnykh izdaniï v 20 stoletii” [A Review of Kurdish 20th-Century Works Published Abroad]. *Irankie iazyki*, vol. 1. Moscow–Leningrad, 1945 (in Russian).
- Yusupova Z.A. “Divan kurdsogo poeta pervoi poloviny XIX vv. Nali” [A Divan of Nali, a Kurdish Poet of the First Half of the 19th Century]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2006, no. 2 (issue 5), pp. 81–103 (in Russian).
- Zambilfrosh. *Kurdskaia poema i ee folklornye versii. Kriticheskii tekst, perevod, primechaniia, prilozhenie Zh.S. Musaelian* [A Kurdish Poem and Its Folklore Versions. A Critical Text, Translation, Notes and Supplement by Zh.S. Musaelian]. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian).
- Zeynelabidîn Zinar. *Pertew begê Hekarî. Diwan* [Partav-bek's Divan]. Bonn: “Rewşin”, 1991 (in Kurdish).

Kurdish Poets: From the History of Kurdish Literary Studies

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 29–43)

Received 15.01.2021.

Zare A. Yusupova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article presents an account of the history of Kurdish literary studies (based on the sources available to the author). Literature discussed in this work covers the period from the late Middle Ages to the mid-20th century. The article gives an extensive survey of research works on Kurdish literature, which exists in various dialects. It also defines the tasks for the studies of Kurdish literature.

Key words: poetic literature, written monuments, divans, collections of poetry, Kurdish studies in Russia.

About the author:

Zare A. Yusupova, Dr. Sci. (Philology), Counselor of IOM RAS (orinst@mail.ru).

«Грамматика — это мост ко всем знаниям»: короткие стихотворения на переплетных листах в рукописи «Метрической грамматики»

А.Д. Притула

Государственный Эрмитаж;

Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.18716/WMO59206

В статье рассматриваются короткие стихотворения, написанные рукой 'Авдйшб' Газартского, восточносирийского патриарха (1555–1570), поэта и переписчика, в выполненной им же копии «Метрической грамматики» Бар 'Ебрйб' (1226–1286). Рассматриваемые короткие произведения были добавлены переписчиком между большими текстами, а также на переплетных листах. Существенным является вопрос содержательной связи этих стихотворений с основным текстом «Метрической грамматики». В статье рассматриваются поэтические особенности этих коротких текстов, главным образом четверостиший, иллюстрирующих сложные процессы, связанные с бытованием рукописей и литературной жизнью христианских общин в османский период. Кроме того, выстроена общая типология этих ранее неизвестных памятников.

Ключевые слова: 'Авдйшб' Газартский, Бар 'Ебрйб', сирийская поэзия, «Метрическая грамматика», короткие стихотворения, переплетные листы.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021.

Притула Антон Дмитриевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа РФ; 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34; старший научный сотрудник, Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» РФ; 105066, г. Москва, Старая Басманная, 21/3, строение 3, корпус Л (pritulanna@gmail.com).

© Притула А.Д., 2021

Введение

Данная статья посвящена коротким стихотворениям, написанным рукой 'Авдйшб' Газартского, второго патриарха (1555–1570) халдейской Церкви, выдающегося поэта и переписчика, в выполненной им же копии «Метрической грамматики» сирийского языка Бар 'Ебрйб' (1226–1286)¹. Рассматриваемые короткие произведения были до-

¹ См. два издания этого труда: Bertheau 1843; Martin 1872.

бавлены переписчиком между большими текстами, а также размещены на переплетных листах. «Метрическая грамматика» — одна из самых популярных работ выдающегося западносирийского энциклопедиста². Эта копия, выполненная в 1552 г. в Мардине (DCA 00065, ныне в собрании Халдейского архиепископата Алкоша)³, имеет многочисленные дополнения и приписки, сделанные различными лицами в разные периоды. Ее особенности и историческое значение являются предметом специального исследования, которое недавно вышло в свет⁴. Как видно из колофона рукописи, переписчик, 'Авдйшб' Газартский, использовал в качестве протографов западносирийские списки произведения и находился в контакте с монахами западносирийских монастырей⁵.

Поэтические строки, написанные священником Талйā уже в XVIII в. и добавленные в ту же рукопись, также анализируются нами в специальном исследовании⁶. В настоящей же статье рассматриваются лишь небольшие стихотворения, главным образом, четверостишия, написанные рукой самого 'Авдйшб', которую теперь можно легко идентифицировать, между большими текстами и на переплетных листах. Эти стихи сгруппированы в два блока: первый («блок А») содержит строки, о чтении, изучении грамматики и деятельности переписчиков (см. Таблицу), а второй («блок Б») — стихотворения, посвященные различным темам, обнаруженные также в списках поэзии Бар 'Ебрйб (DCA 00065, л. 140v–145v) и приписываемые этому автору. Стихи, входящие в состав второго блока, были изданы и являются частью поэтического наследия этого великого западносирийского энциклопедиста. Их местонахождение кажется вполне логичным в рукописи произведений этого автора, хотя они и являются писцовой припиской.

Происхождение и особенности блока А охарактеризовать гораздо труднее. Он и является предметом рассмотрения данной статьи. Поскольку большинство этих стихотворений были ранее неизвестны исследователям, некоторые из них воспроизводятся здесь в оригинале и переводе, прочим же дается общее описание.

Стихотворения о чтении и переписке книг

Большинство стихотворений этой группы (блок А, см. Таблицу) было также скопировано писцом 'Атṭайā в рукописи CCM 00024 в 1555 г. (библиотека Халдейского собора Мардина)⁷, использовавшего рукопись, переписанную 'Авдйшб' Газартским (DCA 00065) как протограф для своей копии «Метрической грамматики»⁸. Этот известный писец, из продукции которого сохранилось более двадцати рукописей, был современником и земляком 'Авдйшб' и, по-видимому, был знаком с ним лично⁹.

² Существует более сотни списков этого сочинения; полный перечень см.: Takahashi 2005: 358–373; о текстуальных особенностях существующих рукописей см.: Farina 2015; новейший список рукописей этого произведения см.: Farina 2015: 245; обстоятельное исследование о глоссах к этому сочинению см.: Farina 2016. Маргерита Фарина отметила, что оформление текста в два столбца (так же, как в обеих рассматриваемых здесь рукописях: DCA 00065 и CCM 00024) было весьма характерно для ранних рукописей этого сочинения (Farina 2016: 349, footnote 24); см. также: Farina 2017.

³ Рукопись доступна на сайте проекта vHMML: <https://w3id.org/vhmmml/readingRoom/view/500565>.

⁴ Pritula 2019a. О других его произведениях см.: Vosté 1931: 187–234; Pritula 2018; Pritula 2019b.

⁵ Pritula 2019a: 306–310.

⁶ Pritula 2019c: 207–224.

⁷ Рукопись доступна на сайте vHMML: <https://w3id.org/vhmmml/readingRoom/view/132226>.

⁸ См.: Pritula 2019a: 311–316.

⁹ О деятельности этого писца см. подробнее: Pritula 2020.

Интересно, что в его копии полностью сохранена даже оригинальная компоновка этих стихотворений на листах. Это касается также и заголовков этих текстов во всех случаях, где они присутствуют.

Существенным является вопрос, были ли такие поэтические дополнения в рукописях связаны с основным текстом — «Метрической грамматикой», или же их появление в рукописи было случайным. Как отмечала Маргерита Фарина, глоссы или схолии, содержащие лингвистические пояснения к этому трактату, сначала были созданы самим автором, но впоследствии появилось множество дополнений книжников и пользователей, некоторые из них — на переплетных листах¹⁰. Следует также отметить, что в рассматриваемом манускрипте, переписанном 'Авдйшб' Газартским, на переплетных листах имеются многочисленные прозаические комментарии как на сирийском, так и на арабском языках с лингвистическими пояснениями, сделанными рукой переписчика (DCA 00065, л. 6г–7г, 146г–148г). Таким образом, вследствие того, что характер текста стимулировал новые комментарии различного рода, «Метрическая грамматика» сопровождалась многочисленными дополнительными текстами, более или менее связанными с ней по содержанию.

Тематические стихи этого блока (см. Таблицу) можно разделить на следующие две группы: 1) об изучении грамматики (а также «правильности речи») и чтении книг (№ 2, 3, 4–9, 12–17) — эти стихи составляют большинство; 2) о деятельности писцов (№ 1, 10, 11). Несомненно, тема изучения грамматики и правильности речи (очевидно, сирийской) была весьма актуальна в этот период. После многовекового соседства с мусульманами сирийский перестал использоваться за пределами Церкви. Представители христианских общин разговаривали и писали на языках тех стран, где проживали: арабском, турецком, персидском. Такая ситуация не могла не сказываться на уровне знания церковниками сирийского — основного языка книжности. Отчасти этими причинами, видимо, и была, продиктована активная переписка «Метрической грамматики» западносирийского энциклопедиста.

В некоторых стихотворениях восхваляется значение грамматики, ее ценность (№ 2, 3, 6, 7). В одном из них она сравнивается с кораблем в море познания (№ 2):

ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ
 ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ
 ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ
 ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ ܕܡܘܨܝܘܢܐ

Грамматика — это корабль в море знаний,
 Который наставляет моряков и ныряльщиков.
 А так без него никто не доберется до берега,
 И быстро утонет, торопись, забирайся в него, о сведущий!

В двух других — грамматика уподобляется мосту к знаниям (по. 6, 7):¹¹

¹⁰ Farina 2015: 350.

¹¹ Корабль — довольно популярный образ в сирийской литературе, в том числе в писцовой традиции, часто используемый в колофонах, где проводится сравнение писца, закончившего свой труд, с кораблем, достигающим гавани (см.: Carlson 2015: 385; Brock 1995: 198–201).

لَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ
وَمَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ

О том же самом предмете

Грамматика — это мост ко всем знаниям,
И без него никто не перешел реку мудрости.

:ع

لَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ
وَمَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ

О том же

Грамматика похожа на мост
К знаниям, о добродетельный.
Никто не может перейти [без него],
Так как во всей реке нет брода.

Таким образом, во всех текстах данной группы подчеркивается значение грамматики для правильного понимания и восприятия любой информации, содержащейся в текстах. Следует отметить, что слово «грамматика» пишется в стихах двумя разными способами: لَامَلِكُ (№ 2, 3) и لَامَلِكُ (№ 6, 7); оба написания протографа DCA 00065 в соответствующих местах сохранены переписчиком ССМ 00024.

Одно из четверостиший (№ 1), начинающее весь этот блок стихотворений и посвященное деятельности переписчиков, напоминает о необходимости пробы чернил и письменной трости, что должен осуществить писец, прежде чем начать переписку:

¹² مَا مَلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ

مَا مَلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ
لَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ
مَا مَلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ
لَا تَمْلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ

Проба черных чернил¹³

Писец, сначала проверь чернила и трость,
Чтобы тебя не упрекнули те, кто сомневается в твоей писанине.
Душа, которая приобретает друзей без испытания,
Блуждает в иллюзиях и, даже трудясь, не получает пользы.

Любопытно, что в обоих списках, где отмечено это четверостишие, оно расположено на начальном переплетном листе, соседствуя с пробными росчерками, очевидно, представляющими собой пробу калама и чернил. Вероятно, такой прием, предва-

¹² Той же самой рукой повторено над текстом поэмы: مَا مَلِكُ لَكَ قَلْبُكَ بِمَنْ تَمْلِكُ

¹³ Тот же заголовок написан по-арабски: تجريب المركب علي القرطاس

ряющий текст, был распространен в этот период среди писцов Газарты и близлежащих городов. Творческая креативность переписчика, в данном случае, по-видимому, ‘Авдйшб’ Газартского, создала поэтический текст, уместный для этого случая. Четверостишие имеет дидактический характер, что обычно для произведений такого типа, проводит параллель между писцовой практикой и этической проблемой выбора друзей.

Четверостишие № 12 — это загадка, которая намекает на имя **عيسى** (Иисус). Поскольку она имеет связь с числовыми значениями букв, ее можно рассматривать как относящуюся к той же теме, а именно, к обучению и письму. В каждой строке упоминается числовое значение одной из четырех букв этого имени: 10, 300, 6 и 70 соответственно. При этом числа в стихотворении написаны словами, и читатель должен догадаться, что нужно сложить имя из четырех букв, имеющих эти значения.

عيسى

عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى
عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى عيسى

Притча

Десять даны нам в Десятке.

Триста мудро проповедовали нам о Тройке.

Шестерка соединила края неразрывно.

Семидесяти, не считая двух, передал Он Священное Писание.

В этом произведении каждое число является отсылкой к Священному Писанию и различным фактам, известным образованному церковному читателю этой эпохи. Таким образом, первая буква имени, имеющая числовое значение десять, вероятно, представляет собой аллюзию на десять заповедей (строка 1). Триста «проповедует о Троице», как указано в тексте (строка 2). Шесть может означать традиционные элементы в соответствии со средневековой естественной философией (строка 3). Семьдесят, «не считая двух», могут быть аллюзией на семьдесят учеников Христа, которые часто упоминаются в сирийской традиции как семьдесят два (строка 4). В сумме, как отмечалось выше, буквы, имеющие эти числовые значения, образуют имя **عيسى** (Иисус).

Краткие тематические стихотворные сборники: проблема создания и авторства

Изучение этого короткого, хотя и весьма любопытного текстового блока, вызывает множество вопросов как с точки зрения методологии исследования, так и истории создания. Поскольку переписчик, очевидно, выполнил этот список для себя и продолжал владеть им, он мог вписывать стихотворения в разные периоды. Неясно, были ли стихи собраны им из разных рукописей, скопированы с определенного протографа, или же написаны им самим. Не исключено, что мы имеем дело с комбинацией всех трех этих явлений. Данная проблема носит гораздо более общий характер и касается многочисленных подборок коротких стихотворений, циркулировавших в ру-

копиях разных типов и размещенных обычно за пределами основного текста. Если 'Авдйшб' Газартский действительно создал рукопись для своего личного пользования и владел ею в течение нескольких лет, то ему не нужно было упоминать об авторстве этих строк, поскольку оно было для него очевидным. Это определенно создаст для исследователей дополнительные сложности в атрибуции текстов.

Можно предположить, что писец и поэт собирал и копировал различные короткие стихи, которые казались ему подходящими в качестве приписок для той или иной рукописи. Например, пять четверостиший этого блока (см. Таблицу, № 5–10), по-видимому, были написаны Камйс бар Қардāхē (конец XIII в.), выдающимся восточно-сирийским поэтом эпохи Сирийского Ренессанса. Они отмечены в самых ранних списках его поэтических сборников: ССМ 00419 1395 г. (л. 236r)¹⁴ и Vat. Sir. 186, датированный XVI в. (л. 219r). Все пять текстов были также включены в печатное издание наследия поэта, изданное в Дахуке¹⁵. Тем не менее они никогда не изучались и не переводились. Любопытно, что даже порядок этих произведений постоянен, они следуют по очереди, и это также хранится в рукописи 'Авдйшб'.

Еще одно стихотворение в этом блоке (№ 13) приписывается Бар 'Ебрōйб, по крайней мере, в одной из ранних рукописей его поэзии: Op. 298, Biblioteca Medicea Laurenziana, Флоренция (1487/8 г.)¹⁶; это означает, что данное произведение циркулировало под его именем еще до того, как была написана рукопись ССМ 00065. Оно не было включено в издания и впервые опубликовано в статье, посвященной именно флорентийской рукописи. Еще один вопрос, на который мы в настоящее время не можем ответить: выбрал ли 'Авдйшб' стихотворения Бар 'Ебрōйб в западносирийских рукописях, к которым имелся доступ, или эти тексты уже были распространены в восточно-сирийской традиции.

Скорее всего, переписчик, бывший также известным поэтом, скопировав уже существовавшие стихотворения, понравившиеся ему, добавил несколько своих произведений на те же темы. Таким образом, можно говорить о сочетании копирования стихотворений предшественников с созданием новых, навеянных прочтением уже существовавших. Обладая чрезвычайно неустойчивым составом, такие краткие стихотворные сборники, вероятно, находились в состоянии постоянного формирования и развития. Это было, по-видимому, вызвано и местом в рукописях, которое им отводилось: на переплетных листах, за пределами основного текста как незначительное дополнение к нему. Предположительно, именно так появлялись и циркулировали многие другие краткие поэтические сборники, что в целом очень типично для средневековой книжной традиции. Особенностью последней была имитация и соревнование в разработке и описании определенной темы и литературного мотива.

¹⁴ Рукопись доступна на сайте vHMLL: <https://w3id.org/vhmlL/readingRoom/view/132538>.

¹⁵ Hošabbā 2002: 342.

¹⁶ См.: Takahashi 2013: 125.

Таблица

Короткие стихи о чтении и письме

Порядковый номер	Фолиация в рукописи DCA 00065	Фолиация в рукописи CSM 00024	Инципит	Количество строк, количество слогов в строке
1	л. 3r		ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
2	л. 3v	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
3	л. 3v	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 7 слогов
4	л. 4r	—	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	6 строк, 12 слогов
5	л. 5r	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
6	л. 5r	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
7	л. 5r	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 7 слогов
8	л. 5r	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 7 слогов
9	л. 5r	л. 3v	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 7 слогов
10	л. 5r	л. 4r	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 7 слогов
11	л. 5v	л. 2r	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
12	л. 5v	л. 2r	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
13	л. 5v	л. 2r	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
14	л. 5v	л. 2r	ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	8 строк, 12 слогов
15	л. 114v		ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
16	л. 141r		ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	4 строки, 12 слогов
17	л. 142r		ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ ܘܘܠܘܢ	6 строк, 12 слогов

Литература

- Bertheau 1843 — *Bertheau E.* (ed.). *Gregorii Bar Hebraei qui et Abulpharag Grammatica linquae syriacae in metro Ephraemeo, textum e cod. Bibl. Göttingensis edidit, vertit, annotatione instruxit.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1843.
- Brock 1995 — *Brock S.P.* The Scribe Reaches Harbour // *Byzantinische Forschungen.* (1995.) 21. P. 195–202.
- Carlson 2015 — *Carlson T.A.* Formulaic Prose? Rhetoric and Meaning in Late Medieval Syriac Manuscript Colophons // *Hugoye: Journal of Syriac Studies.* (2015.) 18:2. P. 379–398.

- Farina 2015 — *Farina M.* La *Grammatica Metrica* di Barhebraeus (XIII sec.) e le sue glosse. Siriaco, greco e arabo in contatto // *Rappresentazioni linguistiche dell'identità* / Ed. by M. Benedetti, Quaderni di AIQN, N.S. 3. Napoli, 2015. P. 107–125.
- Farina 2016 — *Farina M.* Barhebraeus' *Metrical Grammar* and Ms. BML Or. 298: Codicological and Linguistic Remarks // *Studi classici e orientali*. (2016.) 62. P. 345–360.
- Farina 2017 — *Farina M.* The Syro-Arabic Glosses to Barhebraeus' *Metrical Grammar* // *Language and Identity in Multilingual Mediterranean Settings: Challenges for Historical Sociolinguistics* / Ed. by Molinelli, Piera. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 310. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2017. P. 157–170.
- Farina 2018 — *Farina M.* Manuscripts de grammaires et lexiques syriaques // *Les auteurs syriaques et leur langue* / Ed. by M. Farina, Études syriaques 15. Paris: Geuthner, 2018. P. 243–254.
- Hošabbā 2002 — *Hošabbā Š.Ī.* Qāmīs bar Qardāḥē, Mēmṛē w-Mušḥāṭā. Nūhadrā [Dohuk], 2002.
- Martin 1872 — *Martin J.-P.-P.* (ed.). Œuvres grammaticales d'Abou'lfaradj dit Bar Hebreus. Paris: Maisonneuve, 1872.
- Pritula 2018 — *Pritula A.* 'Abdīšō' of Gazarta, the First Literate of the Chaldean Church: Poems Dedicated to the Popes of Rome // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. (2018.) Vol. 10. Issue 3. P. 374–391.
- Pritula 2019a — *Pritula A.* 'Abdīšō' of Gāzartā, Patriarch of the Chaldean Church as a Scribe // *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*. (2019.) 15. P. 297–320.
- Pritula 2019b — *Pritula A.* East Syriac Literary Life in the Mid-16th Century: 'Abdīšō' of Gāzartā and Older Contemporary Poets // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2019. Vol. 11. Issue 3. P. 89–107.
- Pritula 2019c — *Pritula A.* From Tigris to Jerusalem: East Syriac Poetic Notes from the Ottoman Time // *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. (2019.) 22. P. 193–234.
- Pritula 2020 — *Pritula A.* East Syriac Poetry Embedded in the Manuscript Illumination: 16th Century // *Manuscripta Orientalia*. (2020.) 26. Vol. 1. P. 26–36.
- Takahashi 2005 — *Takahashi H.* Barhebraeus: A Bio-Bibliography. Piscataway (NJ): Gorgias Press, 2005.
- Takahashi 2013 — *Takahashi H.* The Poems of Barhebraeus: A Preliminary Concordance // *Христианский Восток*. (2013.) 6 [12]. P. 78–139.
- Vosté 1931 — *Vosté J.M.* Mar Iohannan Soulaqa, premier Patriarche des Chaldéens, martyr de l'union avec Rome († 1555) // *Angelicum*. 1931. 8. P. 187–234.

References

- Bertheau, Ernst (ed.). *Gregorii Bar Hebraei qui et Abulpharaḡ Grammatica linguae syriacae in metro Ephraemeo, textum e cod. Bibl. Göttingensis edidit, vertit, annotatione instruxit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1843 (in Syriac and Latin).
- Brock, Sebastian Paul. "The Scribe Reaches Harbour". *Byzantinische Forschungen*, 21 (1995), pp. 195–202 (in English).
- Carlson, Thomas Andrew. "Formulaic Prose? Rhetoric and Meaning in Late Medieval Syriac Manuscript Colophons". *Hugoye: Journal of Syriac Studies*, 18:2 (2015), pp. 379–398 (in English).
- Farina, Marherita. "La *Grammatica Metrica* di Barhebraeus (XIII sec.) e le sue glosse. Siriaco, greco e arabo in contatto". In: *Rappresentazioni linguistiche dell'identità*, ed. by M. Benedetti, Quaderni di AIQN, N.S. 3. Napoli, 2015, pp. 107–125 (in Italian).
- Farina, Marherita. "Barhebraeus' *Metrical Grammar* and Ms. BML Or. 298: Codicological and Linguistic Remarks". *Studi classici e orientali* 62 (2016), pp. 345–360 (in English).
- Farina, Marherita. "The Syro-Arabic Glosses to Barhebraeus' *Metrical Grammar*". In: *Language and Identity in Multilingual Mediterranean Settings: Challenges for Historical Sociolinguistics*. Edited by Molinelli, Piera. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 310. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2017, pp. 157–170 (in English).

- Farina, Marherita. “Manuscripts de grammaires et lexiques syriaques”. *Les auteurs syriaques et leur langue*, ed. by M. Farina, *Études syriaques* 15, Paris: Geuthner, 2018, pp. 243–254 (in French).
- Hošabbā, Šlīmūn Īš‘ā (ed.). *Kāmīs bar Qardāhē, Mēmre w-Mušhātā*. Nūhadrā [Dohuk], 2002 (in Syriac).
- Martin, Jean-Pierre Paulin (ed.). *Œuvres grammaticales d’Abou’lfaradj dit Bar Hebreus*. Paris: Maisonneuve, 1872 (in French).
- Pritula, Anton. “‘Abdīšō’ of Gazarta, the First Literate of the Chaldean Church: Poems Dedicated to the Popes of Rome”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i africanistika* [The Herald of St. Petersburg University. Asian and African Studies], vol. 10, issue 3 (2018), pp. 374–391 (in English).
- Pritula, Anton. “‘Abdīšō’ of Gāzartā, Patriarch of the Chaldean Church as a Scribe”. *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*, 15 (2019), pp. 297–320 (in English).
- Pritula, Anton. “East Syriac Literary Life in the Mid-16th Century: ‘Abdīšō’ of Gāzartā and Older Contemporary Poets”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i africanistika* [The Herald of St. Petersburg University. Asian and African Studies], vol. 11, issue 3, 2019, pp. 89–107 (in English).
- Pritula, Anton. “From Tigris to Jerusalem: East Syriac Poetic Notes from the Ottoman Time”. *Hugoye: Journal of Syriac Studies*, 22 (2019), pp. 193–234 (in English).
- Pritula, Anton. “East Syriac Poetry Embedded in the Manuscript Illumination: 16th century”. *Mamscripta Orientalia*, 26, vol. 1 (2020), pp. 26–36 (in English).
- Takahashi, Hidemi. *Barhebraeus: A Bio-Bibliography*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2005 (in English).
- Takahashi, Hidemi. “The Poems of Barhebraeus: A Preliminary Concordance”. *Khristianskii Vostok* [Christian Orient], 6 [12] (2013), pp. 78–139 (in English).
- Vosté, Jacques Marie. “Mar Iohannan Soulaqa, premier Patriarche des Chaldéens, martyr de l’union avec Rome († 1555)”. *Angelicum* 8, 1931. P. 187–234 (in French).

“Grammar is the Bridge to All Knowledge”: Short Poems on the Flyleaves in a Manuscript of the *Metrical Grammar*

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 44–52)
Received 10.01.2021.

Anton D. Pritula

State Hermitage museum; St. Petersburg, Dvortsovaia naberezhnaia 34, 191186 Russian Federation.

The article examines short poems written in the hand of ‘Abdīšō’ of Gāzartā, East Syrian patriarch (1555–1570), poet and scribe, in his own copy of Bar ‘Ebrōyō’s *Metrical Grammar* (1226–1286). The short works in question were added by the scribe himself between the larger texts, as well as on the flyleaves. The question of the relation of these poems, as regards their contents, to the main text of the *Metrical Grammar* is essential. This paper discusses the poetic features of these short texts, mainly quatrains, which illustrate the complex processes in the literary life of Christian communities during the Ottoman period. In addition, a general typology of these previously unknown texts is constructed.

Key words: ‘Abdīšō’ of Gāzartā, Bar ‘Ebrōyō, Syriac poetry, *Metrical Grammar*, short poems, flyleaves.

About the author:

Anton D. Pritula, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Oriental Department, Hermitage Museum; Senior Researcher, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (pritulanna@gmail.com).

Теонимы сафаитских надписей: предварительные замечания

Ф.О. Нофал

Институт философии РАН

DOI: 10.18716/WMO57177

В статье рассматриваются упомянутые в корпусе сафаитских эпиграфических надписей теонимы. Впервые в истории отечественного востоковедения автор проводит сравнительный анализ сафаитских, хисмаитских и самудийских памятников и знакомит русскоязычного читателя с важнейшими божествами североаравийского пантеона. На основании проведенного исследования в работе выделяются два уровня сафаитского «олимпа» — космический, представленный общеарабскими божествами (ал-Лат, Бээлшмин и Радв), и родоплеменной, объединяющий мифические фигуры Салама, Йас', Даса и *джадд*-богов. Отдельно прослеживается номинационное употребление рассмотренных теонимов жителями доисламской Аравии.

Ключевые слова: арабская эпиграфика, древнеарабские религии, сафаиты, хисмаиты, самудиты.

Статья поступила в редакцию 23.11.2020.

Нофал Фарис Османович, магистр философии, научный сотрудник ИФ РАН, РФ; 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1 (faresnofal@mail.ru).

© Нофал Ф.О., 2020

Представляя русскоязычному читателю упомянутые в сафаитских эпиграфических надписях теонимы и предлагая собственную их интерпретацию, мы, однако, вынуждены признать обреченность нашей исторической «разведки» на неудачу, если не на полный провал. Коль скоро предметом нашего исследования служат одни только обнаруженные на Юге Леванта вотивные артефакты, мы практически ничего не можем сказать ни о культе богов, коим эти артефакты некогда были посвящены, ни о связанном с ними мифологическом корпусе. Скучные сведения сорока тысяч североаравийских надписей, собранных группой семитологов во главе с М. Макдональдом

(OCIANA 2017)¹, куда больше свидетельствуют о своих авторах, чем об адресатах. В то же время упомянутые в памятниках ритуалы жертвоприношений и сакрального строительства не уникальны и типичны для всех без исключения семитских религий Древнего мира и Средневековья, а значит, ничего не сообщают историку религий о божествах сафаитского пантеона или о сафаитской же литургии. Единственное, что имеется в нашем распоряжении, — ряд имен, анализ которых не должен выходить за рамки элементарного описания и простейшего историко-культурологического сравнительного исследования. Иначе говоря, нам следует воздержаться от смелых обобщений и масштабных реконструкций, довольствоваться свидетельством кратких надписей о самих себе, — разумеется, вплоть до обнаружения новых артефактов или памятников литургического или легендарного «обихода».

Второй особенностью сафаитских теонимов является их малочисленность. Обращению к тому или иному *dio minore* по его собственному имени североаравийский житель, по-видимому, предпочитал употребление его «топонимического» эквивалента. Как мы увидим ниже, с этим аспектом сафаитской религии тесно связана и другая, не менее важная ее особенность. Отсутствие сведений о функциях божественных существ и их мифологических отношениях с окружающим тот или иной город сакральным или профанным пространствами делает невозможным различение собственно божеств и «гениев» — покровителей человека, сопровождающих его в продолжение путешествий или вооруженных конфликтов, имевших место вне «божественного града». Последний факт, наконец, усугубляется единообразием прошений, обращенных к разным божествам и сводящихся, в большинстве своем, к одной мольбе — молитве о ниспослании мира или безопасности, *s'lm*. Как следствие, современному исследователю остается лишь констатировать существование неизвестных нам по содержанию сафаитских локальных культов, — культов, имеющих, очевидно, западносемитское происхождение.

Итак, на божественное достоинство того или иного имени в сафаитских надписях указывает корень *'l(h)* — известное всем без исключения западным семитам обозначение божества. Известны также его женская (*'lt*) и множественная (*'lht*) формы (IS.M 121; C 97, 96; LP 282 (Is.M. 26) и др.). Крайне неясной представляется нам связь концепта *'lt*, применявшегося в отношении безымянных богинь (AWS 286, 289², 290, 296, 307; C 74 и др.), с термином *lt*, повсеместно используемым в качестве отдельного теонима (Is.M 141, 142, 143, 147, 160, 166, 168 и др.) и указывающим на известную аравийскую богиню ал-Лат. Несмотря на то, что рабочая группа М. Макдональда так и не идентифицировала концепт *lt*, его связь с *'lt* арабских, арамейских и хатрийских надписей (Надилов 2009: 295–299) очевидна: южносирийские находки, несомненно, включены в сирийско-месопотамский культурный ареал, в котором культ ал-Лат, богини космоса и плодородия, защитницы арабских язычников *par excellence*, получил широкое распространение. К сафаитской *lt* обращены те же просьбы, что и к ал-Лат «восточных» вотивных надписей; некоторые из этих молитвословий выглядят следующим образом:

¹ Далее цитируемые надписи приводятся в транскрипции авторов сетевого корпуса североаравийских надписей (The Online Corpus of the Inscriptions of Ancient North Arabia) и в соответствии с приведенной ими нумерацией.

² Интересно, что в этой посвятельной надписи речь идет об идентификации жертвователя и жертвы: «О, богиня, помоги Замхару, сыну Лаб'; молодая верблюдица — его» (*h 'lt s' d zmr bn lb' w l h h-bkrt*).

f h lt s'lm l-d s' r w 'wr ld'wr h-s'fr (LP 361)

«Итак, о, ал-Лат, сохрани того, кто оставил [эту надпись], и ослепи того, кто ее повредит!»³.

h lt 'yr m-d qtl-h (Is.M 173)

«О, ал-Лат, отомсти тому, кто убил его!».

h lt s'lm w (LP 360)

«О, ал-Лат, сохрани его!».

h lt s'lm w qbll (JaS 108)

«О, ал-Лат! Даруй мир и [яви свое] благоволение!».

h lt s'lm h-s'nt (KRS 1025)

«О, ал-Лат! Сохрани его в этом году!».

h lt fšyt ks'r h-s'ls'lt (KRS 1039)

«О, ал-Лат, даруй ему избавление и сокруши цепи!».

h lt { }db l-h glm w' {h}t h rhl w {s}wn (SIJ 750)

«О, ал-Лат! Даруй отроку и его сестре скот и мир!».

h lt s'lm l-mn 'grb w l-mn 's²rq w qbll s'lm l-d hrš (SIJ 788.1)

«О, ал-Лат! Даруй мир тем, кто исходит из внутренней пустыни, и тем, кто возвращается в нее! Сохрани тех, кто ищет [этого]!».

Впрочем, в ряде других надписей (ASFF 271, 286; C 3527, 3658; CSA 2.1; SIJ 747, 836; SWS 65; WH 1220, 1692, 1901-2 и др.) молитвословие, обращенное к ал-Лат, никак не связано с основным прошением и имеет идиоматический характер, — что, вне всякого сомнения, лишний раз свидетельствует о широком распространении ее почитания, равно как и о его многовековой истории. Ниже мы приведем и другие надписи, в которых теоним *lt* фигурирует наряду с другими божественными именами, или, вернее, открывает их ряд, что вполне может быть объяснено особенностями сафаитской традиции поклонения ал-Лат, — традиции, предполагающей первенство богини перед другими божествами пантеона. Примечательно, что среди процитированных выше прошений сафаитов мы практически не находим молитв о плодородии⁴ или исцелении от болезней; ал-Лат сафаитов — покровительница воинов и кочевников, богиня справедливости, призванная хранить людей от превратностей судьбы и мстить за преступления чести и святотатства. Возможно, ал-Лат почиталась в качестве племенной богини членами клана Эль-Хазийй (*lt d-'l hzy*; см.: SIAM 1; SIJ 342).

Не поддаются мифологической реконструкции «топонимические» имена женских божеств, фигурирующие в нескольких сафаитских надписях. Речь идет о теонимах *'lt h-nmrt*, «богиня Наммары» (H 89, MISS.F 1; NWStL 1), *'lt 's's'*, «богиня 'Усайса» (C 97, 96) и *'lt rm'n*, «богиня Рам'ана» (LP 282 (Is.M 26)). К каждой из них сафаиты прибегали с просьбой о спасении от бед, неотличимой от адресованных ал-Лат молебний. Мужской теоним *'lh h-hrt*, упомянутый в надписи из иорданского ал-Мафрака, вероятно, имеет то же происхождение и может быть интерпретирован как «бог Харры» с опорой на INS 10 (al-Housan 2017: 28), — несмотря на то, что автор эпитафии Is.Mu 896 приводит *hrt* в качестве имени собственного. Так или иначе, роль этих божеств, равно как и связанные с ними ритуалы, вряд ли представляется возможным

³ В надписи SIJ 87 ал-Лат призывается «извергнуть из могилы» (*h lt nq't d y'wr h s' [l][r]*) святотатца, осмелившегося повредить артефакт. Подобного рода проклятия неоднократно воспроизводятся и в других сафаитских текстах в качестве идиомы.

⁴ Редкое исключение — надпись WH 3016.1, содержащая просьбу о ниспослании дождя.

восстановить. По нашему же мнению, все четыре теонима указывают на покровителей городов или племен, не игравших в мифологической картине сафаитов значительных космических ролей.

Куда более сложным нам представляется образ бога, не раз упомянутого в корпусе сафаитских надписей под именем *rḏw*. В нижеследующих отрывках Радв призывается как отдельно от других божеств, так и наряду с ал-Лат и Йас'ом, что призвано оттенить важность его почитания в глазах североаравийских язычников.

h rḏw flt (AASS 4)

«О, Радв, избавь!».

l fih w r 'y b <...> rḏw (AbaNS 965)

«Фарх: он пас здесь <...> Радв».

h rḏw ḡnmt (AbaNS 1117)

«О, Радв, даруй добычу!».

l qdmt bn hms'ṯ w 'wd b-rḏw (ASFF 260)

«Кадапт, сын Хамста: я прибегаю к Радву».

nbk bn s'ḥḥ w 'hl h-gml l-(rḏw) (ASWS 119)

«Набк, сын Сахаха — он принес верблюда в жертву Радву».

h rḏw ḥy w mrd f nwy-h h-nq (LP 335)

«О, Радв! Огради от болезни горных верблюдиц!».

rḏw ḡwt h-tr b-s'rr (AWS 219)

«О, Радв! Помоги быкам долины!».

w h m(l)(k) w rḏw 'gl (LP 1099)

«О, Радв, о, Мелек! Быстрее!».

h 'lt w rḏw s' 'd ḥḏrt (AWS 284)

«О, богиня, о, Радв! Помогите Хдарту!».

h rḏw ḡnm <...> m- s'ṯn(') <...> w <...> h lt (C 12)

«О, Радв! Добычи <...> от врагов <...> и ал-Лат...».

h yt' s' 'd 's'ṯn b[n] {h}wd <...> h rḏw flt -h -s'ṯn' (WH 2163)

«О, Йас', помоги Асану, сыну Хавада <...> О, Радв, огради его от врагов!».

В этих — равно как и в десятках других — надписях Радв умиляется в качестве божества, отвечающего за покровительство воинам и пастухам, а также как хранитель пастбищ. Кроме того, как следует из ARNA-Dumatic 23, к Радв обращались за помощью в деле «достижения чаемого» (*'al waddy*), т.е. как к божеству удачи или покровителю судьбы (Weninger 2011: 766). CSNS 918 и KnGQ 5 сообщают о некоем «прегрешении» (*ḥwb*) против Радв, которое проситель обязан был искупить (Nehmé and Al-Jallad 2017: 69–70). Несомненно, теонимом *rḏw* в сафаитских и самудийских (Retso 2003: 601) надписях обозначено общеарабское (Alpass 2013: 125; Weninger 2011: 72) божество, в средневековой исторической традиции получившее имя Руда (Ибн ал-Калби 1984: 30). А. Лундин полагал, что Руда является «богиней земли и плодородия» (Lundin 1981: 211–218), однако сафаитские надписи свидетельствуют о мужском этосе культа Радв, наверняка подчиненного мифолого-ритуальному комплексу ал-Лат (*'l rḏw*, CSNS 918).

Особой популярностью у сафаитов пользовались и два других теонима, хорошо известных специалистам по североаравийским находкам. Бог арамеев Бэ'элшмин (*b 'ls'mn*) упоминается в корпусе сафаитских надписей 190 раз в одном ряду с такими

божествами как ал-Лат (AAEK 123, ASWS 214), Йас' (KRS 1974), Джаддайф (KRS 995) и Джад'аваз (С 1292). Согласно верованиям древних арабов, Бэ'элшмин удерживает дождь (AbMNS 2, AWS 52, 54), гонит вперед облака (С 917), повелевает ветрами (Н 62), покровительствует кочевникам внутренней пустыни (ASWS 202) и воинам (Chicago 158707.1), карает огнем грешников (AbNAQ 1) и хранит от зла судеб (AMSI 194) верных ему праведников (AbNSD 1); ему приносили жертвы и строили алтари (С 4568). Как и в Хатре (X 25; Надиров 2009: 301), Бэ'элшмин почитался сафаитами как великий бог, чья сила, по-видимому, была сопоставима с силой главного женского божества. Вторым теонимом, обнаруженным и в таймитских памятниках, и на сафаитских артефактах (Maraqten 1997: 18–22), является «Салам» (*slm*) — имя бога-покровителя, которое приводится в KRS 30 в контексте молитвы о даровании пропитания. Салам сафаитских надписей — верховное божество Думы (*slm 'lh dmt*), чье имя носили язычники Южного Леванта и Северной Аравии (С 3393, CEDS 107, HNSD 102, MKJS 24). Другими сведениями о сафаитском почитании Салама мы, увы, не располагаем.

Теоним «Йас'» (*yʿ*) употреблен в нескольких надписях, чьи авторы молили божество о помощи в житейских делах (AAEK 219; AbaNS 266, 644; AbSWS 14; M.Mu 38; AWS 335–336 и др.) и вооруженной борьбе с врагами (ASWS 219; С 1585); тот же теоним дал начало популярному теофорному имени (AbaNS 203; Н 146; AMSI 105). Загадочное божество Йас' известно также и исследователям хисмаитских надписей, отмечающих спорадический характер собственно теонимического использования имени (King 1990: 76); концепт *yʿ* встречается и в сабейских памятниках в качестве имени собственного (АО 31929).

Надпись WGLR 2 указывает на некоего *dtn* как на подателя дождя; AWS 316–317, Is.M 129,242 и LP 1097 упоминают то же имя в связи с просьбами о защите людей и священных сооружений, а недавно открытая самудийская надпись адресует ему мольбу о любовном успехе (al-Theeb 2018: 53). Теоним и по сей день не заслужил должного внимания специалистов, предпочитающих критическому анализу самих надписей этимологические реконструкции крайне сомнительного качества: так, Х. Дирбас, вопреки широкому, явно внеплеменному распространению слова *dtn*, считает его тотемическим концептом⁵, генетически связанным с семитскими зоонимами *dīšōn* и *ditānu* (Dirbas 2019: 22–23), а А. Ал-Джаллад возводит его к корню *dgn* и, соответственно, к аккадскому имени «Дагон» (Al-Jallad 2018: 26). И первая, и вторая гипотезы в одинаковой мере лишены основания и, как нам кажется, должны быть отвергнуты вплоть до обнаружения новых сафаитских, самудийских или хисмаитских памятников; мы же, в свою очередь, отметим популярность теофорного имени *dtn*, зафиксированную имеющимся в нашем распоряжении эпиграфическом корпусе (WH 3607; B40000 1; CSNS 684; Is.Mu 262, 637; LP 399).

Наконец, следует упомянуть и о двух *джадд*-божествах, происхождение и функция которых не до конца ясна современным семитологам. Культ Джадда, как явствует из средневековых этнонимов, был известен по всей Аравии — от сафаитского Севера до Йемена (ал-Хамадани 1991: 97–98). Однако если йеменский Джадд, по всей видимости, представляет единое в своем роде божество, то северноаравийские надписи сообщают нам о двух явно самостоятельных персонажах — Джад'авазе (*gd'wd*)

⁵ Также против утверждения Дирбаса прямо свидетельствуют как божественный титул Дасана, так и упоминание его в ряду других личных божеств (*h 'lt dtn w h gd'wd w b'ls'mn s'lm*, «О, Дасан, Джад'аваз и Бэ'элшмин! Даруйте мир!»), — С 1292; ср.: С 994, 2446, 4982; RQ.A 9).

и Джаддайфе (*gdđf*). Призываемые в одном ряду с ал-Лат, Дасаном, Радвом, Шамсом и Бэ'элшмином (АНС 5–6; М.Му 25; BS 836; С 994, 1066, 1292, 1744, 1955, 2446, 2795, 3062, 4351, 4404; Is.H 520) на защиту ('*wđ*; см.: Al-Housan 2015: 96) жизни человека от холода, голода и болезней (ААЕК 110), они умиляют жертвами и помогают в победе над врагами-иноплеменниками. Поскольку Джад'аваз и Джаддайф почитались всеми без исключения сафайтами и даже одновременно заклипались молящимися, мы ничего не можем заключить об обособленном, локальном генезисе культа каждого из них; вместе с тем, вопреки Ал-Джалладу и Мюллеру, отождествившим *джадд*-божества с богинями судьбы античного мира (Al-Jallad 2014: 214; Nehmé and Al-Jallad 2017: 30), мы можем с высокой долей вероятности постулировать их племенное происхождение. Фигурирующие в просьбах о даровании личного благополучия *gd'wđ* и *gdđf*, корни имен которых восходят к генеалогическому концепту *gdd*, «предок», должны призреть всю группу людей, водворяющуюся в некоей земле (С 4351) или ополчающуюся против чужого племени (С 2617, 2795). Схожее мнения держались и другие исследователи, отмечавшие «семейный», клановый характер почитания *джадд*-теонимов (Alisøu 2017: 35).

Подведем итог. Рассмотренные выше теонимы наверняка представляют археологу религии лишь малую часть пантеона сафайтов — одинаково, однако, важную как для доисламских аравийских язычников, так и в глазах современных специалистов-семиологов. Первое наше замечание касается иерархии сафайтских божеств, определяемой нами исключительно статистически: судя по частотности и вотивной «насыщенности» упоминаний богов и богинь, верховенство в северноаравийском пантеоне принадлежало «надплеменным» божествам — Бэ'элшмину, ал-Лат и Радву. Иначе говоря, в противоположность богатой и эклектической западноаравийской религиозной традиции I–III вв., сафайтская мифология ограничила число теонимических заимствований несколькими именами. Второе же наше замечание, вполне ожидаемо следующее из первого, призвано обозначить закономерности употребления теонимов в «мирской» сафайтской ономастике. В частности, концепты '*lt*, *b'ls'mn* и *rdw* так и не дали начала теоформным именам или этнонимам, тогда как *šlm*, *dtn*, *yl'* и *gdd*, чья мифологическая и культурно-ритуальная семантика не поддается достоверной реконструкции, имеют продолжительную историю личной и этнологической номинации. Особняком стоят имена *джадд*-божеств, покровителей рода, которые легли в основу названий племен и кланов. Как следствие — и в этом состоит наше третье замечание к проведенному выше анализу — распадающийся на два уровня сафайтский пантеон в определенной степени представляет мифологическую функциональную стратификацию, столь неявно выраженную корпусом надписей. Ал-Лат, Бэ'элшмин и Радв остаются у северных арабов хранителями мирового порядка *par excellence*, в то время как за племенными и «автохтонными» богами и богинями закрепляется роль покровителей людей и клановых объединений. Впрочем, все три замечания, равно как и подразумеваемое ими различие, некогда существовавшее между северно- и центральноаравийским, мекканским пантеонами, могут быть опровергнуты будущими находками археологов, по сей день работающих в песках сафайтских, самудийских и хисмаитских пустынь, — что автор этих строк, разумеется, только приветствует и на что искренне надеется в условиях растерянного молчания академических религиоведения и антропологии о древнеаравийских мифах.

Литература

- Ал-Хамадани 1991 — *Ал-Хамадани 'Абу Мухаммад*. Сифат Джазират ал-'араб. Эр-Рияд: Дар ал-джавхара, 1991.
- Ибн ал-Калби 1984 — *Ибн ал-Калби Хишам*. Книга об идолах / Пер. с араб. и комментарии В.В. Полосина. М.: ГРВЛ, 1984.
- Надиров 2009 — *Надиров И.И.* Хатра. Арабы между Парфией и Римом / Отв. ред. С.А. Французов. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009.
- Alisøy 2017 — *Alisøy Dorthea Rennestraum*. Affiliations Carved in Stone. An Analysis of Kinship and Social Structure in the Safaitic Inscriptions. Bergen: Bergen University, 2017.
- Alpass 2013 — *Alpass Peter*. The Religious Life of Nabataea. Leiden: Brill, 2013.
- Dirbas 2019 — *Dirbas Hekmat*. Onomastics and the Reconstruction of the Past: Rethinking Totemism in Semitic Traditions // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. No. 1. С. 19–35.
- Al-Housan 2015 — *Al-Housan Abdul-Qader*. A Selection of Safaitic Inscriptions from Al-Mafraq, Jordan // *Arabian Epigraphic Notes*. Vol. 1. Leiden: Leiden Center for the Study of Ancient Arabia, 2015. P. 77–102.
- Al-Housan 2017 — *Al-Housan Abdul-Qader*. A Selection of Safaitic Inscriptions from Al-Mafraq, Jordan: II // *Arabian Epigraphic Notes*. Vol. 3. Leiden: Leiden Center for the Study of Ancient Arabia, 2017. P. 19–46.
- Al-Jallad 2014 — *Al-Jallad Ahmad*. An Ancient Arabian Zodiac. The Constellations in the Safaitic Inscriptions, Part I // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2014. Vol. 25 (2). P. 214–230.
- Al-Jallad 2018 — *Al-Jallad Ahmad*. What is Ancient North Arabian? // *Re-engaging Comparative Semitic and Arabic Studies* / Ed. by D. Birnstiel and N. Pat-El. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 1–43.
- King 1990 — *King Geraldine Margaret Harmsworth*. Early North Arabian Hismaic. A Preliminary Description Based on a New Corpus of Inscriptions from the Ḥismā Desert of Southern Jordan and Published Material. Oxford: School of Oriental and African Studies, 1990.
- Lundin 1981 — *Lundin A.G.* Die arabischen Götinnen Ruda und al-'Uzza // *Al-Hudhud*. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag. Graz: Karl-Franzens-Universität, 1981. P. 211–218.
- Maraqten 1997 — *Maraqten Mohammed*. The Aramaic Pantheon of Tayma' // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1997. Vol. 7. P. 17–31.
- Nehmé and Al-Jallad 2017 — To the Madbar and Back Again. Studies in the Languages, Archaeology, and Cultures of Arabia dedicated to Michael C.A. Macdonald / Ed. by L. Nehmé and A. Al-Jallad. Leiden: Brill, 2017.
- OCIANA 2017 — The Online Corpus of the Inscriptions of Ancient North Arabia. Safaitic Corpus / Ed. by M.C.A. Macdonald, A. Al-Manaser and M. Diex. Oxford, 2017 [https://www.academia.edu/32137512/The_Online_Corpus_of_the_Inscriptions_of_Ancient_North_Arabia_Safaitic_Corpus] (дата обращения: 01.04.2020).
- Retso 2003 — *Retso Jan*. The Arabs in Antiquity: Their History from the Assyrians to the Umayyads. London: Routledge, 2003.
- Al-Theeb 2018 — *Al-Theeb Solaiman*. Evolution of the Ḥā'il Thamudic Inscriptions // *Abgadiyat*. 2018. No. 13. P. 46–56.
- Weninger 2011 — *The Semitic Languages: An International Handbook* / Ed. by S. Weninger. Berlin: De Gruyter, 2011.

References

- Alisøy, Dorthea Rennestraum. *Affiliations Carved in Stone. An Analysis of Kinship and Social Structure in the Safaitic Inscriptions*. Bergen: Bergen University, 2017 (in English).
- Alpass, Peter. *The Religious Life of Nabataea*. Leiden: Brill, 2013 (in English).

- Dirbas, Hekmat. "Onomastics and the Reconstruction of the Past: Rethinking Totemism in Semitic Traditions". *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16 (issue 1), pp. 19–35 (in English).
- Al-Hamadani, 'Abu Muhammad. *Sifat Jazirat al-'Arab* [Arabian Peninsula's Description]. Riyadh: Dar al-Jawharah, 1991 (in Arabic).
- Al-Housan, Abdul-Qader. "A Selection of Safaitic Inscriptions from Al-Mafraq, Jordan". *Arabian Epigraphic Notes*, vol. 1. Leiden: Leiden Center for the Study of Ancient Arabia, 2015, pp. 77–102 (in English).
- Al-Housan, Abdul-Qader. "A Selection of Safaitic Inscriptions from Al-Mafraq, Jordan: II". *Arabian Epigraphic Notes*, vol. 3. Leiden: Leiden Center for the Study of Ancient Arabia, 2017, pp. 19–46 (in English).
- Ibn al-Kalbi. *Kniga ob Idolakh* [The Book of Idols]. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 1984 (in Russian).
- Al-Jallad, Ahmad. "An Ancient Arabian Zodiac. The Constellations in the Safaitic Inscriptions, Part I". *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 2014, vol. 25(2), pp. 214–230 (in English).
- Al-Jallad, Ahmad. "What is Ancient North Arabian?" In: *Re-engaging Comparative Semitic and Arabic Studies*. Ed. by D. Birnstiel and N. Pat-El. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 1–43 (in English).
- King, Geraldine Margaret Harmsworth. *Early North Arabian Hismāic. A Preliminary Description based on a New Corpus of Inscriptions from the Ḥismā desert of Southern Jordan and Published Material*. Oxford: School of Oriental and African Studies, 1990 (in English).
- Lundin A.G. "Die arabischen Göttinnen Ruda und al-'Uzza". In: *Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag*. Graz: Karl-Franzens-Universität, 1981, pp. 211–218 (in German).
- Maraqten, Mohammed. "The Aramaic Pantheon of Tayma' ". *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 1997, vol. 7, pp. 17–31 (in English).
- Nadirov I.I. *Khatra. Araby Mezhdur Parfiei i Rimom* [Khatrah. Arabs between Parthia and Rome]. St. Petersburg: "Gumanitarnaia Akademiia" Publ. Center, 2009 (in Russian).
- Retso, Jan. *The Arabs in Antiquity: Their History from the Assyrians to the Umayyads*. London: Routledge, 2003 (in English).
- The Online Corpus of the Inscriptions of Ancient North Arabia. Safaitic Corpus*. Ed. by M.C.A. Macdonald, A. Al-Manaser and M. Diex. Oxford, 2017 [https://www.academia.edu/32137512/The_Online_Corpus_of_the_Inscriptions_of_Ancient_North_Arabia_Safaitic_Corpus] (last reviewed: 01.04.2020) (in Safaitic Arabic and English).
- The Semitic Languages: An International Handbook*. Ed. by S. Weninger. Berlin: De Gruyter, 2011 (in English).
- Al-Theeb, Solaiman. "Evolution of the Ḥā'il Thamudic Inscriptions". *Abgadiyat*, 2018, no. 13, pp. 46–56 (in English).
- To the Madbar and Back Again. Studies in the Languages, Archaeology, and Cultures of Arabia dedicated to Michael C.A. Macdonald*. Ed. by L. Nehmé and A. Al-Jallad. Leiden: Brill, 2017 (in English).

Theonyms in Safaitic Inscriptions: Preliminary Remarks

Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 53–61
Received 19.10.2020.

Faris O. Nofal

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; ul. Goncharnaia 12, str. 1, Moscow, 109240 Russian Federation.

The present article reviews the theonyms mentioned in the corpus of Safaite epigraphic inscriptions. For the first time in the history of Russian Oriental Studies, the author conducts a comparative analysis of Safaite, Hismaite and Samudi texts and acquaints the Russian reader with the major deities of the North-Arabian pantheon. On the basis of this analysis, the work marks the two levels of Safaite “Olympus”: the cosmic one, represented by common Arab deities (al-Lat, Belshmin and Radw), and the tribal one, which includes the mythical characters of Salam, Yath’, Dath and *gadd*-deities. In addition, the author observes the use of the reviewed theonyms by the denizens of pre-Islamic Arabia for the purposes of nomination.

Key words: Arab Epigraphy, ancient Arab Religions, Safaites, Hismaites, Thamudites.

About the author:

Faris O. Nofal, Master of Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (faresnofal@mail.ru).

Нетипичные источники судебных решений правителей государств Центральной Азии XVI–XIX вв.¹

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.18716/WMO58499

В статье на конкретных примерах анализируется применение правителями центральноазиатских государств нетипичных источников при принятии судебных решений, которые либо не соответствовали основной правовой системе их государств, либо вообще не являлись источниками права. Автор рассматривает случаи в Бухарском ханстве XVI и XVII вв. и в Казахской степи первой трети XIX в. и делает вывод, что правители, вынося судебные решения, прибегали к таким источникам, желая продемонстрировать свою политическую позицию в глазах собственных подданных или правителей соседних государств.

Ключевые слова: тюрко-монгольские государства, источники права, суд и процесс, традиционное право, мусульманское право.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства НИУ ВШЭ, РФ; 198099, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17 (rpochekaev@hse.ru).

© Почекаев Р.Ю., 2021

В юридической практике тюрко-монгольских государств неоднократно имели место случаи, когда при наличии официально действовавшей правовой системы время от времени оказывались источники права, к этой системе не относившиеся. К их использованию обычно прибегали правители, стремившиеся по каким-либо причинам продемонстрировать или подчеркнуть свою политическую и идеологическую позицию. В настоящем исследовании на основе ряда конкретных примеров предпринимается попытка анализа политических причин выбора правителем в рамках судебных разбирательств юридических источников, находившихся вне официально действовавшей правовой системы того или иного государства. Несмотря на то что примеры относятся к разным государствам и эпохам, представляется, что их последователь-

¹ Статья является расширенной и доработанной версией доклада, представленного на конференции «Право и государство на Востоке: прошлое и настоящее», прошедшей в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2018 г.).

ный анализ позволит выявить некие общие закономерности такого выбора источников права центральноазиатскими монархами.

Принцип Ясы, подкрепленный шариатом

Основатель Бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан (1500–1510), потомок монархов Золотой Орды, в молодости получил прекрасное образование и являлся выдающимся богословом и правоведом своего времени. Несмотря на активную государственную деятельность и непрерывающиеся завоевания, он нередко находил время для проведения научных диспутов по теологическим и юридическим вопросам, порой носившим не только схоластический, но и весьма практический характер. Его придворный историограф Фазлаллах б. Рузбихан Исфакхани, и сам являвшийся хорошим правоведом, даже, по некоторым сведениям, занимавшим должность судьи в Мекке и Медине, описал один из таких диспутов, в ходе которого хан продемонстрировал не только мусульманское благочестие, но и свою связь с чингизидскими традициями:

Как-то раз в стольном городе Герате, да сохранит его Аллах от несчастий, высокостепенное ханское величество соизволили спросить у гератских улемов: «Что является основанием для наследования — родство, или брачное свойство, или опекунство? Обязательное требование родства заключается в том, что, когда существует родственник, то он получает наследство, и при наличии родного сына внук по этой причине не наследует, так как имеет более близкий родственник, чем он. Логически следует, что самый близкий родственник по линии его [происхождения] становится препятствием наследованию внука, но не родственник вообще. Следовательно, если внук происходит от сына, который не является связующим звеном между внуком и дедом, а является сыном другого, которого не существовало во время составления завещания, чтобы претендовать на наследство, то наследство получает тот внук (правнук). Таково логическое суждение. Однако согласно мнению улемов сходится на том, что внук при наличии сына наследства не получает, будь это внук от живого сына или сына, умершего при жизни отца, который является дедом этого внука. Неизвестно, что служит [юридическим] основанием этого согласного мнения. Необходимо привести цитаты из Писания или сунны, чтобы доказать, что внук при наличии сына не наследует, или же необоснованное согласное мнение улемов не заслуживает внимания. А ведь в ясе Чингизхановой сказано, что внук, отец которого умер при жизни деда, в наследовании приравнивается к родному сыну.

Ни один из присутствовавших в собрании гератских улемов не нашел текста, который внес бы ясность...

Дело кончилось тем, что [хан] пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и [велел] поступать по установлению Чингизхана. Однако поскольку оно противоречило общему мнению улемов, то [хан] оставался в нерешительности...

[Между тем один из жителей Бухары, по прозвищу Амир Аху, выдававший себя за сейида и считавший себя ученым, представил хану из какой-то книги выписку, с содержанием которой якобы был согласен казий Шурайх. По довольно запутанному

тексту этой выписки Амир Аху делал вывод, что внук получает часть наследства. По мнению же Ибн Рузбихана, бухарец просто не понял представленного им текста.]

На следующий день, когда я, бедняк, вместе с улемами удостоился сидеть на августейшем собрании, его величество наместник всемилостивого, показав представленную Амиром Аху выдержку, выразил радость по поводу совпадения мнений и суждений его величества и казия Шурайха и изволил сказать: «Нам подобает действовать по слову казия Шурайха, и теперь будем поступать так». Он повелел его высочеству прибежищу царства, могущественному как судьба, Мухаммад Тимур-султану, чтобы написали в областях Мавераннахра указ, дабы казни действовали по нему и произвели уравниение в наследовании родного сына и внука» (Исфাহани 1976: 59–60).

Решение, принятое ханом и, по сути, навязанное им мусульманским законооведам, отражает двойственную позицию Мухаммада Шайбани, которая проявлялась в самых разных аспектах его деятельности. С одной стороны, будучи прямым потомком Чингис-хана, он, несомненно, унаследовал уважение к имперским ценностям своего семейства — правящего рода Золотой Орды. С другой стороны, в молодости он, как уже отмечалось, получил мусульманское образование в Бухаре и в течение всей жизни поддерживал контакты с влиятельными представителями среднеазиатского духовенства, которые неоднократно оказывали ему поддержку и в завоевании государства Тимуридов в Средней Азии.

Любопытно, что и в процессе завоевания империи потомков Тимура Мухаммад Шайбани-хан обосновывал свои действия как с помощью мусульманских, так и с помощью чингизидских принципов. Как правоверный мусульманин, он бросал вызов потомкам Тимура, которого многие влиятельные богословы еще в конце XIV в. открыто провозглашали врагом ислама и даже издали по этому поводу несколько фетв. Вместе с тем, как потомок Джучи, старшего сына Чингис-хана, Шайбани-хан отвоевывал у Тимуридов (не принадлежавших к роду Чингис-хана) владения, некогда являвшиеся Улусом Чагатая — тоже сына Чингис-хана.

Став во главе Средней Азии — региона с многовековыми мусульманскими традициями, Мухаммад Шайбани, конечно же, не мог не демонстрировать ревностной приверженности к исламу, чтобы снискать лояльность и поддержку своих новых оседлых подданных. Но при этом он оставался главой Шибанидов, одной из ветвей рода Чингис-хана, и предводителем «кочевых узбеков», среди которых мусульманская религиозность была не столь сильна, сколь их пиетет к роду Чингизидов и имперским правовым традициям.

Хану даже приходилось научно обосновывать причины двойственности тех норм и принципов, согласно которым он был вынужден поступать, чтобы обеспечить контроль как над оседлыми, так и над кочевыми подданными. В частности, этому посвящено произведение, условно называемое «Апология Мухаммада Шайбани-хана», — своеобразный гипотетический диалог самого хана с шейх-ул-исламом, судьей-кази и муфтием. Согласно сюжету, они упрекают автора за его не слишком благочестивые деяния, обвиняя в том, что он не поступает как ревностный мусульманин, во многом уподобляясь Тимуридам. Более того, ему в вину ставится даже его происхождение от Чингис-хана, который, как известно, не принадлежал к приверженцам истинной веры. Шайбани-хан в свою защиту заявляет, что он, будучи истинным борцом за веру,

не дающим неверным ни шанса, опирается на шариат как основной закон и оказывает покровительство суфиям. Чингизидское же происхождение и соблюдение монгольских обычаев позволили ему занять трон и вести борьбу за торжество ислама более эффективно. Характерно, что при этом вместо прежней «линии защиты» он сам начинает критиковать представителей духовенства: по его словам, они не могут поставить себя на место правителя, потому и упрекают его со своей точки зрения — с позиции мистиков и аскетов (Bodrogligeti 1994: 85–89, 90, 98, 99; см. также: Кюгельген 2004: 46).

Соответственно, в процитированном выше диспуте хан повел себя именно таким образом: он как монарх поставил точку в затянувшемся споре и повелел действовать по Ясе Чингис-хана, которая уже в XV в. подверглась суровой критике мусульманского духовенства Средней Азии (см., например, Болдырев 1985: 55), хотя в качестве компромисса и сослался на подтверждающее ее положение сомнительное мнение мусульманского правового авторитета.

Однако возникает вопрос: почему же хану так нужно было добиться принятия именно такого решения — чтобы внук мог наследовать деду при живых других сыновьях? Полагаем, по той причине, что это решение напрямую касалось самого Шайбани-хана и его прав на власть. Дело в том, что Мухаммад Шайбани приходился внуком могущественному узбекскому хану Абулхаиру (1428–1468), причем по линии старшего сына Шах-Будаг-султана — но скончавшегося раньше своего отца. После смерти его деда короткое время правил его второй сын Шейх-Хайдар (1468–1469), после гибели которого семейство Шибанидов признало своим главой именно Мухаммада Шайбани, несмотря на то что в живых было еще несколько сыновей Абулхаира, т.е. дядьев нового монарха (см., например, Материалы 1969: 19–20)². Таким образом, как видим, проблема, обсуждавшаяся на диспуте в Герате, в точности отражала ситуацию с притязаниями Шайбани-хана на трон. Не ограничиваясь фактическим признанием старшими родственниками своего первенства, он решил гарантировать себе право на власть и ссылкой на мусульманское право, пусть даже и соотнеся ее с принципами «языческой» Ясы Чингис-хана, лишней раз намекнув своим богословам, что в случае их отказа признать его волю он может «забыть» о своем мусульманском благочестии и поступить с ними как потомок «неверного» Чингис-хана!

Кстати, в продолжении рассказа Ибн Рузбихана сообщается, что улемы все-таки остались неудовлетворенными этим «временным» решением и по настоянию казия Самарканда собрались вновь, указав хану, что приседанные доводы «вовсе не подтверждают вопроса». Тогда Шайбани-хан поручил решение вопроса самому Ибн Рузбихану, который, опираясь на труды двух выдающихся правоведов прошлого, все же сумел найти более авторитетное подтверждение позиции хана, чем и монарх, и улемы оказались удовлетворены, «и опасение исчезло из сердец» (Исфакхани 1976: 60–61). Таким образом, хан в конечном счете добился своего, не бросая открытого вызова мусульманским ценностям, и хотя бы формально обеспечил своему решению поддержку богословов.

² На пользу Мухаммаду Шайбани пошло то, что в чингизидской политико-правовой традиции не было предусмотрено четкого порядка престолонаследия, и ханом можно было стать по любому из целого ряда оснований — как старшему в роду, как наследнику по завещанию предшественника, как самому удачливому военачальнику и т.д. (см. подробнее: Султанов 2017: 88–97).

Историческое сочинение как источник права

Повествуя о событиях в том же Бухарском ханстве, но уже относящихся к началу XVII в., Мир Мухаммад Амин-и Бухари, придворный историк хана Убайдаллаха II (1702–1711), пишет:

Когда государь мира по коранскому выражению: делает аллах то, что пожелает, и устанавливает то, что захочет, — ступил на небовидный трон, его брат, Асадулла султан, алчно стремясь к обладанию государством и казною, заявил: «Мы два цветка с одного дуга, две жемчужины из одной раковины; согласно же шариату, брат должен разделить [со мною] государство, казну и все наследство, оставшееся после покойного [государя Субханкули хана], и поручить мне управление [областью] Балха. [Я же] до тех пор, пока буду жив, не выйду из повиновения и подчинения брату. Если же этого не осуществится, то он будет узурпатором моего права».

Государь мира услышал точное известие об этом неправильном замысле и, не смотря на то что его брат был под арестом, обеспокоился в отношении такого рода его слов. Приставанье его брата увеличило его страх и опасение...

Монарх мира, потребовав к себе в покой Бек Мухаммед бия дадху и Тарамтай хаджи калмыка, сказал [им]: «Вы читали книгу „Равзат ас-сафа“ и играли в шахматы?» Когда два эмира услышали эти полные намека слова, слетевшие с языка государя, они, в отношении ясности их значения, преклонили колени. Государь в разъяснение сего сказал: «Слышали ли вы из истории, чтобы в одном городе было два царя и чтобы два короля стояли на шахматной доске вместе?..»

Посему как мне не отделаться от такого брата, который не довольствуется [назначенной ему] очередью? Если я проявлю в этом отношении небрежность и бездельность, то как бы мне потом горько не раскаяться!»

Разумеется, эти два эмира, слыша такие многозначительные слова, согласились с ними и приказали Джавшан-калмыку, убийце принцев: «Иди к покровительству красоты, [принцу Асадулле султану]!» И тот страшный, как Сатурн, и свирепостью подобный Марсу — ибо был палачом во дворце, — безжалостным мечом прервал нить жизни злополучного, не выдавшего света царевича в той комнате, где он находился (Бухари 1957: 30–31).

Как видим, хан приводит весьма специфический довод в пользу того, что следует избавиться от брата-соперника, — ссылку на историческое сочинение. Других примеров использования подобного рода «источника права» в тюрко-монгольских государствах мы не знаем. Попытаемся разобраться, что же побудило Убайдаллаха II прибегнуть именно к такому обоснованию своих действий.

Прежде всего отметим, что ко времени описываемых событий (конец XVII — начало XVIII в.) Бухарское ханство переживало глубокий политический кризис. Династия Аштарханидов (к которой принадлежал и Убайдаллах), пришедшая к власти в начале XVII в., на какое-то время стабилизировала ситуацию в государстве, но уже во второй половине века начались снижение авторитета правящей династии и возвышение узбекских родоплеменных вождей. Сам Убайдаллах II был провозглашен ханом в ущерб двум своим братьям именно в результате сговора кочевой аристократии. Естественно, возведя его на трон, знать надеялась, что он будет ей покорен, — в противном случае она могла бы его так же легко низложить и возвести на трон другого брата (см. подробнее: Алексеев 2006: 179–180). Вероятно, именно на это и делал ставку его брат Асадулла-султан, когда заявил о своих притязаниях на власть.

Таким образом, отдавая приказ расправиться с братом, Убайдаллах «убивал двух зайцев»: избавлялся от опасного конкурента и показывал бухарской знати, что способен на решительные действия. Конечно, этот приказ в отношении родного брата, уже и так сидевшего под арестом, являлся проявлением коварства и вероломства со стороны хана, и в этом ни современники, ни историки не обманывались (Ахмедов 1985: 91). Однако, пусть даже чисто внешне, Убайдаллах постарался придать обоснованность своему решению и сделал это, надо сказать, не без некоторого изящества. Остается вопрос: почему же он сослался на историческое сочинение?

Стоит сказать несколько слов о самом произведении «Равзат ас-сафа фи сират ал-анбийя ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»), написанном среднеазиатским историком Мухаммадом б. Хонд-шахом б. Махмудом, более известным как Мирхонд (1433–1498). Оно относилось к типу «всемирных историй» и в течение долгого времени считалось весьма популярным и в значительной степени эталонным: оно даже заучивалось наизусть подобно Корану, хотя и превосходило его по объему в несколько раз (Стори 1972: 361; Султанов 2005: 211). Ссылка на такое произведение, безусловно, должна была не только «красиво» обосновать расправу хана с братом-соперником, но и подчеркнуть, что монарх является образованным, высококультурным правителем — достойным наследником прежних ханов, которые не только эффективно управляли государством, но и сами были знатоками культуры и искусства, сочиняли стихи, устраивали научные и богословские диспуты и т.д.³ Тем самым Убайдаллах, возможно, показывал, что намерен вернуть «золотой век» Бухары. Правда, сделать это ему не удалось: после неудачных попыток избавиться от опеки представителей кочевой знати в 1711 г. Убайдаллах в результате очередного переворота был свергнут и вскоре убит, а на трон вступил его малолетний брат Абу-л-Файз (см. подробнее: Абдураимов 1966: 137–164).

Надо сказать, что опора на исторические сочинения в политической жизни была на Востоке довольно широко распространена. Это — и создание придворных исторических хроник, в которых не только воспевались деяния правящих монархов, но и подчеркивалась их преемственность с предшественниками, т.е. непрерываемость права на власть. Это — и проведение параллелей с великими правителями прошлого, через которое «ненавязчиво» внушалось подданным, насколько велик их нынешний монарх⁴. Ссылки на исторические события для обоснования своей позиции стали настолько привычными, что даже русские государи пользовались этим приемом в отношениях с тюрко-монгольскими правителями (см., например, Моисеев 2018).

А вот использование исторических сочинений при принятии судебного решения (а именно таковым формально являлся и приказ Убайдаллаха, решившего наказать брата за притязания на власть), как уже отмечалось, в процессуальной практике нам практически неизвестно⁵.

³ Правда, Аштарханиды, в отличие от предшествующей династии Шайбанидов, среди которых и в самом деле было довольно много деятелей искусства и литературы, не отличались склонностью к изящной словесности: пожалуй, только Надир-Мухаммад (1642–1645), дед Убайдаллаха, был известен тем, что устраивал научные диспуты и сочинял стихи (Норик 2011: 403–404).

⁴ Например, российский дипломат Е.К. Мейендорф вспоминал, что во время его приезда в Бухару в 1820 г. на площадях города по приказанию эмира Хайдара читалась история «Искандера Зулкарнайна», т.е. Александра Македонского (Мейендорф 1975: 151; см. также: Кюгельген 2004: 178).

⁵ Единственным сходным казусом, насколько можно судить, является судебное разбирательство в Парижском парламенте в 1586 г., во время которого стороны активно ссылались на сведения исторического характера для решения вопроса о назначении кюре университетской церкви, для чего надо было установить, кто является основателем Парижского университета — французский король или римский папа (Уваров 2013).

Мусульманское благочестие казахского хана

Российский ученый-востоковед и дипломат Е.К. Мейендорф, посетивший в 1820–1821 гг. с посольской миссией Бухарский эмират, по пути проезжал через владения казахского хана Арин-Гази, правителя части Младшего жуза (1815–1821). В своих дневниках он отметил нетипичное для казахских правителей тяготение к исламу, проявившееся, в частности, и в его судебной деятельности.

По этому поводу Е.К. Мейендорф в своей записке о состоянии дел в Младшем жузе на имя министра иностранных дел К.В. Нессельроде писал:

Арын-Гази, желая восстановить порядок в Малой Орде и приписать себе заслуги, на которые не имел права претендовать хан Шир-Гази, решил положить предел грабёжам и воровству, которые приводили в отчаяние его соотечественников.

Он оставил берега Сыра, направился в глубь степи, предшествуемый молвой о своей испытанной справедливости, и считал, что достигнет всего справедливой строгостью, которой он нашел более полезным и менее жестоким придать характер религиозной справедливости: все изречения были произнесены муллой-казы как предписанные Алкораном. Первое изречение, которое Арин-Гази заставил произнести в глубине степи, стоило жизни 11 ворам, которые были обезглавлены. Вскоре после этого 9 других киргизов постигла та же участь, потом семерых, потом пятерых, и до сих пор еще не проходит года, чтобы его суровость не нашла себе несчастных жертв.

Покой восстановился в Орде (Материалы 1940: 361–362, 378).

А в своей монографии, подготовленной на основе записок, которые Мейендорф вел во время поездки в Бухару, дипломат вспоминал и другие примеры правосудия хана Арин-Гази:

На следующий день после нашего прибытия султан, окруженный свитой из сотни киргизов, прибыл верхом с визитом к 2-му Негри⁶. На голове у него была чалма, что совершенно не принято в этой пустыне, но считается признаком благочестия со стороны магометанина, стремившегося отличить себя от киргизской массы...

На другой день я отправился навестить его. По пути я встретил около 50 киргизов. Подъехав к ним, я узнал, что они собрались для исполнения приговора, вынесенного султаном одному их соплеменнику, укравшему лошадь. Согласно Корану, он был осужден на смерть. Но старики киргизы упрашивали султана помиловать его, дабы Провидение обеспечило благоприятный результат похода, который султан намеревался предпринять, и чтобы его милосердие оказалось счастливым предзнаменованием при встрече с русскими. Султан удовлетворил их просьбу, и наказание было смягчено.

Полуобнаженного вора с надетым на шею куском черной кошмы, свисавшей на плечи, два вооруженных нагайками всадника погнали до ближайшей юрты. Там ему вымазали лицо сажеей и заставили пройти сквозь группу киргизов. Затем к хвосту лошади привязали веревку, велели вору взять ее в зубы и бежать за лошадью, которую двое гнали вскачь, а мчавшиеся за вором кочевники били его нагайками. Боль-

⁶ Российский дипломат А. Негри являлся главой посольства в Бухару, в которое входил Мейендорф.

шинство присутствовавших смеялись до слез, некоторые ругались. Наконец спустя несколько минут вора отпустили. Затем он поблагодарил султана и обещал ему более не красть. Лошадь вора подверглась участи, которая первоначально была определена ее хозяину: ей перерезали горло, а затем в одно мгновение она была разъята на части и поделена между присутствовавшими киргизами, причем не обошлось без громких криков, возни и нагаечных ударов (Мейендорф 1975: 28–29).

Сам дипломат, как видим, отметил, что Арин-Гази выглядел и вел себя не так, как «принято в этой пустыне», и полагает, что он стремился «отличить себя от киргизской массы». Однако была ли приверженность хана к исламу только отражением его стремления выделиться среди других? Вряд ли для этого ему стоило вершить суд на основе шариата.

Дело в том, что казахи, формально принявшие ислам еще в XIV–XV вв., всегда считались «плохими мусульманами», отличались «религиозным индифферентизмом», мало уважали мусульманское духовенство и даже священную книгу Коран (Козлов 1998: 305–306)⁷. Известно, что предпринимались попытки инкорпорировать некоторые нормы шариата в казахское право — в частности, в правовой памятник «Жеты жаргы» («Семь установлений»), составленный в конце XVII в. под руководством хана Тауке (1680–1715) и предусматривавший смертную казнь за отказ от ислама. Однако, учитывая упомянутый «индифферентизм» казахов, можно предполагать, что применялись такие наказания весьма редко, а после перехода казахов в российское подданство и распространения на них имперского законодательства и вовсе сошли на нет (Фукс 2008: 772–773).

Большинство преступлений у казахов каралось штрафом-куном, обычно определявшимся в головах скота (чаще всего в баранах, реже — в конях или верблюдах), тогда как смертная казнь или телесные наказания применялись весьма и весьма редко. Неудивительно, что неоднократные смертные приговоры, выносившиеся Арин-Гази, производили впечатление не только на русских дипломатов, но и на самих казахов. Впрочем, убедившись в том, что он намерен суровыми — пусть даже не соответствовавшими казахским правовым традициям — мерами искоренять преступность, его подданные и в самом деле стали меньше нарушать закон, посягать на чужое имущество и совершать грабительские набеги (*барымту*) друг на друга. За водворение порядка в подвластных ему районах Степи Арин-Гази приобрел репутацию честного и справедливого человека и даже получил прозвище «тенум-хан», т.е. «хан-мировторец» (Аполлова 1960: 412–413; Мейер 1865: 36).

Однако, как представляется, Арин-Гази двигало не только стремление восстановить законность и правопорядок в Степи. Хотя он и считался ханом среди своих подданных в части казахского Младшего жуза, он не признавался в ханском достоинстве российскими властями, точно так же как не признавались в таковом его предки — прадед Батыр (1748–1771), дед Каип (1786–1791) и отец Абдул-Газииз (1794–1815): имперские власти отдавали предпочтение представителям другой ветви казахского ханского рода — в частности хану Ширгази (1812–1824), не пользовавшемуся авторитетом среди собственных подданных (Ерофеева 2003: 86)⁸.

⁷ И.А. Козлов даже приводит пример, что, когда одного казаха мулла призвал поклониться на Коране, тот подчинился, но после совершения процедуры схватил Коран и... начал им бить по голове самого муллу!

⁸ Особенности отношений Арин-Гази с российскими властями уже освещались нами ранее (Почекаев 2017: 154–168).

Поскольку Арин-Гази враждовал также и с Хивинским ханством⁹, то ожидать признания его прав на ханский трон (что они практиковали в отношении других казахских правителей) не приходилось. Оставалось лишь одно достаточно могущественное государство, признание которого имело вес в регионе, — Бухарский эмират. Правитель Бухары носил титул «амир ал-муминин», т.е. «повелитель правоверных», поэтому, чтобы снискать его поддержку, Арин-Гази и следовало всячески демонстрировать мусульманское благочестие — что он, собственно, и делал. В результате казахский правитель добился своей цели, получив ярлык о пожаловании ханского титула от эмира Хайдара (1800–1826) (История Казахстана 2013: 34–35). Правда, наслаждаться своим успехом ему пришлось недолго: в 1821 г. он был вызван в Санкт-Петербург якобы для того, чтобы вручить ему награду за сопровождение российского посольства в Бухару, но на самом деле — чтобы быть обвиненным в раздувании вражды с Хивинским ханством и противодействии российскому ставленнику хану Ширгазы. В 1822 г. Арин-Гази был сослан в Калугу, где и умер в 1833 г. (Мейер 1865: 39–40; Халфин 1974: 148–153).

Итак, как представляется, такие, казалось бы, частные случаи, как выбор источников права при принятии властных (в нашем исследовании — судебных) решений, могут в значительной степени отразить ту политическую позицию, которую занимал использовавший их правитель. Вместе с тем, конечно, нельзя не принимать во внимание, что такой выбор в немалой степени обуславливался и отсутствием четкой регламентации тех или иных сфер правоотношений, что вообще было характерно для восточных и, в частности, тюрко-монгольских государств.

Литература

- Абдураимов 1966 — *Абдураимов М.А.* Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. 1. Ташкент: Фан, 1966.
- Алексеев 2006 — *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
- Аполлова 1960 — *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Ахмедов 1985 — *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985.
- Болдырев 1985 — *Болдырев А.Н.* Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // *Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма*. М.: Наука, 1985. С. 47–63.
- Бухари 1957 — *Мир Мухаммед Амин-и Бухари*. Убайдалла-наме / Пер. А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957.
- Ерофеева 2003 — *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы: Print-S, 2003.

⁹ Причин для вражды Арин-Гази с Хивой было несколько: это и тот факт, что его дед и прадед в свое время занимали хивинский престол, что заставляло хивинских ханов не доверять их потомку, и то, что он деятельно противостоял попыткам Хивы распространить свою власть на казахов Младшего жуза. Дошло до того, что, когда в Степь прибыла миссия А. Негри, он распространил слух, будто это — русский военный отряд, который направлен ему на помощь для ведения войны с Хивой (Материалы 1940: 372–374; Мейер 1865: 38–39).

- История Казахстана 2013 — История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Т. Жанаев. Караганда: Экожан, 2013.
- Исфахани 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани*. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., предисл., примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М.: Наука, 1976.
- Козлов 1998 — *Козлов И.А.* Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву. Алматы: Жалын баспасы, 1998. С. 300–319.
- Кюгельген 2004 — *Кюгельген А. фон*. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
- Материалы 1940 — Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785–1828 гг.) / Отв. ред. В.И. Лебедев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Материалы 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969.
- Мейендорф 1975 — *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. с фр. Е.К. Бергера; ред. и вступит. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975.
- Мейер 1865 — *Мейер Л.* Киргизская степь оренбургского ведомства. СПб.: Типография Э. Веймара и Ф. Персона, 1865.
- Моисеев 2018 — *Моисеев М.В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. Т. 6. № 2. 2018. С. 283–303.
- Норик 2011 — *Норик Б.В.* Библиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI — первая треть XVII в.). М.: ИД Марджани, 2011.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.
- Стори 1972 — *Стори Ч.А.* Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. I. Кораническая литература. Всемирная история. История пророков и ранний ислам / Пер., перераб. и доп. Ю.Э. Брегеля. М.: Наука, 1972.
- Султанов 2005 — *Султанов Т.И.* Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
- Султанов 2017 — *Султанов Т.И.* Чингис-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017.
- Уваров 2013 — *Уваров П.Ю.* Университет — дочь двух отцов? История как аргумент в суде и средство социальной консолидации (Париж, 1586 г.) // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 183–226.
- Фукс 2008 — *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008.
- Халфин 1974 — *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.
- Bodrogligeti 1994 — *Bodrogligeti A.J.E.* Muḥammad Shaybānī Khan's Apology to the Muslim Clergy // Archivum Ottomanicum. Vol. 13. 1993/1994. P. 85–100.

References

- Abduraimov M.A. *Ocherk agrarnykh otnoshenii v Bukharskom khanstve v XVI — pervoi polovine XIX v.* [Essay on Agrarian Relations in the Khanate of Bukhara of 16th — First Half of 19th Century] T. 1. Tashkent: Fan, 1966 (in Russian).
- Akhmedov B.A. *Istoriko-geograficheskaia literatura Srednei Azii XVI–XVIII vv. (pis'mennye pamiatniki)* [Historical and Geographical Literature of the Central Asia of the 16th–18th Centuries. (Written Monuments)]. Tashkent: Fan, 1985 (in Russian).

- Alekseev A.K. *Politicheskaiia istoriia Tukai-Timuridov: po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniia "Bakhr al-asrar"* [The Political History of the Tuqay-Timurids: Based on the Persian Historical Work *Bahr al-Asrar*]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2006 (in Russian).
- Apollova N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie sviazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII — nachale XIX v.* [Economical and Political Relations of Kazakhstan and Russia in the 18th and Early 19th Centuries]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Press, 1960 (in Russian).
- Bodrogligeti A.J.E. "Muḥammad Shaybānī Khan's Apology to the Muslim Clergy". *Archivum Ottomanicum*, vol. 13, 1993/1994, pp. 85–100 (in English).
- Boldyrev A.N. "Eshche raz k voprosu o Khodzha Akhrare" [Once More on Hodja Ahrar]. In: *Dukhovenstvo i politicheskaiia zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* [Clergy and Political Life in the Middle East and Central Asia during the Period of Feudalism]. Moscow: Nauka, 1985, pp. 47–63 (in Russian).
- Erofeeva I.V. *Rodoslovnnye kazakhskikh khanov i kozha XVIII–XIX vv.* [Genealogies of Kazakh Khans and Hodjas of the 18th–19th Centuries]. Almaty: Print-S, 2003 (in Russian).
- Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-yi Bukhara ("Zapiski bukharskogo gostya")* [The Notes of a Bukharan Guest], transl. by R.P. Dzhililova, ed. by. A.K. Arends. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian).
- Fuks S.L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th — First Half of the 19th Centuries]. Astana: Iuridicheskaiia kniga, 2008 (in Russian).
- Khalfin N.A. *Rossiia i khanstva Srednei Azii (pervaia polovina XIX v.)* [Russia and the Khanates of Central Asia (First Half of the 19th Century)]. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Kozlov I.A. "Obychnoe pravo kirgizov" [The Customary Law of the Kyrgyz]. In: *Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu* [Materials on Kazakh Customary Law]. Almaty: Zhalyn baspasy, 1998, pp. 300–319 (in Russian).
- Kyugel'gen A. von. *Legitimatsiia sredneaziatskoi dinastii Mangitov v proizvedeniakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The Legitimization of the Central Asian Dynasty of Mangyts in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries)]. Almaty: Dayk-Press, 2004 (in Russian).
- Lebedev V.I. (ed.). *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR* [Materials on the History of the Kazakh SSR]. T. IV (1785–1828). Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1940 (in Russian).
- Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii)* [Materials on the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Works)], comp. by S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Alma-Ata: Nauka, 1969 (in Russian).
- Meyendorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu* [A Journey from Orenburg to Bukhara], transl. by E.K. Berger, ed. by N.A. Khalfin. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian).
- Meyer L. *Kirgizskaiia step' orenburgskogo vedomstva* [Kyrgyz Steppe of Orenburg Subordination]. St. Petersburg: E. Veymar i F. Person's Printing Press, 1865 (in Russian).
- Mir Mukhammed Amin-i Bukhari. *Ubaydalla-name* [The Book of Ubaidullah], transl. by A.A. Semenov. Tashkent: Academy of Sciences of Uzbek SSR Press, 1957 (in Russian).
- Moiseev M.V. "Istoricheskie primery v poslaniiakh Ivana IV v Krymskoe khanstvo i Nogaiskuiu Ordu" [Historical Examples in Ivan IV's Letters of to the Crimean Khanate and Nogay Horde]. *The Golden Horde Review*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303 (in Russian).
- Norik B.V. *Biobibliograficheskii slovar' sredneaziatskoi poezii (XVI — pervaia tret' XVII v.)* [A BioBibliographical Dictionary of Central Asian Poetry (the 16th — First Third of the 17th Centuries)]. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2011 (in Russian).
- Pochekaev R. Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostniy faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v.* [Governors and Khans. The Personal Factor in the Russian Law-Making in Central Asia: The 18th to the Early 20th Century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017 (in Russian).

- Stori Ch.A. *Persidskaya literatura. Biobibliograficheskiy obzor. Ch. I. Koranicheskaia literatura. Vsemirnaia istoriia. Istoriia prorokov i rannii islam* [Persian Literature: A Bio-Bibliographical Essay. Pt. 1: Koranic Literature. The World History. History of Prophets and Early Islam], transl. and suppl. by Yu.E. Bregel'. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian).
- Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khana and the Chinggisids. Their Fate and Power]. St. Petersburg: Eurasia Publishing, 2017 (in Russian).
- Sultanov T.I. *Zertsalo minuvshikh stoletiy. Istoricheskaya kniga v kul'ture Sredney Azii XV–XIX vv.* [The Mirror of the Past Centuries: Historical Book in the Culture of Central Asia of the 15th–19th Centuries]. St. Petersburg.: The Faculty of Philology of the St. Petersburg State University, 2005 (in Russian).
- Uvarov P.Yu. “Universitet — doch' dvukh ottsov? Istoriia kak argument v sude i sredstvo sotsial'noi konsolidatsii (Parizh, 1586 g.)” [University — a Daughter of Two Fathers? History as an Argument at Court and an Instrument of Social Consolidation (Paris, 1586)]. In: *Liudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [People and Texts: A Historical Almanac]. Issue 3. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 183–226 (in Russian).
- Zhanaev B.T. (ed.). *Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh* [The History of Kazakhstan in Documents and Materials: An Almanac]. Issue 3. Karaganda: Ekozhan, 2013 (in Russian).

Untypical Sources for Court Decisions by the Rulers of Central Asian States in the 16th–19th Centuries

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 62–73)
Received 19.10.2020.

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics, ul. Promyshlennaia 17, St. Petersburg, 198099 Russian Federation.

The article analyzes specific cases of making court decisions by the rulers Central Asian states on the basis of sources which were either unrelated to the basic legal system of their state or were not sources of law. The author characterizes cases from the Bukhara Khanate of the 16th and 17th centuries and from the Kazakh Steppe of the first half of the 19th century. He finds that rulers used such sources of their court decisions to demonstrate their political position for their own subjects or rulers of neighboring states.

Key words: Turkic-Mongol states, sources of law, court and procedure, traditional law, Islamic law.

About the author:

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (rpochekaev@hse.ru).

Who Was Collecting Hebrew Books in the Capital of Russian Empire and Why

С.М. Якерсон

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63141

К началу XX в. в столице Российской империи сформировалось уникальное собрание еврейских рукописей (более 20 000 единиц хранения) и первопечатных книг. Эти рукописи и книги оказались в С.-Петербурге в составе нескольких частных коллекций, таких как коллекция протестантского библииста и палеографа Константина фон Тишендорфа, караимского духовного лидера Авраама Фирковича, архимандрита Антонина, баронов Гинцбургов, купца Первой гильдии Моше Арье Лейба Фридланда и профессора-востоковеда Даниила Хвольсона. Истории формирования этих коллекций и мотивам собирательской деятельности их владельцев посвящена данная статья.

Ключевые слова: еврейские рукописи, еврейские инкунабулы, Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Институт восточных рукописей РАН, Константин фон Тишендорф, Авраам Фиркович, архимандрит Антонин, Давид Гинцбург, Даниил Хвольсон, Моше Фридланд.

Статья поступила в редакцию 18.10.2020.

Якерсон Семен Мордухович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186 г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (shiakerson@yandex.ru).

© Якерсон С.М., 2020

Up to the February Revolution of 1917, St. Petersburg — the capital of Russian Empire — was virtually inaccessible to the Jewish population. Nevertheless, it was St. Petersburg, of all places, that in the late 19th — early 20th centuries turned into the most important international center of accumulating medieval Hebrew manuscripts and incunabula. It is here, in this city, that the vast majority of the most ancient dated Hebrew manuscripts of the 10th–11th centuries have ended up, along with thousands of manuscripts of the late Middle Ages and the early modern period, and unique collections of Hebrew incunabula.

It is hard to overrate the significance of the St. Petersburg collection of Hebrew manuscripts for contemporary scholarship. To illustrate the point, let me cite the figures related to just one academic discipline — Hebrew codicology. Here we have the earliest dated Hebrew manuscript (the so-called *Codex Babylonicus Former Prophets*, with Babylonian vocalization. Sine loco 916 C.E.); the earliest dated manuscripts from Palestine (988/9 C.E.), from the regions of Syria and Lebanon (1091 C.E.), Egypt (1008–13 C.E.), Yemen (1144 C.E.), Spain (1119 C.E.), Tunisia (941–1039? C.E.), Byzantium (1027 C.E.) and others; the earliest dated paper manuscript (1006 C.E.), the earliest dated paper manuscripts from Spain (1119 C.E.), Italy (1276/7–1284/5 C.E.) and North Africa (1124/6 C.E.); the earliest dated manuscript copied by several scribes; the earliest dated manuscript of the Pentateuch (929 C.E.) and the complete Bible (*Codex Petropolitanus*, Fustat, 1008–13 C.E.); the earliest manuscript made for public use (1363 C.E.), the earliest dated manuscript with numbered quires and custods; the earliest Eastern manuscript copied by scribes from the Maghreb states, Spain etc.¹ Perhaps, one of the best illustrations of academic importance of the Russian collections is the collection of the Russian National Library (RNL) and, particularly, the first volume of the Master Catalogue of Dated Hebrew Manuscripts (Codices), published in 1997. The volume contains a detailed paleographic description of manuscripts copied before 1020: all five of the preserved dated codices and six out of ten manuscript fragments belong to the RNL collection in St. Petersburg.

All these treasures of the Jewish culture were created outside the Russian borders — more precisely, in the Middle East and Western Europe — and could not have been viewed as items directly related to the history of the Russian Jewry were it not for the fact that all of them, due to various historical circumstances and thanks to particular collectors, made it to the shelves of St. Petersburg libraries. The article attempts to analyze the motivation behind the collectors' efforts as it could be traced based on the chronological development of specific collections. Since the current format would not allow us to list the names of all collectors, let us highlight those whose contributions proved to be the most crucial for what we now know as St. Petersburg collections of Hebrew books.

The first collector on my list is a prominent Protestant paleographer and Biblical scholar Konstantin von Tischendorf. His collection arrived at the “Manuscript Depot” of the Imperial Public Library (now RNL) in St. Petersburg in 1858–1859 and contained 59 manuscripts.

Konstantin von Tischendorf (1815–1874) — a theologian, Biblical scholar, paleographer and expert in classical languages — has never lived in Russia, yet he belonged to that remarkable array of the Germans who played a vital part in the development of Russian culture and sciences in the second half of the 19th century. In 1869, Tischendorf was granted hereditary Russian nobility. It is possible to conclude that his major scholarly ambition was to prepare a critical edition of the Greek Bible (particularly, the New Testament) based on ancient manuscripts that had yet to be uncovered over the course of the project.

In view of that goal, Tischendorf launched three expeditions to the Middle East in 1843–44, 1853 and 1859. His third expedition had to do with Russia directly: it was funded by Emperor Alexander II and conducted under his patronage. The expedition resulted in uncovering the oldest codex of the Greek Bible — the so-called *Codex Sinaiticus*, tentatively dated to the mid-4th century C.E. — at the Saint-Catherine Monastery on the Sinai Peninsula.

¹ On the significance of the Russian collections of Hebrew manuscripts for codicology, see: Beit-Arié 1991; Idem 1998.

With Konstantin von Tischendorf as an intermediary, the manuscript was presented to Emperor Alexander II as a gift from the Sinai Monastery. This event has ignited public interest to all matters Biblical and particularly to searches and acquisitions of Biblical rarities. From 1869 to 1933, the Sinai Codex was housed at the RNL. In 1933, the Soviet Government sold it to the British Museum in London. Today it is stored at the British Library. During his Middle East expeditions, Tischendorf has been collecting various materials, and among his findings there were the 59 Hebrew manuscripts mentioned above.

What moved Tischendorf to become a collector? First and foremost, he was undoubtedly driven by his professional interest as a paleographer and Biblical scholar. To be sure, Hebrew manuscripts were not his major focus, but they fitted nicely into his general collecting agenda: the Bible, the Middle East and the materials required for a critical edition of the Biblical text.

It is necessary to note that the Library's acquisition of the Tischendorf collection, and specifically of the Sinai Codex, had influenced the Emperor's decision to purchase yet another collection of Hebrew manuscripts, the one that subsequently made the Library a world-famous and the most esteemed storage of ancient Hebrew manuscripts. The collection in question has been amassed by the next protagonist of this story, an outstanding Karaite *gakhm* (sage) Avraam Firkovich.

Today we have a considerable number of works about Avraam Firkovich, and his name is familiar to every student of Medieval Studies (see, e.g., Vikhnovich 2012, Iakerson 2008: 20–43). He was born in 1787 in the town of Lutzk, Volhynia (today's Ukraine) and died in 1874 in Chufut-Kale, Crimea. It would not be wrong to say that Firkovich was the most controversial figure in the history of Hebrew manuscript collections. Yet, it is to him that we owe the largest private collection of Hebrew manuscripts with the highest percentage of rarities.

Avraam Firkovich was definitely born with a “collector's gene”: according to his own words, he started collecting manuscripts at a fairly early age. Be that as it may, what we are certain about is that, by 1820, when he and his family were moving from Lutzk, Volhynia, to Crimea, his luggage already included some boxes with manuscripts. We also know that he was purchasing manuscripts while making a pilgrimage to the Holy Land in 1830–31 and staying in Constantinople in 1831–32.

Speaking of his remarkable set that is today known among scholars as the First Firkovich Collection we, however, have to emphasize that his reason for building this collection was purely ideological, sprung from the historical realities of the Russian Empire. Thus, it is impossible to tell the story of his collections without giving a brief overview of the “historical landscape” of his time.

The reign of Catherine the Great was marked by a substantial territorial expansion. As a consequence, the Jews residing in the newly acquired lands became subjects of the Russian Empire. Three partitions of Poland (in 1772, 1793 and 1795) and the annexation of Crimea in 1783 turned the Russian Empire, a state that Jews were not allowed to enter, into a country with the largest Jewish population in the world.

Part of this unexpectedly acquired Jewish civilization was a small group of Karaite Jews with communities in Crimea (Solkhat, Chufut-Kale, Mangup, Kezlev, Kaffa, Yevpatoria), Lithuania (Troki, Vilna), Galicia (Galich) and Volhynia (Lutzk). Having become Russian subjects, the Karaites attempted to disassociate themselves from the majority of Rabbinical Jews (also known as the Rabbinites) and applied for a legal status that would keep them out of reach of anti-Jewish laws. The Karaite community was moving along towards that goal

rather well: as early as in 1795, Catherine the Great exempted Karaites from the discriminatory double tax imposed on the Jewish population and granted them the right to purchase land; and in 1827, her grandson, Nicholas I, released them from the worst nightmare of the Jewish communities in Russia — mandatory military service.

The legislative machine in Russia was slow, but eventually the time has come when the status of the “Biblical nation” had to be defined: on January 31st, 1839, the Karaite Ecclesiastical Administration in Yevpatoria received a formal inquiry from the Odessa Society for History and Antiquities on the genealogy of the Karaites. The inquiry was a serious matter, since the future of the Crimean Karaites literally depended on their answers. Would they enjoy all the civic rights of the native population of the vast Russian Empire, or would they be turned into pariahs and outcasts, just like their “Rabbinite brothers”? The inquiry contained six questions that came to be known as “The Six Questions to Karaites”:²

- (1) What nation do the Karaites belong to and where do they come from?
- (2) When did they arrive in Crimea and why?
- (3) What are their distinctive qualities and characteristics, and what are their occupations?
- (4) Have they had among them (and do they have now) famous men who glorified their names in history with their outstanding good deeds?
- (5) **Do they have at their disposal books of historical narratives and truthful documents inherited from their forefathers that could prove the antiquity of their religion and faith?**
- (6) When and why have they separated from the Rabbinite Jews, and what are the differences between them in the matters of faith?

At that point, the Karaites had no answers to these questions, and it was none other than Firkovich who took it upon himself to locate the wanted data in the aforementioned old books “of historical narratives and truthful documents.” Over the period from January 1839 to February 1840, he visited the North Caucasus and emptied all Genizahs³ in Crimea. Striving to get the much-needed proofs, he would change the dates and forge names and other details in the manuscripts he had found. This story, however, is widely known, so we will not dwell on it here (See, e.g., Harkavy and Strack 1875; Shapira 2004; Iakerson 2008: 31–36). In 1862, the Firkovich collection was purchased by Alexander II for the Imperial Public Library.

Firkovich’s findings helped “reconstruct” the history of Karaites as an ancient Biblical nation that had resided in Crimean lands from times immemorial and had nothing to do either with the sad end of the Son of God’s earthly life or with the subsequent distortion of the Biblical laws by the Talmudic rules. Based on these arguments, all legal restrictions for the Karaites were lifted and in 1863 they received equal civic rights with the native population of Russia.

In 1899, the Imperial Public Library received a book collection of the Chief of the Russian Ecclesiastical Mission in the Holy Land, Archimandrite Antonin (Andrey Ivanovich Kapustin, 1817–1894), according to his will. A Renaissance man — a theologian, an astronomer, a Byzantologist, a numismatist and archeologist, a poet and an artist — Archimandrite Antonin has strengthened the Jerusalem Mission and significantly increased its land

² Transl. from Hebrew. For Hebrew see: Firkovich 1872: 8.

³ Genizah (Heb. “concealment”, “archive”) — 1. Storage for unusable Jewish books and documents containing the name of God or his attributes; 2. Storage for any materials written in Hebrew characters. Uncovering of Genizahs played an invaluable part in promoting modern Jewish Studies.

property. His book collection reflected his theological interests and contained materials in both European and Oriental languages. One of the sections of Antonin's library was a collection of fragments of Hebrew manuscripts.

He had been building his library over decades, but the Hebrew part was, most probably, of a different nature. His Hebrew collection includes 1178 fragments whose content, chronology and physical state strongly resemble those uncovered in the Cairo Genizah⁴ and clearly have a similar origin. Sadly, we do not know the exact circumstances of Antonin's acquisition of this collection. However, judging from its composition and the overall quality of its materials, it is reasonable to assume that Archimandrite purchased the whole corpus of these Middle Eastern manuscripts in one bulk, while being in Palestine.

What was it that motivated Antonin to collect Hebrew manuscripts? Perhaps we should seek the answer in the general policies of the Czarist government in the East and, particularly, in the Holy Land. As early as in 1844, the first Director of the Asiatic Museum, Academician Christian Danilovich Frähn, successfully lobbied an official directive (in force up to the First World War) requiring that Russian Consuls stationed in the East build manuscript collections. It stands to reason, however, that this governmental initiative concerned not only Russian diplomatic missions abroad, but also Ecclesiastical ones, especially in the areas where official diplomatic presence of the Russian Empire was lacking or "weak", as was the case in Palestine. If so, Antonin would have had a legitimate pretext to conduct his collecting projects, and even if not, the political initiative of the state must have encouraged and inspired him as a collector.

In the second half of the 19th century, a permanent Jewish community began gradually developing in the capital of the Empire. Initially, it consisted of the so-called "Nicholas's soldiers" — the Jews who completed the whole term serving in the military and thus acquired the right to reside outside of the Pale of Settlement. During the reign of Alexander II, the capital community was not only growing in numbers, but was also changing its composition: in the last third of the century, there was already a substantial stratum of well-educated and financially independent Jews⁵ among whom we see connoisseurs of Jewish culture, Hebrew scholars and Judaica collectors. Below is a brief discussion of the most notable representatives of the latter.

1. Barons Günzburg of Hesse-Darmstadt. The Günzburgs played an exceptional role in the history of the Russian Jewry from the mid-19th century to the beginning of the 20th. Three generations of the Günzburgs took part in developing their famous family library: Osip (Joseph) Gavrilovich (1812–1878), his second son Goratsiy (Horace) Osipovich (1833–1909) and his grandson David Goratsievich (1857–1910). Initially, their library was located in Kamianets-Podilskyi (in today's Ukraine), then — starting from the 1850s — the headquarters of the collecting project moved to Paris, where Goratsiy Günzburg resided most of his life. Since 1856, Shneur Sachs (1816–1892), a skilled bibliographer and an expert in medieval Jewish philosophy, was in charge of the project. He recruited many important booksellers to run searches for Hebrew manuscripts and rare incunabula. Thanks to Sachs's efforts and almost unlimited financial resources of the Günzburgs, the collection has rapidly turned into one of the most sizable, or possibly *the* most sizable, private collection in Europe. Sachs has prepared a hand-written catalogue of a part of the Günzburg col-

⁴ The Cairo Genizah is the most well-known one. It was uncovered in the late 19th century, in "Ben-Ezra" synagogue in Old Cairo (Al-Fustat). It contained over 200 thousand manuscripts (mainly fragments), most of them from 11th–14th centuries.

⁵ For more on the Jewish community of St. Petersburg, see: Gessen 2005.

lection — *Bet Yosef* (Hebrew בית יוסף; The House of Joseph), with a brief description of 830 manuscripts. Yet, the chief creator of the collection was undoubtedly David Günzburg. The only member of the family to have received an academic training, he became a specialist in Oriental Studies and Semitic Studies. He studied in St. Petersburg, Paris and Greifswald, researched Judeo-Arabic literature, published great works of medieval Hebrew literature, in particular, decorated books (Günzburg, Stasoff 1905), promoted scholarly Jewish activities, etc. In the 1880s, he initiated the transfer of his family library to St. Petersburg and since then it became the largest private collection of Hebrew manuscripts in the Russian Empire. Baron David Günzburg passed away unexpectedly in 1910. By then, the library contained approximately 2056 Hebrew manuscripts, about 1000 Arabic manuscripts, 8000 printed books in Hebrew and about 3000 printed books in European languages. During the Russian Civil War, the Günzburg collection — after some adventures on the way — was finally delivered to the Rumyantsev's Museum in Moscow (now RNL), where it is kept to this very day.⁶ Many of these books still carry the ex-libris of the collection: the coat of arms of the Günzburg family and their motto — a verse from the Song of Songs (4:7): *Kulakh yaḡa ra'yati u-mum 'ein bakh* (Hebrew כָּלֶךְ יָפֵה רָעִיתִי וּמוֹם אֵין בְּךָ; Thou art all fair, my love; there is no spot in thee).⁷

2. Honorary citizen, the First Guild merchant Moses Aryeh Leib (Lev Faivelevich) Friedland (1826–1899). Friedland has amassed a unique collection of printed Hebrew books of the 15th–18th centuries and a very important collection of manuscripts. In 1892, he presented his collection to the Asian Museum of the Imperial Academy of Sciences (today the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). His decision was perceived as highly controversial by the Jewish public and caused passionate debates in the Jewish media. Friedland, however, had his reasons which he explained in detail in his letter to Rabbi David Friedman (written on February 22, 1892).⁸ His concerns could be summarized as follows:

(a) Alas, Jewish organizations are not ready to accept my library. Jews have no respect for books nowadays. All my attempts to present small collections to various communities have failed. The books would just stay unpacked for years.

(b) No community is prepared to accept my library in full. Some were willing to take only Rabbinite literature but wanted none of the Karaite corpus, or of the books published by the proponents of the Haskalah (Jewish Enlightenment), and vice versa.

(c) My family has paid a high price for the right to live outside the Pale of Settlement. My children received European education and lost their interest in Jewish books and Jewish culture altogether. My grandchildren have no knowledge of the Hebrew tongue whatsoever.

(d) It is my wish that the collection be preserved as a whole, as a single, indivisible holding and that its printed catalogue be published. Today, only the Asian Museum has sufficient resources to fulfill my wish.

(e) I am looking into the future and do believe that the shameful limitations prescribing my people to reside exclusively within the Pale of Settlement will be lifted and the Jews will be able to settle in St. Petersburg as free and full-fledged citizens. Then they will get a chance to enjoy my collection in full.

⁶ For more on the Günzburg collection, see: Lisitsina 2010.

⁷ The ex-libris can also be found in Vereshchagin's albums (Vereshchagin 1902: pic. 41) and Ivask's albums (Ivask 1905: 105–106, pic. 105).

⁸ For the complete text of the letter in Russian, see: Iakerson 2008: 53–55.

Before Friedland gave his collection over to the Asiatic Museum in the end of the 19th century and the Günzburg collection headed to Moscow in the beginning of the 20th century, they had been part of St. Petersburg's Jewish cultural landscape for decades. Even though they were kept in their owners' private houses, scholars and researchers could come and work with them.

Here is what an outstanding Jewish historian Semyon Dubnov writes in his *Book of Life: "I've been spending a lot of time working in the rich book-storage of the merchant L. Friedland on the Vasilyevsky Island"*,⁹ "Back in the day I am talking about, the library was still kept in Friedland's apartment" (Dubnov 2004: 159); and another excerpt: "I remember those two sunny days in late February that (I spent) in the luxurious office of Günzburg's house on Konnogvardeysky Boulevard."¹⁰ I was feverishly copying the precious catalogue entries [...] The materials I found in St. Petersburg opened up new paths for my research..." (Dubnov 2004: 159).

Friedland's reasons for collecting Hebrew books and manuscripts were also explained by Dubnov in the aforementioned book: "...it was he [viz. the bibliographer Samuel Wiener] who persuaded one rich St. Petersburg merchant, who was comfortless after the passing of his wife, to erect for her a monument in the shape of a book-storage that would host all Hebrew books ever printed as well as Hebrew manuscripts. Via Wiener, the widower had been purchasing whole libraries and manuscript collections and then, also following Wiener's suggestion, bequeathed them all to the Russian Academy of Sciences, to be placed in its Oriental Department, that is the Asiatic Museum, under the condition that Wiener is assigned to the position of librarian. This position allowed the provincial bibliographer to obtain the right to settle in St. Petersburg for the duration of his work on a detailed catalogue of the *Biblioteca Friedlandiana*, then newly-arrived at the Academy. Wiener stretched his term: his work on the 'Kohelth Moshe' Catalogue¹¹ lasted thirty years (over the course of which less than half of it was published in installments). Meanwhile, Wiener's temporary residence permission turned into a permanent one. So, in a way, it is because of the Pale of Settlement that the monumental Catalogue of Hebrew letters of all times has never been brought to completion..." (Dubnov 2004: 158–59).

Dubnov's account is widely considered to be accurate. I claim, however, that it is highly unlikely that this narrative reflects the true course of events. Lev Friedland's wife, Keyla, passed away in 1888. The collection had doubtless been started long before that, so probably the best we can do is believe the reason cited by the collector himself. Initially, he was driven by his genealogy research: the Friedland family was not only well-off, but also well-bred, tracing its line back to the so called Ruzhan martyrs.¹² Samuel Wiener did not have any reasons to deliberately slow down the cataloguing project, since in 1899, upon the petition of the Academy, Emperor Nicholas II actually granted him honorary citizenship — a status that presupposed the right to reside in the capital city. Be that as it may, as far as the collection proper is concerned, it was a library rather typical for a very rich Jew with an interest in books.

⁹ Friedland lived in his own house on Vasilyevsky Island, 3rd Lane, 48 (Dubnov 2004: 158).

¹⁰ Baron David Günzburg lived in his own house on Konnogvardeysky Boulevard, 17.

¹¹ The Catalogue in question is the famous catalogue of Friedland's collection (Wiener 1893–1918).

¹² In 1657, on the eve of Passover, a corpse of a Christian boy was found in the Jewish neighborhood of Ruzhany (Belarus). The Jews were accused of ritual murder and the community leaders — Israel ben Shalov and Toviaha ben Joseph — were executed. Friedland's genealogy research was published by I.T. Eisenstadt in 1897–1898 (Eisenstadt 1897).

The Günzburg collection was far more complex in its composition, being impacted by the professional interests of David Günzburg in the field of Oriental Studies. Thus, the collection contained both books in Jewish languages and European books on Jewish Studies and Semitic Studies. In other words, we can describe the Günzburg library as a classic library of educated European Jews.

Professor Daniel Abramovich Chwolson (1819–1911) is yet another type of a Jewish collector, and his case is a peculiar one. Born into a poor Jewish family in Vilna, Chwolson received a traditional Jewish upbringing. Much later in life, he becomes fascinated with the ideas of the Jewish Enlightenment (the Haskalah) and embarks on his journey abroad, “in search of knowledge”. He studies in Breslau (now Wrocław), defends his dissertation in Leipzig and in early 1850s returns to Russia. With his European education in Semitic Studies, he could have expected a brilliant academic career, if it were not for one obstacle — his Jewish faith. He decides to convert to Christianity. Upon conversion, Chwolson becomes the Chair in Hebrew, Syrian and Chaldean Philology with the Oriental Department of the Saint-Petersburg University and teaches Semitic languages in a number of other educational institutions. The rest of his years Daniel Chwolson spends as an active and prolific scholar and — which is quite unusual for a baptized Jew, as an active and positive participant in the life of the Jewish community of St. Petersburg and Russian Jewry in general. Chwolson’s case is truly beyond the ordinary: on the one hand, we do not have any other Jewish scholars (specifically in the field of Judaica) of such magnitude who would opt for such a serious moral compromise; on the other hand, we do not know any other examples when a renegade Jew would continue being such a passionate defender of the desecrated faith and its loyal adepts. He writes for the Jewish press on the problems of Jewish education and publishes scholarly works exposing common anti-Semitic myths.¹³ Among Chwolson’s academic interests were Jewish paleography and the history of Hebrew print. In 1897, he published a catalogue of the Jewish segment of his library (Chwolson, 1897) that contained descriptions of 20 manuscripts and 2208 books (including 33 incunabula!). It is worth noting that his is a unique case: no other Jewish collector has compiled a catalogue of his own library. Chwolson’s catalogue testifies to his profound expertise in bibliography. His library was purchased by the Asian Museum in 1910, not long before the collector’s death. The collection of Daniel Chwolson is undoubtedly one of a professional Semiticist. Yet, one cannot help feeling that the Jewish segment of his library was there not for mere academic purposes: Chwolson seems to have been driven by a certain “collecting gene” and his efforts were colored by a certain national “sentiment”.

To sum up our analysis of the motivations for collecting Hebrew books in the capital of Russian Empire, we see a whole range of various reasons: scholarly or state interests, political or religious ambitions, collecting for its own sake, etc. The social composition of the collectors whose libraries are now special pride of the Russian book holdings, is no less remarkable: a Protestant Biblical scholar, a Karaite public activist, an Orthodox Christian Archimandrite, a Jewish baron, a First Guild Merchant, a renegade Jew. It is thanks to them all that today the libraries of St. Petersburg and Moscow have approximately 24 thousand Hebrew manuscripts, 86 Hebrew incunabula, copies of almost every known Hebrew paleotype, and virtually innumerable Hebrew books published from the second half of the 16th century to the second half of the 19th century.

¹³ See, e.g., Chwolson’s renowned book *On Some Medieval Accusations against the Jews* (Chwolson 2010).

References

- Beit-Arié, Malachi. "Hebrew Manuscript collections in Leningrad and their importance to the History of the Hebrew Book". *Jewish Studies. Forum of the World Union of Jewish Studies*. 31, 1991, pp. 33–46 (in English).
- Beit-Arié, Malachi. "The Accessibility of the Russian Manuscript Collections: New Perspectives for Jewish Studies". *Jewish Studies in a New Europe: Proceeding of the Fifth Congress of Jewish Studies in Copenhagen 1994*. Copenhagen, 1998, pp. 82–98 (in English).
- Chwolson, Daniel. *Chwolson Catalog der Hebräischen Bücher...* Wilna, 1897 (in Hebrew).
- Chwolson, Daniel. *Chwolson, O nekotorykh srednevernykh obvineniakh protiv ievreev* [On Some Medieval Accusations against the Jews]. Moscow, 2010 (in Russian).
- Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes. Tome I. Jusqu'à 1020*. Malachi Beit-Arié, Colette Sirat, Mordechai Glazer avec la collaboration de Tamar Leiter, Shimon Iakerson, Michele Dukan, Edna Engel, Monique Zerdoun Bat-Yehouda. Brepols (Monumenta Palaeographica Medii Aevi... Series Hebraica), 1997 (multilingual).
- Dubnov, Semen. *Kniga zhizni. Materialy dlia istorii moiego vremeni. Vospominaniia i razmyshleniia* [The book of life. Materials for the history of my time. Memories and Reflections]. Moscow, 2004 (in Russian).
- Firkovich, Abraham. *Sefer Avne-Zikkaron. Sbornik nadgrobnykh ievreiskikh nadpisei na Krymskom poluostrrove* [Memorial stones. Collection of gravestone Jewish inscriptions on the Crimean peninsula]. Wilna, 1872 (in Russian).
- Gerd, Lora. "Archimandrit Antonin Kapustin i iego nauchnaia deiatelnost'. Po materialam peterburgskikh arkhivov" [Archimandrite Antonin Kapustin and his academic activity. Based on materials from St. Petersburg archives]. In: *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arkhivach Sankt-Peterburga* [Manuscript heritage of Russian Byzantinists in the archives of St. Petersburg]. St. Petersburg, 1999, pp. 8–35 (in Russian).
- Gessen, Vladimir. *K istorii ievreev: 300 let v Sankt-Peterburge* [Towards the history of the Jews: 300 years in St. Petersburg]. St. Petersburg, 2005 (in Russian).
- Günzburg, David and Stassof, Vladimir. *L'Ornement Hébraïque*. Berlin, 1905 (in French).
- Harkavy, Abraham and Strack, Hermann Leberecht. *Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Erster und Zweiter Theil*. St. Petersburg, Leipzig, 1875 (in German).
- Iakerson, Semen. *Ievreiskie sokrovishcha Peterburga. Svitki, kodeksy, dokumenty* [Jewish Treasures of Petersburg. Scrolls, codices, documents]. St. Petersburg, 2008 (in Russian).
- Ivask, Udo. *Opisanie russkikh knizhnikh znakov. Ex-libris* [Description of Russian book marks. Ex-libris]. Moscow, 1905 (in Russian).
- Katsh, Abraham. "The Antonin Genizah in the Saltykov-Schedrin Public Library in Leningrad". In: *The Leo Jung Jubilee Volume. Essays in his honor on the occasion of his seventieth birthday*. Ed. by Menahem M. Kasher. New York, 1962, pp. 115–131 (in English).
- Katsh, Abraham. "The Friedliana Library in the Leningrad Institute of Asiatic People". *Perakim (Organ of the American Hebrew Academy)*, vol. III (1963), pp. 1–23 (in Hebrew).
- Lisitsina, Alina. "Rukopisi iz kollektzii Gintsburgov v Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteke" [Manuscripts from the Günzburg collection in the Russian State Library]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], no. 3, 2010, pp. 38–44 (in Russian).
- Lisovoi, Nikolai. "Archimandrit Antonin Kapustin — issledovatel' sinaiskikh rukopisei (po stranitsam dnevnika)" [Archimandrite Antonin Kapustin — researcher of the Sinai manuscripts (Through the pages of the diary)]. In: *Tserkov' v istorii Rossii* [The Church in the history of Russia]. Collection 4. Moscow, 2000, pp. 197–207 (in Russian).
- Vereshchagin, Vasili. *Russkii knizhnyi znak* [Russian book mark]. St. Petersburg, 1902 (in Russian).
- Vikhnovich, Vsevolod. *Karaim Avraam Firkovich. Ievreiskie rukopisi. Istorii. Puteshestviia*. [The Karaite Abraham Firkovich. Jewish Manuscripts. History. Journeys]. St. Petersburg, 2012 (in Russian).

Wiener, Samuel. *Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus Librorum Impressorum Hebraeorum in Museo Asiatico Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae asservatorum*. Fasc. I–VI. Petropoli, 1893–1918 (in Russian).

Who Was Collecting Hebrew Books in the Capital of Russian Empire and Why

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 74–83)
Received 18.10.2020.

Shimon M. Iakerson

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

By the beginning of the 20th century, a unique collection of Hebrew manuscripts (more than 20,000 units) and first printed books was formed in the capital of the Russian Empire. These books ended up in St. Petersburg as part of several private collections, such as the collection of a Protestant paleographer and Biblical scholar Konstantin von Tischendorf, of the Karaite leader Avraam Firkovich, of the Archimandrite Antonin Kapustin, of the Barons Günzburg, of a First Guild merchant Moses Aryeh Leib Friedland and of an Orientalist Professor Daniel Chwolson. The history of these collections and the motives for the collecting activity of their owners are the subject of this article.

Key words: Hebrew manuscripts, Hebrew incunabula, Russian National Library, Russian State Library, Institute of Oriental Manuscripts, RAS, Konstantin von Tischendorf, Avraam Firkovich, Archimandrite Antonin, David Günzburg, Daniel Chwolson, Moses Friedland.

About the author:

Shimon M. Iakerson, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (shiakerson@yandex.ru).

Четырнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга

(Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2020 г.)

Т.В. Ермакова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63156

Ключевые слова: буддизм, О.О. Розенберг, письменные памятники Востока, история востоковедения.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

Ермакова Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (taersu@yandex.ru).

© Ермакова Т.В., 2021

Учрежденные Институтом восточных рукописей РАН (ИВР РАН) Четырнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга проходили в Санкт-Петербурге 16–17 ноября 2020 г. В ходе четырех заседаний было заслушано и обсуждено 28 докладов, представленных сотрудниками ИВР РАН, МАЭ (Кунсткамера) РАН, учеными из Москвы, Екатеринбурга. Заседания проходили с соблюдением стандарта безопасной деятельности учреждения, также участники могли выступить в онлайн-формате.

Открытие Чтений провела директор ИВР РАН, член-корреспондент РАН И.Ф. Попова. Она сделала презентацию обзора истории буддологических исследований в Азиатском Музее — ИВР РАН и этапов развития Санкт-Петербургской буддологической школы.

Я.В. Васильков (д.ф.н., гл.н.с. Отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН) представил доклад «Об отражениях одного индийского мифа в европейских литературах Нового времени». На материале Махабхараты в докладе был воспроизведен миф о пещере, в которой располагается колесо времени с 360 спицами (отражение календарных представлений). Устойчивая связь образа пещеры с круговоротом времени, как показало исследование Я.В. Василькова, характерна для фольклора Передней Азии и Кавказа. Эта филиация подпитывала образность произведений немецких романтиков и христианских мыслителей.

М.Ф. Альбедиль (д.и.н., в.н.с. Отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН) выступила с докладом «Индуизм: женские образы с орнитоморфными чертами». На обширном иконографическом материале, в том числе из полевых наблюдений докладчицы, было продемонстрировано отражение женской природы в орнитоморфных образах демиурга. Богиня-птица, подчеркнула М.Ф. Альбедиль, это кросскультурный архетип, ассоциированный с плодородием, жизнью и смертью. В то же время пернатость как таковая связывает орнитоморфные божества с мировой вертикалью, верхом, небом, что определило их соответствующие функции в культуре.

Е.П. Островская (д.филос.н., гл.н.с. ИВР РАН) посвятила свой доклад «Учение кашмирских вайбхашиков о состояниях аффективной одержимости» проблеме этики в буддизме. Была представлена классификация состояний одержимости, как они трактовались в буддийском учении о сознании: это не болезнь, но проявление распушенности либо результат прошлой деятельности, неудовлетворительной в моральном плане. Одержимость как проявленный аффект дискутировалась вайбхашиками: она будет воспроизводиться до тех пор, пока человек сознательно не избавится от аффекта. Е.П. Островская подчеркнула историко-культурную уникальность буддийской этики — укорененность в учении о составе человека и сотериологическая направленность.

Доклад Т.А. Пан (к.и.н., в.н.с. ИВР РАН) «Два портрета выдающихся военачальников из коллекции МАЭ» был посвящен парадным портретам Куйлиня и Ма Бяо, участников военных походов маньчжурской армии против Цзиньчуани (1747–1749). Оба портрета были созданы в 1769 г. для Зала Пурпурной славы Цзыгуангэ в Запретном городе. В докладе разбирались маньчжурские и китайские стихи-посвящения, написанные императором Цяньлуном, а также художественные характеристики изображений военачальников. Портреты, по результатам исследования Т.А. Пан, попали в Россию через русских солдат, бывших в Пекине в 1900 г., и являются пока единственными известными портретами, привезенными непосредственно из Китая.

Д.В. Иванов (к.и.н., ст. хранитель МАЭ (Кунсткамера) РАН) в докладе «О расположении Азиатского Музея в здании Кунсткамеры» на основе уникальных документов — архитектурных планов здания, рисунков — привел убедительные аргументы в пользу точного установления локации помещений Азиатского Музея.

А.В. Зорин (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «И.П. Минаев и „Сердце тьмы“» представил оригинальную гипотезу о возможной встрече писателя Джозефа Конрада (Юзеф Теодор Конрад Коженёвский, 1857–1924) с российским индологом И.П. Минаевым (1840–1890) в Калькутте. На основе сопоставления фактов биографии Конрада и Минаева, анализа текста произведения Конрада «Сердце тьмы» (1902) было высказано предположение, что И.П. Минаев мог быть прототипом одного из героев.

М.С. Целуйко (преподаватель НИУ ВШЭ, Москва) представил доклад «Количественные подходы к датировке текстов „Чжаньго цэ“». Датировка является одной из главных проблем изучения традиционных китайских антологий, таких, например, как «Чжаньго цэ». Это в высшей мере ценный исторический источник по истории III в. н.э., однако невозможность четко датировать тексты, из которых составлен сборник, ограничивала ученых по его использованию. Но в 1973 г. в местечке Мавандуй в КНР в провинции Хунань были найдены тексты на шелке, некоторые из них по жанру и типу содержания похожи на «планы» из «Чжаньго цэ». Могилу, в которой был найден текст, можно датировать первой половиной II в. до н.э. Как продемонст-

рировал докладчик, сравнение грамматики текста из Мавандуй с грамматикой текстов «Чжаньго цэ» с помощью частотных словарей поможет пролить свет на вопросы генезиса сборника «Чжаньго цэ» и ответить на вопросы: насколько единым является этот текст, насколько синхронно создавались его главы?

А.А. Туранская (к.ф.н., м.н.с. Лаборатории «Сериндика» ИВР РАН) представила доклад «Тибетский ксилограф „Манджушри-нама-самгити“ из Хара-Хото». Немногочисленные фрагменты тибетских рукописей и ксилографов из Хара-Хото, поступившие в Азиатский Музей в результате Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова, вплоть до недавнего времени оставались недостаточно изученными. В результате начатого исследователями ИВР РАН в 2018 г. проекта по каталогизации тибетских текстов из Хара-Хото было выявлено не упоминавшееся в научной литературе ранее тибетское ксилографическое издание (ХТ-127) текстов, посвященных бодхисаттве мудрости Манджушри. Значительная часть текста, 58 строк, представляет собой фрагмент сочинения «Воспевание имен [воплощения] высшей истины — джнянаساتтвы Манджушри». Частично сохранившиеся 12 строк второго текста под названием «Восхваление святого Манджушри» представляют собой перевод небольшого по объему сочинения «Восхваление владыки речи». Перевод этот существенно отличается от версии сочинения, включенной в тибетский буддийский канон.

А.А. Сизова (м.н.с. ИВР РАН) выступила с докладом «Послесловие первого датированного тибетоязычного ксилографа (1149 г.): содержание и языковые особенности». Докладчица представила промежуточные результаты проекта по введению в научный оборот текстов из коллекции ИВР РАН, обнаруженных в Хара-Хото. Палеографическое и текстологическое обследование ксилографа показало, что это книга-бабочка с дхарани Авалокитешваре и Ушнишавиджае. В составе текста — собственно «Авалокитешварадхарани-сутра», благопожелание, колофон.

О.В. Лундышева (м.н.с. Лаборатории «Сериндика» ИВР РАН) в докладе «Рукописи на тохарском А в Сериндийской коллекции ИВР РАН» рассмотрела карту распространения рукописей на тохарском А и Б языках, привела сведения о европейских древлехранилищах, располагающих такими рукописями. В презентации были освещены палеографические особенности 37 фрагментов из коллекции ИВР РАН. Особо было отмечено, что бумага грунтовалась, линование не использовалось.

А.В. Мешезников (м.н.с. Лаборатории «Сериндика» ИВР РАН) в докладе «Неопубликованный санскритский фрагмент Лотосовой сутры (рукопись SI 6584) из Сериндийского фонда ИВР РАН» изложил результаты палеографического и текстологического анализа фрагмента важнейшего памятника буддийского наследия: рукопись выполнена на бумаге и включает один лист формата потхи. Текст написан на обеих сторонах листа южнотуркестанским брахми. По палеографическим данным рукопись датируется VIII–IX вв. Текстологический анализ показал, что фрагмент SI 6584 представляет собой отрывок из главы XVIII Лотосовой сутры. Как удалось установить при сопоставлении с другими текстами памятника, фрагмент SI 6584 относится к центральноазиатской редакции сутры и практически идентичен тексту из Кашгарской рукописи Н.Ф. Петровского.

Е.А. Десницкая (к.филос.н., н.с. ИВР РАН) в докладе «Мангалавада как жанр санскритской философской литературы» проанализировала универсальный элемент структуры текста — вступительные строфы, адресованные покровительствующему божеству. Она отметила, что в таком конструировании текста заложено смысловое единство с практикой призывания божеств.

В.А. Попов (д.и.н., гл.н.с. ИВР РАН) представил совместный с А.А. Бурькиным (д.ф.н., д.и.н., в.н.с. Института лингвистических исследований РАН) доклад «Этноисторические связи Ойратского мира и тюрков Южной Сибири (на материале терминологии родства и свойства)». Было убедительно продемонстрировано, что этот лексический пласт отражает принципы социальной организации и, следовательно, может быть использован как источник информации для реконструкций социальной истории бесписьменных народов. В.А. Попов сопоставил калмыцкие термины родства с тувинскими и обосновал их историко-типологическое сходство. Докладчик рассмотрел конкретные примеры из калмыцкого языка, в которых одно слово означает разные степени родства, и отметил неактуальность пола в словесном обозначении младших родственников.

И.В. Кульганек (д.ф.н., гл.н.с. ИВР РАН) выступила с докладом «Неизвестный документ: лекции О.М. Ковалевского о монгольской литературе», посвященным новооткрытому ею конспекту лекций ученого. Докладчица проанализировала источники, на основе которых Ковалевский готовил свои лекции, подчеркнула важность этого материала для восстановления научной биографии видного деятеля Казанского университета.

Б.Р. Ерохин (соискатель ИВ РАН) в докладе «Дидактическое сочинение Лобзанга Цультрима (1740–1810) „Исследование о необходимости отказа от табака“» обосновал типологическое сходство сочинения популярного в Тибете автора с медицинскими трактатами и охарактеризовал его содержание. Докладчик подчеркнул, что отказ от курения рассматривался в контексте буддийского учения о воздержании от вешеств, замутняющих сознание.

Д.В. Возчиков (к.и.н., доцент кафедры востоковедения УрФУ, Екатеринбург) в докладе «*“La sua gente è bianca, e bellicosa”*: Сиам в представлении двух венецианцев и одного англичанина второй половины XVI в.» рассмотрел сведения о Сиаме (Аютии), отраженные в отчетах купцов Венецианской республики Чезаре Федеричи (путешествовал по Востоку в 1563–1581 гг.) и Гаспаро Бальби (путешествовал в 1579–1587 гг.), а также осветил содержание отчета английского купца и участника посольства Елизаветы I к могольскому падишаху Акбару Ральфа Фитча (1583–1591). Проблемно-тематический анализ текстов этих трех произведений, проведенный докладчиком, показал, что их авторы по-разному оценивали важность наблюдавшихся ими явлений повседневной жизни и интерпретировали факты политической истории.

П.Д. Ленков (к.и.н., доцент кафедры истории религии и теологии Института истории и социальных наук Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена) в докладе «Буддийские доктринальные концепты в даосском тексте: мадхьяма пратипад (чжун дао) и упая-каушала (фан бянь мэнь) (по материалам седьмой главы „Лун мэнь синь фа“, XVII в.)» рассмотрел терминологию даосского текста на предмет буддийских заимствований и установил, что процесс «внутренней алхимии» описывался по аналогии с буддийскими практиками. Таким образом, на конкретном материале была подтверждена концепция полиморфизма религиозного даосизма как явления китайской духовной культуры.

И.Ю. Котин (д.и.н., зав. Отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН) представил доклад «Россыпи: наследие И.П. Минаева в академических собраниях Санкт-Петербурга». В подробной презентации докладчик классифицировал сохранившееся научное наследие И.П. Минаева по местам хранения (СПбГУ, Российская национальная библиотека, Архив востоковедов ИВР РАН, МАЭ (Кунсткамера) РАН) и подчеркнул необходимость введения в научный оборот этих ценных материалов.

Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «Роль Ю.Н. Рериха в обнаружении тибетской находки Р. Санкритьяны» восстановила историю публикации в Индии «Жизнеописания Дхармасвамина», обнаруженного Р. Санкритьяной в тибетском монастыре Нартанг в 1936 г. На основе анализа самой публикации и переписки Ю.Н. Рериха с издательством было конкретизировано содержание научных связей Ю.Н. Рериха с Индией после его возвращения на родину.

Е.В. Гордиенко (соискатель Центра изучения религий РГГУ, Москва) представила доклад «Вьетнамские молитвенные тексты (văn tễ) как часть культа духов местности: традиции и современность». В докладе были проанализированы молитвенные тексты (văn tễ), читающиеся на церемониях поклонения духам–покровителям местности в деревенских общинах и городских кварталах Вьетнама. Е.В. Гордиенко восстановила структуру молитвенных текстов: за названием следует введение с указанием места, названия храма, имен участников и перечисления подношений; формула «осмелимся обратиться к...» и перечисление полных имен духов, иногда с перечислением придворных указов, предписывавших духам покровительствовать общине, а ее жителям — поклоняться этим духам; восхваление духов и их заслуг, завершающееся формулой «в земных поклонах осмелились обратиться». В докладе были приведены описания нескольких таких текстов и предложен перевод одного из них, впервые выполненный Е.В. Гордиенко.

Д.А. Носов (к.ф.н., н.с. ИВР РАН) выступил с докладом «Контаминация монгольских мифологических образов сурка–меткого стрелка и лисицы-оборотня». Докладчик представил результаты анализа русского перевода первой публикации баргутского варианта предания «Меткий стрелок», выполненного А.Д. Цендиной и опубликованного С.Ю. Неклюдовым в 2019 г. В образе мифологического персонажа Д.А. Носов выявил ряд черт, несвойственных рассказам о Метком стрелке–тарбагане у других монгольских этносов. Эти черты характерны для китайского мифологического персонажа — лисицы-оборотня, которая превращается в женщину и обольщает мужчин ради получения их жизненной энергии. Этот мифологический персонаж, отметил Д.А. Носов, популярен как в китайской, так и в монгольской культуре.

Д.В. Цветков (ст. преподаватель СПбГИК) выступил с докладом «Труд корректора Щеглова „Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника“ в контексте социально-политической жизни России XVIII в.». В докладе были представлены результаты исследования текста Щеглова (личность не определена), опубликованного в 1780 г. Установлено, что это перевод с латинского языка некоторых разделов книги “Confucius, Sinarum philosophus sive Sinum scientia” (1687), подготовленной миссионерами-иезуитами. Также Д.В. Цветков изучил включенные в труд Щеглова выдержки из конфуцианского канона и отождествил их как извлечения из «Лунь юй» и «Чжун юн». На основе анализа их содержания была высказана гипотеза, что Щеглов, находясь под влиянием идей эпохи Просвещения, в частности популярного в XVIII в. представления о Китае как об идеальном примере воплощения идей просвещенной монархии, стремился составить наставление для представителей различных слоев российского общества того времени об идеале просвещенного человека.

К.Г. Маранджян (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) выступила с докладом «Буддийское представление о девяти этапах смерти: стихотворения, сопровождающие изображения». На основе рукописных свитков из собрания ИВР РАН были проанализированы «стихотворения о девяти этапах смерти» (яп. *кусоси*). К.Г. Маранджян убедительно продемонстрировала доктринальное единство буддийских практик осознания «нечис-

тоты тела» в Индии, Китае и Японии и отметила историко-культурную их особенность в Японии: сопровождение традиционного изображения тематически связанным стихотворением.

Ю.И. Елихина (к.и.н., в.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа) в докладе «Концепция выставки „Свет знания: памяти академика Ф.И. Щербатского (1866–1942)“» охарактеризовала мемориальные материалы (книги, документы, фотографии) по деятельности крупнейшего буддолога и организатора исследований письменных памятников буддизма, представленные на временной выставке в Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге (20 ноября — 15 декабря 2019 г.). Материалы были предоставлены Государственным Эрмитажем, ИВР РАН, Музеем Николаевской гимназии, частными собирателями.

В.П. Иванов (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «Камалашила о назначении трактата „Таттвасанграха“ Шантаракшиты» представил результаты проблемно-тематического анализа введения к комментарию *паньджика* Камалашилы на «Таттвасанграху» Шантаракшиты. Камалашила, как показал В.П. Иванов, предлагал рассматривать «Таттвасанграху» не как тематически разнородное доксографическое сочинение, но как композиционно стройный текст, самой своей структурой представляющий развернутое изложение (иллюстрацию) важнейшего буддийского принципа — взаимозависимого происхождения (пратитьясамутпада). Докладчик также обосновал лексическую и содержательную соотнесенность глав «Таттвасанграхи» с трактовкой пратитьясамутпады в «Шалистамба-сутре» («Сутре о ростке риса»).

Ю.И. Дробышев (к.и.н., с.н.с. ИВ РАН, Москва) посвятил свой доклад «Новые источники по истории монгольско-тангутских войн первой четверти XIII в.» восстановлению исторической канвы взаимодействия Си Ся и Монголии, в том числе пяти монгольских вторжений в Си Ся и роли Чингис-хана. Ю.И. Дробышев привлек к изложению релевантные тангутские памятники в переводах Е.И. Кычанова, а также сообщения Рубрука как вторичные источники.

С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. ИВР РАН) выступил с докладом «Понятие сознания-сокровищницы в „Ланкаватара-сутре“». Учение о сознании-сокровищнице связывается в сутре с учением о трех природах, из чего видно, что основные понятия учения йогачары представлены в сутре полностью. Причинами возникновения разворачивающегося сознания являются: непонимание истинной природы объектов сознания; аффективная привязанность к сансарическому миру; собственная сущность сознания — различение субъекта и объектов; влечение к формам. В совокупности они порождают и поддерживают сансару. С.Л. Бурмистров обратил внимание на существенный для понимания истории буддийской мысли факт: понятие сознания-сокровищницы впервые появляется в «Ланкаватара-сутре», начало формирования которой относится ко II–III вв., что позволяет говорить о возникновении этого понятия — одного из базовых в учении школы йогачара — задолго до появления этой школы, а возможно и до появления исторически первой школы махаяны — мадхьямаки.

В.Ю. Климов (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) выступил с докладом «Стихотворные славословия Синрана, посвященные Тань-луаню (яп. Донран) (476–542)». Славословия Синрана Тань-луаню (34 стиха) были рассмотрены в контексте типологически сходных произведений из наследия Синрана. Наряду с меньшими по объему славословиями Нагарджуны и Васубандху эти 34 стиха легли в основу канонических текстов школы «Истинной Веры Чистой земли» (дзёдо синсю), прославляющих видных деятелей буддизма Индии, Китая, Японии.

Четырнадцатые Чтения показали, что круг востоковедной проблематики, представленный в докладах и оживленных обсуждениях, тематически шире, чем предметная область наследия О.О. Розенберга. Однако все выступавшие следовали его методологической и ценностной установке воспринимать духовную культуру Востока как самодостаточную часть мировой цивилизации. Доклады сотрудников ИВР РАН были выдержаны в русле научных направлений работы института и продемонстрировали текущие результаты работы над плановыми темами.

**The 14th All-Russian Oriental Conference
in Memory of O.O. Rozenberg**
(St. Petersburg, November 16–17, 2020)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 84–90)
Received 28.01.2021.

Tatiana V. Ermakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Buddhism, O.O. Rozenberg, written monuments of the East, history of Oriental Studies.

About the author:

Tatiana V. Ermakova, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (taersu@yandex.ru).

«Пир духа во время пандемии».
XLII Сессия петербургских арабистов

(Санкт-Петербург, 16 и 18 ноября 2020 г.)

Е.В. Гусарова

Институт восточных рукописей РАН

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.18716/WMO63160

Ключевые слова: Ближний Восток, арабистика, исламоведение, арабский язык, востоковеды, Институт восточных рукописей РАН.

Статья поступила в редакцию 03.02.2021.

Гусарова Екатерина Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18; доцент НИУ ВШЭ, РФ; 199000, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16 (ekater-ina@mail.ru).

© Гусарова Е.В., 2021

Ежегодно сотрудники Отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН организуют научную конференцию, посвященную классической арабистике, проблемам арабского Ближнего Востока и смежным вопросам. Традиционно это мероприятие проходит весной, в первой половине апреля. XLII Сессия петербургских арабистов должна была состояться 6 и 8 апреля 2020 г., но в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией сроки проведения пришлось перенести на неопределенный срок.

Проведение конференции стало возможным только осенью 2020 г. Было принято решение назначить заседания на 16 и 18 ноября. Тем не менее в связи с введенными в нашей стране ограничениями было обеспечено очное и заочное участие докладчиков и слушателей (с использованием онлайн-трансляции выступлений), в чем ранее не было необходимости. Заочный формат сделал возможным участие в конференции в реальном времени как иногородних участников (слушателей и докладчиков), так и петербургских ученых, которые по ряду причин были вынуждены работать удаленно. Организаторами конференции выступили д.и.н., доцент, заведующий Отделом Ближнего и Среднего Востока, гл.н.с. С.А. Французов, неизменно с 1992 г. возглавляющий оргкомитет этой конференции, и к.и.н., н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока Е.В. Гусарова, секретарь оргкомитета.

Несмотря на необычный формат, а отчасти и благодаря этому мероприятие собрало широкую аудиторию. За два дня было прочитано 22 доклада в очной и заочной форме (16 очно и 6 заочно) 27 докладчиками (что примерно на треть меньше, чем в последние годы¹). Большая часть участников с докладами традиционно были из Санкт-Петербурга, четверо из Москвы, трое из Казани, и одна из Киева. Иногородние докладчики участвовали в конференции онлайн. Кроме того, в онлайн-режиме к конференции смогло присоединиться значительное количество слушателей, даже большее, чем было зафиксировано в традиционном формате прошлых лет.

Как и ранее, исследователи подняли ряд вопросов, связанных с регионами Ближнего Востока: историей и литературой, археологией и этнографией, источниковедением и, конечно, арабским языком. Это неполный список тем, которые входят в рамки научно-исследовательских интересов отечественных востоковедов.

В первый день (16 ноября 2020 г.), как и во второй день (18 ноября 2020 г.), заседания проходили на первом этаже в кабинете Лотосовой сутры ИВР РАН (Купальня Ново-Михайловского дворца). Утреннее заседание началось в 11.00, его открыл вступительным словом председательствующий на заседании С.А. Французов.

Первый доклад, «Грамматика поэтического арабского языка VI в. н.э. Синтаксические конструкции», был прочитан дистанционно А.Г. Беловой (д.ф.н., Отдел языков ИВ РАН, Москва). В нем ведущий отечественный арабист-лингвист рассмотрела особенности построения предложений и устойчивых сочетаний слов в поэтическом койне, распространенном в Аравии накануне ислама.

Н.Н. Дьяков (д.и.н., проф., кафедра истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ) очно прочел доклад «Ал-Андалус и аш-Шам в сочинении *Нафх ат-тиб...* Абу-л-‘Аббаса Ахмада ал-Маккари (1584–1631)». Автором была рассмотрена знаменитая антология, посвященная гранадскому ученому и дипломату Лисан ад-Дину Ибн ал-Хатибу, в которую, в частности, входят описания соответствующих регионов, Андалусии и Леванта.

П.В. Башарин (к.филос.н., Центр иранистики и кафедра современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, Москва) сделал онлайн-доклад «Фигуры второго плана в Багдадской суфийской школе: Ибрахим ал-Хаввас, Абу Хамза ал-Баззас, Ахмад ал-Джурайри», — сопровождавшийся презентацией. Автор рассказал о членах суфийского братства Багдадской школы (раннего суфизма) на примере конкретных личностей и их деятельности.

Как и прежде, часть докладов Сессии были посвящены африканскому материалу. В.А. Попов (д.и.н., проф., Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) очно прочел доклад «Системы терминов родства в афразийских языках: современное состояние и перспективы изучения». Докладчик подробно рассмотрел термины, применяемые для обозначения родственников по материнской и отцовской линиям разной степени близости, а также супружества и свойства, на материале современных афразийских языков.

А.Ю. Сиим (к.ф.н., Отдел Африки МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) очно прочла доклад «Занзибарский *таараб*: арабское влияние в музыкальной структуре и поэтике». Автор подробно рассмотрела традиционный для острова Занзибар музыкальный жанр, который возник в результате синтеза разных культурных и музы-

¹ Для сравнения: в 2019 г. в программу XLI Сессии петербургских арабистов было включено 30 докладов и 31 докладчик. В 2018 г. юбилейная XL Сессия петербургских арабистов собрала 30 докладчиков, которые соответственно прочли 30 докладов.

кальных традиций, свойственных отдельным регионам Африканского континента и Аравии.

Дневное заседание первого дня конференции началось с очного доклада С.А. Французова (д.и.н., доцент, Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) «Эпиграфические свидетельства существования адресатов посланий пророка Мухаммада». В докладе показана историчность хадрамаутских адресатов пророка Мухаммада: *кайлей* из сабейского аристократического рода зу Мархаб и из местного рода Баса'ан. Рассмотрена не публиковавшаяся ранее фрагментарная строительная позднесабейская надпись рода Баса'ан и предложена идентификация его предка-эпонима. Доклад сопровождался презентацией.

В.А. Розов (лаборант-исследователь научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов Восточного факультета СПбГУ) прочитал очный доклад «*Садж'* в хадисах: дискуссия о правоверности и функции». Автор рассказал об особенностях использования рифмованной и ритмизованной прозы в хадисах в разных контекстах и об отношении к *садж'*у как пережитку политеизма, и как к некоему новшеству благодаря его обновленному применению в мусульманской традиции. Доклад сопровождался презентацией.

Онлайн был прочитан коллективный доклад Р.М. Валеева (д.и.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), С.А. Кириллиной (д.и.н., проф., кафедра истории Ближнего Востока ИСАА МГУ), О.Д. Василюк (к.и.н., Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины), Р.З. Валеевой (к.пед.н., доцент) и Д.Р. Хайрутдинова (к.ф.н., доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова) «Эпистолярная переписка А.Е. Крымского и П.К. Коковцова из архивных фондов России и Украины в истории отечественной семитологии». Своим сообщением авторы внесли вклад в историю изучения отечественного востоковедения и, в частности, гебраистики на основе архивных материалов, которые зачастую бывают незаслуженно забыты.

В.В. Поносов (аспирант 3-го курса Восточного факультета СПбГУ) выступил с очным докладом «Особенности табуированной лексики в арабском языке». Автор развивает тему табуированной лексики на материале арабского языка не первый год, что нашло отражение в очередном докладе, традиционно вызвавшем массу вопросов и комментариев.

Два заключительных доклада первого дня конференции были посвящены теме арабов-христиан на Ближнем Востоке и связанной с этим деятельности Императорского Православного Палестинского общества. А.Г. Грушевой (к.и.н., Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) выступил с очным докладом «Арабы-христиане Сирии и Палестины во внешней политике Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.». Автор исследовал страницу из истории основанного в 1882 г. ИППО и роль арабов-христиан в международной политике России на рубеже XIX и XX вв. Как обычно, автор использовал в своем исследовании целый ряд документов из архивов Санкт-Петербурга и Москвы, в частности Архива внешней политики Российской империи.

Схожую тематику затронул П.В. Федотов (заведующий Отделом «Фотонегамультимедиа» Государственного музея истории религии), который выступил с очным докладом «Русские сотрудники школьных инспекций ИППО на Ближнем Востоке в 1888–1914 гг.: мотивация и достижения». В сообщении были представлены документы, освещающие деятельность Императорского Православного Палестинского обще-

ства, осуществившего масштабные гуманитарные проекты на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX в., и отдельно были отмечены наиболее выдающиеся из них. Из архивных материалов стало известно, что значительная часть школьного персонала набиралась Обществом из местного населения, однако руководство и надзор за школами осуществляли российские учителя и инспекторы. Доклад сопровождался презентацией.

Первая часть утреннего заседания заключительного дня работы конференции (18 ноября 2020 г.) была посвящена проблемам Северо-Восточной Африки. Заседание открыл очный доклад И.В. Герасимова (д.и.н., проф., кафедра истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ) «Племена беджа и султанат фундж в XVI–XVIII вв.». Докладчик дал обзор истории народа беджа, исконно проживающего на этих территориях Северо-Восточной Африки, рассказал об их быте и обычаях, о культуре. Историческим контекстом послужила эпоха существования в регионе независимого государства — султаната Фундж. Отдельно он остановился на языке и двуязычии местных жителей. Доклад сопровождался презентацией, состоящей из уникального фотоматериала, собранного во время путешествия в Судан.

Д.А. Алферов (аспирант 3-го курса Восточного факультета СПбГУ) сделал очное сообщение «Развитие Хартума в период англо-египетского condominiuma». Автор дал подробное описание отдельных районов Хартума, представил историю развития застройки, проанализировал причины конкретных градостроительных решений, продемонстрировал подробную карту города, изданную в середине прошлого столетия.

Я.Х. Акиль (аспирант 2-го курса Восточного факультета СПбГУ) выступил с очным докладом «Медицинский трактат Абу Сахла ‘Исы Масихи Китаб ал-Ми’а фи-т-тибб в восточном отделе Библиотеки им. Максима Горького СПбГУ». Автор подробно рассказал о сочинении по медицине «Сто книг по врачебному искусству» и отметил, что в отечественном востоковедении тема исламской медицины не приобрела должной популярности, притом что изучение таких текстов дает возможность реконструировать историю развития медицинских познаний и определить роль арабо-мусульманской медицины в мировом врачебном деле. Кроме того, автор доклада подарил председательствующему на заседании С.А. Францову переведенную им с арабского на русский язык книгу Сами Клейба, ливано-французского публициста, «Разрушение Сирии, или Уход Асада» (М., 2018).

М.А. Родионов (д.и.н., проф., Отдел Юго-Западной и Южной Азии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) прочел онлайн-доклад «Кес Брауэр: 45 лет изучения заморской торговли ал-Муха (1614–1640 гг.) по документам Голландской Ост-Индской компании». Автор рассказал о деятельности Нидерландской Ост-Индской компании в Красноморском бассейне и той роли, которую играл в ней порт Моха. Центральное внимание было уделено нидерландскому исследователю, посвятившему себя изучению этой проблематики и опубликовавшему ряд связанных с ней документов. Доклад сопровождался презентацией.

Н.М. Шуйская (к.ф.н., доцент, кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России) прочла онлайн-доклад «Тема эмиграции как средства экзистенциальной защиты в современной арабской прозе» в рамках исследования современной арабоязычной литературы. Автор рассматривает тему вынужденной эмиграции и трудовой миграции из стран Ближнего Востока и Африки в так называемые развитые страны и прослеживает историю развития соответствующего сюжета на конкретных примерах и в конкретном историческом контексте создания этих произведений.

Дневное, и заключительное, заседание XLII Сессии петербургских арабистов открыл очный доклад М.Ю. Илюшиной (к.и.н., проф. НИУ ВШЭ, СПб.) «Матримониальная политика мамлюкской военной элиты», в котором автор привела несколько примеров заключения семейных союзов среди мамлюкской элиты, проследила исторический контекст и причинно-следственную связь конкретных случаев вступления в брак. Отдельно была отмечена роль политического влияния супругов и их материального состояния. Доклад сопровождался презентацией.

Ни одна Сессия арабистов не обходится без докладов, предметом которых выступает рукописное наследие арабского Востока и Африки. Д.В. Зайцева (выпускница аспирантуры ИВР РАН) выступила с очным докладом «Проблема создания первых образцов огнестрельного оружия (по данным мамлюкской рукописи С 686 из ИВР РАН)». Докладчик на протяжении нескольких лет изучает иллюминированную рукопись по военному делу 1474 г. и в настоящем сообщении осветила историю создания и бытования одной из первых пушек (*мадфа*), описанных в ней.

Е.В. Гусарова (к.и.н., н.с., Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) традиционно рассматривала материал, почерпнутый из эфиопского рукописного наследия. Доклад «Представления эфиопских христиан позднего средневековья о календарях восточных народов (по рукописи Эф. 14 из ИВР РАН)» был прочитан очно и сопровождался презентацией. Автор рассмотрела конкретный пример представления эфиопских книжников о календарях восточных народов, особенности соотношения названий месяцев (в частности, называемых автором текста арабскими) с той или иной традицией, способ транслитерации иноязычных названий в эфиопской графике и их восприятие семитоязычными христианами Эфиопии.

А.В. Степанова (преподаватель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, СПб.) выступила с докладом на тему «Персонажи мифологии берберов в контексте их традиционного мировоззрения», в котором была рассмотрена традиционная мифология этого народа, ее развитие и современные формы. Кроме того, были приведены примеры ее влияния на современное искусство, в частности на творчество современных художников, аналоги мультфильмов анимэ, литературу для подростков и пр. Доклад был прочитан очно и сопровождался красочной презентацией.

Коллективный доклад В.С. Храковского (д.ф.н., проф., ИЛИ РАН) и Р.Г. Мамедшахова (к.ф.н., доцент, НИУ ВШЭ, СПб.) «Именные причинные конструкции в арабском литературном языке» был прочитан очно Р.Г. Мамедшаховым и сопровождался презентацией. Авторы в своем сообщении рассмотрели один из способов использования именных конструкций в грамматике литературного арабского языка и связь конкретных грамматических форм с семантикой, которая вкладывается таким образом в высказывания.

Последний доклад XLII Сессии петербургских арабистов был прочитан онлайн Ханой Яфия Юсиф Джамиль (к.ф.н., доцент, кафедра арабской филологии Восточного факультета СПбГУ) «Английские заимствования в багдадском диалекте». Докладчик является блестящим специалистом по иракскому диалекту арабского языка. В настоящем сообщении были рассмотрены иностранные (в частности, английские) заимствования и развитие новой лексики в живом арабском языке наших дней, что, впрочем, свойственно многим языкам современного мира.

Доклады XLII Сессии петербургских арабистов вызвали интерес слушателей и сопровождались многочисленными вопросами к докладчикам и комментариями.

Организаторы выражают надежду, что в следующем году научная жизнь вернется в привычное русло, а конференция пройдет в более спокойной обстановке и соберет большее количество участников.

“A Feast for the Mind during a Pandemic”.
The XLII Annual Session of St. Petersburg Arabists
(St. Petersburg, November 16 and 18, 2020)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 91–96)
Received 03.02.2021.

Ekaterina V. Gusarova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation; National Research University Higher School of Economics; ul. Soiuza Pechatnikov 16, St. Petersburg, 199000 Russian Federation.

Key words: Middle East, Arab World, Arabic Studies, Islamic Studies, the Arabic language, Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

About the author:

Ekaterina V. Gusarova, Cand. Sci. (History), Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS; Associate-professor National Research University Higher School of Economics (ekater-ina@mail.ru).

Конференция «Дальний Восток: традиции и современность»

(Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 г.)

Ю.В. Болтач

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO57208

Ключевые слова: ИВР РАН, научная конференция, традиционная культура Дальнего Востока, источниковедение стран Дальнего Востока, изучение рукописных собраний и музейных коллекций.

Статья поступила в редакцию 26.12.2020.

Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (julia.boltach@gmail.com).

© Болтач Ю.В., 2021

Конференция «Дальний Восток: традиции и современность», проводимая на регулярной основе Отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, посвящена рассмотрению широкого круга проблем, относящихся к изучению традиционной культуры стран Дальнего Востока (история, философия, религия, язык, литература, искусство) и ее связи с современностью. В соответствии с профильной спецификой ИВР РАН организаторы конференции уделяют особое внимание вопросам исследования дальневосточного письменного наследия — проблемам хранения и реставрации рукописей и ксилографов, их идентификации, формирования рукописных коллекций и содержательного анализа рукописных памятников, а также изучению истории отечественного востоковедения и взаимодействия России со странами Дальнего Востока.

Состоявшаяся 25 ноября 2020 г. конференция, вторая по счету, прошла в Зеленом зале ИВР РАН в смешанном, очно-дистанционном формате.

На утреннем заседании были представлены доклады, посвященные изучению Китая. Первые четыре сообщения были связаны с изучением архивных и музейных материалов.

Заседание началось с выступления заведующей Отделом Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. Т.А. Пан «Ошибка маньчжурского переписчика в императорском дипломе

гаоми́н 誥命», в котором были рассмотрены несоответствия между китайским и маньчжурским текстами дипломов на должность, выданных в 1904 г. Согласно китайским текстам дипломов, они были пожалованы представителям трех поколений одной и той же служилой семьи. В параллельных маньчжурских текстах, однако, переписчик по ошибке указал данные совсем других людей. На примере этих дипломов Т.А. Пан наглядно показала, что к концу правления в Китае маньчжурской династии Цин (1644–1912) использование маньчжурского языка в делопроизводстве было чисто формальным и он уже фактически вышел из употребления даже среди представителей правящего класса.

Доклад ст. преподавателя Санкт-Петербургского государственного института культуры Д.В. Цветкова «Структурные особенности рукописных словарей китайского языка в России XVIII в.» был посвящен уникальным архивным материалам, проливающим свет на историю становления отечественного Китаеведения. На основе анализа структуры трех рукописных словарей, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга, докладчик пришел к выводу, что на принципы их построения оказала значительное влияние традиционная китайская лексикография, в которой принята тематическая группировка лексического материала.

Сообщение заведующей Отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук к.и.н. Т.И. Виноградовой «В.М. Алексеев о деятельности Китайского кабинета ИВ (по данным Синологической картотеки ученого)» было построено на документах из так называемой Синологической картотеки акад. В.М. Алексеева, в которой он кратко описывает полнотекстовые документы, либо написанные им самим, либо поступившие в его адрес. В.М. Алексеев фиксировал на карточках информацию о мероприятиях, проводимых в Китайском кабинете Института востоковедения, о научных планах и спорах. Хотя основная масса документов, относящихся к многолетней работе В.М. Алексеева в должности заведующего Китайским кабинетом, хранится в Архиве ИВ, материалы картотеки, содержащие интересные оценочные характеристики и неожиданные факты, проливают свет на многие моменты, имеющие отношение к научной деятельности В.М. Алексеева и его коллег.

В презентации в.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа к.и.н. Ю.И. Елихиной «Китайские образы Авалокитешвары в коллекции Эрмитажа» были рассмотрены изображения этого бодхисаттвы, которые составляют наиболее крупную часть собрания китайской бронзовой скульптуры Эрмитажа, насчитывающей более 350 предметов; также были представлены основные иконографические формы бодхисаттвы Авалокитешвары, характерные для дальневосточной буддийской традиции, и поставлен вопрос о дальнейшем изучении этой коллекции и включении ее в научный оборот.

Еще четыре доклада были посвящены вопросам источниковедения древней и раннесредневековой истории Китая.

В сообщении ст. лаборанта отдела рукописей и документов ИВР РАН Т.В. Клементьевой «К вопросу о переводе на русский язык названия трактата ханьского литератора Ин Шао 應劭 (ум. в 203 г. н.э.) „Фэнсу тунъи“ 風俗通義» был рассмотрен наиболее значительный труд поздниханьского ученого Ин Шао, ранее не привлекавший к себе пристального внимания отечественных исследователей. В русскоязычной литературе было предложено несколько вариантов перевода названия этого произведения, и докладчик проанализировал их с учетом содержания предисловия к работе, а также специфики социально-политической ситуации времен Поздней Хань (25–220), после чего сделал вывод об оптимальном варианте перевода названия данного трактата.

В докладе м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН О.А. Бонч-Осмоловской «Манипуляции с каноническими текстами в эпоху Цзинь (265–420) или как поддержать авторитет династии» содержался общий исторический обзор политической ситуации в Китае эпохи Цзинь, которая началась с государственного переворота, приведшего клан Сыма к официальной верховной власти, и в дальнейшем сопровождалась бурными интригами. О.А. Бонч-Осмоловская показала, как эта нестабильная в политическом отношении эпоха повлияла на интеллектуальную деятельность ученых того времени (при Цзинь каноны напрямую «дополнялись» или «обнаруживались» в новых редакциях), и проанализировала причины и следствия этой деятельности.

В выступлении н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. А.Э. Терехова «К вопросу об использовании коллекций фрагментов утраченных сочинений (на примере апокрифического текста „Мин ли сюй“)» были проанализированы проблемы, связанные с использованием указанных коллекций, которые активно создавались в Китае в эпохи Мин и Цин и продолжают создаваться до сих пор. В качестве примера были рассмотрены цитаты из утраченного текста «Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением» (*Мин ли сюй 命歷序*), входившего в состав корпуса так называемых пророчеств и апокрифов (*чэньвэй 讖緯*). Докладчик пришел к выводу, что фрагменты из собраний недостаточно надежны для детального анализа и поэтому при работе с ними необходимо обращаться к источникам фрагментов, оценивать достоверность и время создания коллекции, сравнивать версии цитат в различных источниках, учитывать форму цитирования и контекст цитаты, а в идеале — использовать собрания лишь как указатель сохранившихся фрагментов или как общий обзор их содержания.

Вечернее заседание началось с трех японоведческих докладов.

В презентации с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. К.Г. Маранджян «О еще одном неизвестном японском свитке из художественного фонда Рукописного отдела ИВР РАН» были представлены результаты ее работы по атрибутированию и расшифровке сюжета уникального вертикального свитка из фондов ИВР РАН, который предположительно использовался в качестве иллюстрации для устных повествований в жанре *этоки*: удалось прочесть имя автора, выяснить, к какой художественной школе он принадлежал, определить приблизительное время создания этого произведения и предположительно идентифицировать изображенного на свитке персонажа — знаменитого *аммёдзи* Абэ-но Сэймэй.

Сообщение с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. В.Ю. Климова «Наставления Асакура Сётэки» было посвящено интереснейшему историческому источнику — записям наставлений военачальника Асакура Норикагэ 朝倉教景, чье монашеское имя было Сётэки 宗滴 (1477–1555). Этот текст, записанный вассалом Хагивара Мунэтоси 萩原宗俊 (?–1570) предположительно в 1560–1561 гг., отражает события, происходившие с 1493 по 1555 г. Рукопись сохранилась в нескольких списках под разными названиями. Имеется сильно сокращенный английский перевод этого памятника, с которого, в свою очередь, был сделан перевод на русский язык. Оба эти издания не отвечают в полной мере требованиям, предъявляемым к научным публикациям: практически отсутствует комментарий, текст оригинала подвергся значительному сокращению. По этой причине докладчик предпринял попытку полного академического перевода этого памятника на русский язык. Основой для работы послужил список, опубликованный в авторитетном издании «Собрание письменных источников: продолжение продолжения» (*Дзоку дзоку гунсё руйдзю 続々群書類従*,

т. 10, с. 1–12) под заголовком «Записи сказанного [господином] Асакура Сōтэки» (*Асакура Сōтэки ваки 朝倉宗滴話記*).

В презентации с.н.с. Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН к.и.н. А.Ю. Синицына «Свиток эмаки из собрания МАЭ РАН как визуальный источник по традиции японской чайной церемонии конца периода Эдо»¹ был представлен хранящийся в японском собрании МАЭ РАН иллюстративно-каллиграфический свиток эмаки МАЭ № 312-58/1 из собрания Цесаревича Н.А. Романова, входящий в привезенную им в 1891 г. из Японии коллекцию и датированный серединой XIX в. Докладчик показал, что этот свиток может рассматриваться не только как шедевр традиционной японской живописи, но и как своеобразный визуальный источник по чайному действу, ибо запечатленные на свитке сцены наглядно иллюстрируют некоторые ключевые этапы, эстетические принципы и использование основных аксессуаров чайной церемонии.

Корееведческий доклад с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. Ю.В. Болтач «Распространенность культов различных персонажей буддийского пантеона в древней Корее (по материалам „Самгук юса“, XIII в.)» содержал количественный анализ упоминаний различных персонажей буддийского пантеона в одном из двух базовых источников по ранней истории Кореи — «Оставшихся сведениях [о] трех государствах» (*Самгук юса*). На основании полученных данных Ю.В. Болтач сделала предположительные выводы о степени популярности различных буддийских культов в раннесредневековой Корее.

Конференция завершилась двумя выступлениями на монголоведные темы.

Сообщение н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН к.ф.н. Д.А. Носова «Подорожные русских студентов: источник по истории исследования Монголии» содержало обзор хранящихся в коллекции монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН более чем 30 подорожных и удостоверений, которые были выданы монгольскими административными органами преимущественно русским гражданам. Особое внимание докладчик уделил комплекту документов, удостоверяющих личность будущего сотрудника АМ, а в 1923–1925 гг. студента ЛИЖВЯ, В.А. Казакевича (1896–1937), а также двум документам, выданным на имя однокурсника Казакевича — А.В. Петрова. На их примере докладчик продемонстрировал, как монгольские подорожные и удостоверения отражают полевую работу исследователей-монголоведов начала XX в.

В докладе заведующей Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН д.и.н. Т.Д. Скрынниковой «Концепт *tōgū* в анонимной „Алтан товчи“» было проанализировано одно из базовых понятий политической культуры монголов. Летописи XVII в., включая «Алтан товчи», отразили процесс концептуального развития лингвистических средств монгольского языка в области политической культуры, с одной стороны, сохраняя его прежние значения, а с другой — наделяя старые концепты новым смыслом. Т.Д. Скрынникова провела анализ текста летописи, направленный на выявление употребления концепта *tōgū* в конкретном контексте.

Представленные на конференции доклады охватывали широкий круг актуальных тем, относящихся к области классического востоковедения. В заседаниях приняли активное участие молодые исследователи и аспиранты ИВР РАН, а также (дистанционно) иногородние исследователи. Следующее заседание конференции намечено на весну 2021 г.

¹ Доклад выполнен по гранту РФФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (руководитель А.В. Головнёв).

**The “Far East:
Tradition and Modernity” Academic Conference**

(St. Petersburg, November 25, 2020)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 97–101)

Received 26.12.2020.

Iuliia V. Boltach

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: IOM RAS, academic conference, traditional culture of the Far East, study of Far Eastern historical sources, study of manuscripts and museum collections.

About the author:

Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (julia.boltach@gmail.com).

Награждение члена-корреспондента РАН И.Ф. Поповой Золотой медалью им. Х.Д. Френа

(Казань, 1 декабря 2020 г.)

И.В. Кульганек

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO63149

Ключевые слова: ИВР РАН, Х.Д. Френ, Казанский университет, Вторые Ковалевские чтения.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kulgan@inbox.ru).

© Кульганек И.В., 2021

Редакционная коллегия журнала «Письменные памятники Востока» и коллектив сотрудников Института восточных рукописей РАН поздравляют директора, члена-корреспондента РАН **Ирину Федоровну Попову** с вручением ей Золотой медали им. Х.Д. Френа «За выдающиеся работы в области востоковедения».

Золотая медаль имени Христиана Даниловича Френа (1782–1851), академика-востоковеда, арабиста, ираниста, тюрколога, нумизмата, была учреждена в Казанском федеральном университете (КФУ) в 2019 г. при поддержке академика РАН, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского. Вручается она за выдающиеся работы в области ориенталистики.

Первые годы деятельности Х.Д. Френа были тесным образом связаны с Казанским университетом. Выпускник Ростовского университета, слушатель лекций Геттингенского и Тюбингенского университетов, преподаватель швейцарского университета И.Г. Песталотти, доктор богословия и магистр свободных наук, Х.Д. Френ начал свою деятельность на кафедре восточных языков в Казанском университете в 1807 г. Он был назначен ординарным профессором восточной словесности словесного отделения Казанского университета, что и положило начало формированию казанской школы университетского востоковедения. Х.Д. Френ проработал в Казанском университете десять лет, из них два года (с 1815 г.) — в должности декана историко-филологического факультета. Его основным предметом преподавания был арабский язык, он вел также занятия по нумизматике.

И.Ф. Попова и ректор КФУ И.Р. Гафуров

И.Ф. Попова с ректором И.Р. Гафуровым, преподавателями и студентами КФУ

Торжественное открытие «Вторых Ковалевских чтений» в Императорском зале КФУ.
1 декабря 2020 г.

Вторая половина жизни Х.Д. Френа была связана с Петербургом. В 1817 г. он был избран академиком Императорской академии наук, а затем стал первым директором Азиатского Музея — научного центра востоковедения России, который возглавлял до 1842 г. — более 24 лет. В Петербурге Х.Д. Френ принимал участие в составлении каталога арабских рукописей и книг из обширного собрания «Ардебильской библиотеки», приобретенной Россией по договору с Персией, и Ахалцихского собрания рукописей, переведенного после войны с Турцией в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга. Впоследствии его материалы использовались в известном Каталоге восточных рукописей Б.А. Дорна. Находясь на службе в Петербурге, Х.Д. Френ одним из первых привлек внимание к проблеме охраны памятников древности, находившихся на территории России, а также оказал большое влияние на формирование и воспитание кадров молодых российских востоковедов. Х.Д. Френ был награжден орденом Владимира 3-й степени, Анны 2-й степени с алмазными знаками, Станислава 1-й степени, прусским орденом Красного Орла 3-й степени, имел чин действительного статского советника.

После открытия Факультета восточных языков в 1854/1855 учебном году в Петербург из Казани были переведены многие преподаватели, которые встали у истоков классического востоковедного образования и создания единой российской востоковедной школы, существующей по настоящее время.

Ирина Федоровна Попова стала вторым обладателем Золотой медали им. Х.Д. Френа. Награждение прошло 1 декабря 2020 г. в Императорском зале Казанского университета на торжественном открытии Международной научной конференции «Вторые Ковалевские чтения». Золотую медаль И.Ф. Поповой вручил ректор Казанского федераль-

ного университета И.Р. Гафуров. Решение о награждении И.Ф. Поповой было единогласно принято Ученым советом Казанского университета на заседании 15 октября 2020 г. В решении был отмечен вклад директора ИВР РАН в развитие российского востоковедения, который состоит «в новизне и значимости ее научных работ», «в координации творческих усилий представителей академических центров российского востоковедения», в воспитании «целой плеяды молодых ученых-востоковедов», а также подчеркнуто, что заслуги И.Ф. Поповой «широко признаются не только в России, но и за рубежом». Вручение медали КФУ им. Х.Д. Френа стало подтверждением признания того, что Казань является началом отечественного востоковедного университетского образования, что только тесное взаимодействие университетского образования и научного сообщества может быть перспективным для дальнейшего развития гуманитарных знаний России.

В своей актовой речи «Востоковедение и культурный код России» И.Ф. Попова остановилась на истории создания и становления академической науки в Петербурге, затронула вопросы истории Института восточных рукописей РАН, старейшего академического востоковедного центра в нашей стране, учрежденного в 1818 г. как Азиатский Музей. Докладчик отметила, что на протяжении столетий главный вектор движения российской государственности был направлен на Восток, глубоко повлиявший на нашу культуру и менталитет, поэтому в многонациональной, поликонфессиональной России востоковедение всегда было и остается не просто научной дисциплиной, но и важным средством самопознания, составной частью российской культуры и общественно-значимым фактором.

Актовая речь И.Ф. Поповой

Возложение цветов к памятнику Н.И. Лобачевского

После награждения состоялось возложение цветов к памятнику Н.И. Лобачевского, российского математика, одного из создателей неевклидовой геометрии, деятеля университетского образования, который на протяжении 40 лет преподавал в Казанском университете и 19 лет руководил им в должности ректора. Ежегодно 1 декабря, в день рождения великого ученого, торжественно возлагаются цветы к памятнику, что на пересечении Кремлевской улицы и улицы Лобачевского, недалеко от здания Казанского научного центра РАН. Вместе с преподавателями, студентами-математиками и учащимися математического колледжа Казани И.Ф. Попова в качестве почетного гостя Университета приняла участие в этой акции, возглавляемой ректором КФУ.

И.Ф. Попова — авторитетный ученый и признанный специалист в области истории, политической идеологии, управления, административной системы, военной политики средневекового Китая, изучения рукописного наследия Дуньхуана и истории востоковедения. Ее учителями были представители ленинградской/санкт-петербургской школы классического китаеведения А.С. Мартынов, Е.И. Кычанов, Л.Н. Меньшиков, Г.Я. Смолин, Л.А. Березный, Б.М. Новиков. И.Ф. Попова является автором более 200 научных работ, в том числе девяти монографий (пять из них коллективные), составителем и редактором многих научных трудов, членом редколлегий отечественных и зарубежных научных журналов. В работах И.Ф. Поповой были решены среди прочих такие проблемы, как адаптация имперской идеологии к институтам государственного управления в средневековом Китае; введение в научный оборот и исследование документов из Дуньхуана и Турфана, эпиграфических текстов, визуальных источников по истории и культуре Китая нового времени, архивных материалов по истории отечественного востоковедения и экспедиционной деятельности в Центральной Азии.

Золотая медаль им. Х.Д. Френа — это не первая награда Ирины Федоровны. В 2013 г. ей была вручена премия им. С.Ф. Ольденбурга Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского научного центра РАН «за выдающиеся результаты в области изучения письменного наследия Китая и Центральной Азии». В 2016 г. И.Ф. Попова получила звание «Ученый Янцзы» — высшее ученое звание, присуждаемое Министерством образования КНР за достижения в области изучения древней и средневековой истории Китая, в 2017 г. была награждена медалью «Дружба» Правительства Монголии, в 2018 г. — медалью ордена «За заслуги перед Республикой Татарстан».

The Awarding of the Corresponding Member of RAS I.F. Popova with a Ch.D. Frähn (Fren) Golden Medal

(Kazan, December 1, 2020)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 102–107)

Received 20.01.2021.

Irina V. Kulganek

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: IOM RAS, Ch.D. Frähn (Fren), Kazan University, the Second Kovalyov Readings.

About the author:

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Philology), Researcher-in-Chief, Head of the Central Asian Section of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (kulgan@inbox.ru).

Девятые петербургские тибетологические чтения

(Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г.)

А.В. Зорин

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO57072

Ключевые слова: тибетология, Институт восточных рукописей РАН, Дацан Гунзэчойнэй.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020.

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kawi@yandex.ru).

© Зорин А.В., 2021

4 декабря 2020 г. в ИВР РАН состоялись очередные Петербургские тибетологические чтения. В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой Чтения прошли в сокращенном формате, с небольшим количеством участников и гостей и с соблюдением всех необходимых мер безопасности. Открыла их директор ИВР РАН чл.-корр. РАН И.Ф. Попова, напомнившая в своей презентации о линии преемственности петербургских тибетологов и собирателей тибетских книг, восходящей к 1720-м годам, к Петру I и Г.З. Байеру. Стараниями великих предшественников в Азиатском Музее сложился великолепный Тибетский фонд. Его каталогизацией занимается современное поколение исследователей, и в этом году вышел третий выпуск «Каталога сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020). Экземпляры нового издания были подарены коллегам из других учреждений, принявших участие в Чтениях. В частности, от лица Института И.Ф. Попова вручила экземпляр И.В. Васильевой (исполнительному директору Фонда развития буддийской культуры), которая по доброй традиции представляла на Чтениях Санкт-Петербургский буддийский храм Дацан Гунзэчойнэй. В свою очередь, от имени Дацана И.В. Васильева передала в библиотеку ИВР РАН, а также тибетологам и буддологам Института экземпляры каталога выставки «Свет знания. Памяти академика Ф.И. Щербатского (1866–1942)», прошедшей в конце 2019 г. в петербургском Музее-институте семьи Рерихов (научный редактор издания Ю.И. Елихина).

Кроме того, И.В. Васильева передала приветствия в адрес участников Чтений от настоятеля Дацана Б.Б. Бадмаева (Ширээтэ Ламы Джампа Доньеда), который на сей раз не смог лично присутствовать на заседаниях, и представила доклад «105-летие Санкт-Петербургского Дацана». В нем она осветила основные события года в жизни буддийского храма: выставки в Луге и Изваре, посвященные Строительному комитету времен создания храма и председателю комитета — Ф.И. Щербатскому, а также праздничные мероприятия, проходившие в День Дацана 24 августа. В год 105-летия Дацана на территории Храмового комплекса на деньги прихожан построили новый дворовый флигель, а в Комарово Дацан принял участие в открытии памятника (кено-тафа) Г.В. Барановскому. Основным религиозным событием этого года стала видео-конференция с Далай-ламой XIV.

От лица буддийского духовенства с коротким приветствием выступил новый член сангхи Дацана Гунзэчойнэй — Ц.Д. Замбалов (Цырен-лама), недавно приехавший из Индии, где он проходит подготовку по курсу буддийской философии в монастыре Дрепунг¹.

По окончании приветственной части было проведено первое заседание, посвященное академическим и музейным коллекциям (председатель к.ф.н. А.В. Зорин). Его открыла к.и.н. Ю.И. Елихина (в.н.с. Государственного Эрмитажа) с докладом «Буддийские предметы из коллекции В.А. Казакевича». Речь идет о нескольких предметах, обнаруженных Владимиром Александровичем Казакевичем (1896–1937) в ходе археологических раскопок в Бурятии на городище Кондуй. Оно находится в Борзинском районе Читинской области и датируется XIV в. Там были найдены архитектурные фрагменты монгольского дворца, кирпич с изображением восьмилепесткового цветка лотоса и некоторые другие артефакты. С 1934 г. В.А. Казакевич работал в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, где по поручению И.А. Орбели заведовал монгольским отделением. Из Бурятии помимо археологических находок он привез и передал в Эрмитаж три цакли (тиб. tsak li) с изображением Калачакры, Ваджрапани и Ямантаки Ваджрабхайравы. Они представляют собой типичные образцы бурятской живописи начала XX в.

Следующие два выступления были коллективные и суммировали основные результаты трехлетней работы по проектам, поддержанным грантами РФФИ. Первым из них был совместный доклад к.ф.н. А.В. Зорина, А.А. Сизовой, к.ф.н. А.А. Туранской (все — сотрудники ИВР РАН) под названием «Подведение итогов каталогизации фонда тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН» (по проекту РФФИ № 18-012-00386). Участники проекта представили наиболее важные сведения об истории формирования и обработки указанного фонда, его нынешнем составе, выделенных из него тибетских рукописях из Дуньхуана (частичное смешение коллекций имело место еще в первой половине XX в.) и некоторых единицах хранения, имеющих особый научный интерес (среди них — самый ранний ксилограф на тибетском языке, надежно датируемый серединой XII в.).

Второй совместный доклад был подготовлен сотрудниками ИВР РАН Л.И. Крякиной (ведущим художником-реставратором Института), к.ф.н. А.В. Зориным и к.ф.н. С.С. Сабруковой и назывался «О реставрации и текстологическом исследовании уникальных свитков на тибетском языке на российской бумаге с филигранями из

¹ Здесь и далее русское написание тибетских имен и названий дается в тех вариантах, какие предпочитают использовать авторы докладов (в отсутствие единой общепринятой системы это следует считать допустимым).

собрания ИВР РАН» (по проекту РФФИ № 18-012-00457). Речь шла о пяти свитках, три из которых — калмыцкие (датируются сер. XVIII в.), еще два — предположительно бурятские (сер. XIX в.). Полная реставрация этих уникальных памятников буддийской культуры, созданных на территории России, позволила провести их текстологическое исследование. В частности, удалось установить, что два из трех калмыцких свитков изначально составляли один большой свиток и что во всех трех калмыцких свитках представлен уникальный вариант «Ваджраччхедики» («Алмазной сутры»), не засвидетельствованный в других источниках (канонических и иных сборниках).

В перерыве между заседаниями коллеги могли ознакомиться с временной выставкой тибетских текстов из Хара-Хото и калмыцких и бурятских свитков из собрания ИВР РАН, подготовленной участниками двух указанных проектов.

Второе заседание было посвящено истории и религиозной культуре Тибета. Оно прошло под председательством д.и.н. проф. В.Л. Успенского (заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ), который и открыл его своим докладом «Деятельность Нгаван-Таши (1678–1738), второго настоятеля монастыря Лавран-Ташичил». Обозначенный в названии буддийский наставник, автор многих религиозных сочинений (в том числе представленных в тибетском фонде ИВР РАН), сыграл большую роль в укреплении позиций нового монастыря Лавран как крупного центра буддизма в то непростое время, когда империя Цин военным путем устанавливала контроль над Тибетом и Цинхаем. Доклад был проиллюстрирован фотографиями, сделанными В.Л. Успенским в октябре 2019 г. в монастыре Лавран, где почитают Нгаван-Таши как «духовного сына» великого ламы школы Гелуг Джамьян-шэпы Нгаван-Дзондуя (1648–1721).

Доклад д.филос.н. Е.П. Островской (гл.н.с. ИВР РАН) «Роль „Абхидхармакоши“ Васубандху в образовательной системе школы гелуг» был посвящен характеристике указанного текста как фундаментального экзегетического источника, содержащего концептуально-смысловую реинтерпретацию ряда канонических положений древней сарвастивады с позиций махаянской школы йогачара (виджнянавада). Было показано, что «Абхидхармакоша» была востребована образовательной системой тибетского буддизма в качестве энциклопедии, подводящей итог экзегетического этапа развития буддийской философской мысли и демонстрирующей идеологическую целостность индийского наследия Дхармы.

К.филос.н. Т.В. Ермакова (с.н.с. ИВР РАН) сделала доклад «„Жизнеописание“ Дхармасвамины (Чаг-лоцавы Чойжепэла, 1197–1264) как памятник буддийской культуры». На основе анализа текста в переводе Ю.Н. Рериха были выявлены особенности, характерные для буддийской агиографии: исключительные способности героя к познанию Учения, обладание признаками Благородной личности. По тексту также были установлены смысловые отсылки к «Лотосовой сутре», в частности вознесение мольбы к бодхисаттве Авалокитешваре в ситуации угрозы жизни. Таким образом, в докладе было продемонстрировано, что созданная в Тибете биография выдержана в духе сакрального жизнеописания видных деятелей буддизма.

Завершила работу Чтений аспирантка СПбГУ П.И. Бузык сообщением «Поиски Далай-ламы VIII Джампел Гьяцо: по материалам тибетских, китайских и маньчжурских источников». В ее докладе был детально проанализирован процесс выявления Далай-ламы VIII (1758–1804) тибетскими буддийскими деятелями и представителями императора Цяньлуна, причем были рассмотрены возникавшие конфликтные мнения и ситуации, а также пути их решения.

Девятое Чтение прошло вполне успешно, и присущая им доброжелательная атмосфера была только подчеркнута особыми обстоятельствами этого года. Коллеги из разных учреждений города были рады встретиться друг с другом и лично обсудить различные профессиональные вопросы. Тем не менее хочется надеяться, что пандемия новой коронавирусной инфекции скоро закончится и следующие, юбилейные Чтения пройдут в более комфортных для научной работы и общения условиях.

The Ninth St. Petersburg Seminar of Tibetan Studies

(St. Petersburg, December 4, 2020)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 108–111)

Received 28.12.2020.

Alexander V. Zorin

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Tibetan Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Gun-zechinei datsan.

About the author:

Alexander V. Zorin, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (kawi@yandex.ru).

Рецензия на книгу:

Иранское языкознание 2020.

Труды Международной научной конференции

«Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова.

К 70-летию со дня рождения».

Институт языкознания РАН. Москва, 18–20 октября 2018. —

Москва: Языки народов мира. — 2020. — 495 с. —

ISBN 978-5-89191-092-8

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.18716/WMO58535

Ключевые слова: Б.Б. Лашкарбеков, Памир, иранское языкознание, памироведение, ваханский язык.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2021

Сборник, подготовленный к изданию Л.Р. Додыхудоевой и М.Б. Лашкарбековой, составили труды конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Богшо Богшоевича Лашкарбекова (1948–2014), видного ученого-ираниста, сотрудника Института языкознания РАН, общественного и политического деятеля и замечательного человека. Б.Б. Лашкарбеков, начавший свою научную работу в Таджикистане и учившийся в аспирантуре в Ленинграде, был специалистом в области исторической лексикологии, диалектологии, грамматики и социальной лингвистики ваханского и других памирских языков, создателем их письменности и алфавитов, организатором и руководителем многочисленных, в том числе международных, полевых экспедиций, которые позволили ему собрать уникальный и бесценный языковой материал. Подлинный патриот своей малой Родины, он был основателем и неизменным председателем Региональной общественной организации таджикской диаспоры «Нур», способствовал социально-культурной адаптации в России таджикских трудовых мигрантов, проводил работу с памирской диаспорой в Москве и в других городах России.

Рецензируемый сборник включает как научные статьи, подготовленные по выступлениям на этой конференции, так и прозвучавшие на конференции воспоминания и стихотворения, посвященные Б.Б. Лашкарбекову. Участниками международной конференции были коллеги, друзья, ученики и родственники ученого; некоторые материалы представлены на родных языках участников с переводом на русский язык.

Публикация, общим объемом 495 с., содержит биобиблиографическую справку и список основных трудов Б.Б. Лашкарбекова, 32 статьи, авторы которых делятся своими воспоминаниями об ученом и рассказывают о его жизни и разносторонней деятельности, а также 38 научных статей (в том числе две Б.Б. Лашкарбекова, хранящиеся в его архиве), содержание которых лежит в русле исследований и интересов Б.Б. Лашкарбекова по проблемам компаративистики, социолингвистики и культурологии на иранском языковом материале. Значительную часть сборника занимают статьи по проблемам памироведения, и прежде всего по вопросу становления письменности для памирских языков. Сборник содержит большое количество визуального материала — фотографий, аудио- и видеозаписей.

Публикацию открывает Предисловие (с. 9–10), написанное одним из составителей сборника, дочерью Б.Б. Лашкарбекова, Мехрангез Лашкарбековой. В Предисловии говорится о памятных мероприятиях, проведенных в рамках данной Международной конференции, которая была организована Институтом языкознания РАН при поддержке Региональной общественной организации «Нур» и проходила в течение трех дней. Первые два дня были посвящены научным вопросам, а именно иранскому языкознанию, проблемам малых языков, алфавиту и вопросам письменности для памирских языков, а также вопросам культуры, традиции, народного искусства, мифологии и миграциологии. Один из вечеров был посвящен памяти Б.Б. Лашкарбекова, на котором друзья, ученики, близкие и коллеги делились воспоминаниями и зачитывали посвященные ему стихотворения. На третий день А. Илолиевым (Великобритания) и Ш. Гуломалиевым (Япония) был проведен круглый стол на ваханском языке, посвященный истории и культуре Вахана. В четвертый, заключительный день организацией «Нур» был дан праздничный концерт, в основу сценария которого была положена биография Б.Б. Лашкарбекова с момента его рождения и до последних дней.

«Биобиблиографическая справка» (с. 12–52) включает Список трудов Б.Б. Лашкарбекова, состоящий из 55 названий на русском, английском и таджикском языках, список работ о нем, в котором приведено 19 названий, написанной М.Б. Лашкарбековой биографии Б.Б. Лашкарбекова с подробным описанием его научной и общественной деятельности и родословной семьи Б.Б. Лашкарбекова. Биографический очерк содержит 56 фотографий и видеозапись, на которых запечатлен Б.Б. Лашкарбеков.

Основная часть сборника состоит из двух разделов — воспоминаний и научных статей. Раздел I — «Воспоминания» (с. 53–148) — включает 32 поэтических и прозаических текста на русском, таджикском, ваханском, английском, шугнанском и дари, написанных с искренней любовью и уважением к Б.Б. Лашкарбекову. Помимо трогательных стихотворных строк дочерей — М.Б. Лашкарбековой и Ф.Б. Лашкарбековой — этот раздел включает воспоминания о совместной работе, деловых поездках и встречах с Богшо Богшоевичем его коллег, друзей, соратников, сокурсников и учеников из Москвы, Душанбе, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Киева, Торонто, Хунзы и Гилгита. Среди авторов этого раздела — А. Алави¹, С. Улфати, М. Мирзода,

¹ В рецензии приводятся фамилии и инициалы авторов сборника: подробные сведения — полные имена, звания, должности, место работы и электронные адреса — указаны в разделе «Сведения об авторах» в конце сборника (с. 488–495).

Фазал Амин Бег, М. Гуломализада, Зарифмохи Мамадхаким, Азиз Маджнуни Вахони, Али Курбан Мугани, А.Ш. Бахтоваршоев, С. Абибова, Е.К. Молчанова, П.Д. Джамшедов, З.О. Назарова, Х.О. Хушкадамова, В.Б. Иванов, В.В. Мошкало, Д. Довуди, Хайбар Мурад, Лариса Н. Додхудоева, З. Юсуфбекова, Э.К. Собиров, С.Я. Мухтарова-Балхова, О. Ширинбек, Т.С. Каландаров, Л.Х. Буронов, У.В. Окимбеков, А.Д. Асадбеков, У. Джайхони, Ш.С. Исломбеков, М.Н. Рачабеков, М.Ш. Гулшерхонина. Стихотворения, песни и воспоминания в этом разделе представлены также в шести видео- и аудиозаписях.

Раздел II — «Научные работы» — состоит из пяти подразделов. Первый подраздел, озаглавленный «Иранистика: Сравнительно-сопоставительные исследования. Фонетика. Лексикология. Лексикография» (с. 150–252), включает 12 статей по заявленной тематике. Большая часть материалов посвящена иранской лексикологии и лексикографии. В статье Л. Асгари описываются некоторые условные языки и жаргоны Ирана, в том числе жаргоны заргари и молодежный. Проблемам северокавказских и памирских языков посвящена статья Е.Б. Бесоловой, в которой говорится о сходстве этноязыковой ситуации в столь удаленных друг от друга регионах, об общих задачах в условиях глобализации и одинаковых подходах к решению проблем сохранения малочисленных народов и языков Северного Кавказа. Статья С.П. Виноградовой посвящена обзору исторических значений др.-иран. лексемы *gātu-/*gāðu-, рефлексy которой в современных иранских языках совмещают понятия и места, и времени. В статье П.Д. Джамшедова на материале русского, английского, таджикского, ваханского и шугнанского языков рассматриваются отражающие негативные эмоции фразеологические единицы, основанные на соматизмах, связанных с частями тела или чувствами. Ю.А. Дзищойты в своей статье приводит осетино-памирские изоглоссы на фонетическом и словообразовательном уровне, свидетельствующие о правосточноиранском языковом единстве. Ваханской фонетике посвящена статья В.Б. Иванова, в которой публикуются проверенные по современной методике экспериментальные результаты изучения ваханских гласных с учетом их качества, консонантного окружения и ударения. Э.К. Собиров в своей статье рассматривает функционирование интернационализмов в таджикском языке и процессы замены русизмов персизмами и англицизмами. В статье Е.К. Молчановой и М.Б. Мейтарчян рассматриваются этимологии имен демонических персонажей иранской мифологии *dev*, *albasti* и *āl* и описываются их функции. Некоторые предположения о происхождении этнонима «дахы» и о носителях древнеиранского языка сакско-ваханского типа, которые могут быть отождествлены с дахами, представлены в статье В.В. Понарядова. В статье М.Л. Рейснер описываются аспекты интерпретации сезонной лексики на примере традиционного описания Науруза. Л.З. Танеева-Саломатшоева анализирует религиозно-философские основы суфийской поэзии на материале суфийских текстов Амира Хасана Дехлеви. В статье Л.Г. Силантьевой анализируются заимствованные в ваханский язык 24 китайские лексемы и 13 тюркских.

Второй подраздел — «Памироведение. Алфавит и проблемы письменности» (с. 253–342) — посвящен актуальным вопросам письменности на памирских языках и включает девять статей. Среди них архивная статья Б.Б. Лашкарбекова «Проект нового алфавита для памирских языков на основе таджикского и английского языков. Материалы семинара „Алифбо“ (май 2013 г.)», подготовленная к печати М.Б. Лашкарбековой, — эта статья посвящена разработке алфавитов для шугнано-рушанской группы языков, а также для ваханского, язгулямского и ишкашимского. Методам пе-

редачи в сетях и в интернете текста на таджикском, шугнанском и рушанском посвящена статья А.Ш. Бахтоваршоева. История формирования письменности и разработки алфавитов для шугнанского, ваханского и других памирских языков рассматривается Лейли Р. Додыхудоевой. Проблемы ваханской письменности для всех регионов проживания ваханцев (Таджикистана, России, Пакистана, Афганистана и Китая) и проекты алфавитов, предложенных Б.Б. Лашкарбековым, описываются М.Б. Лашкарбековой. Созданию ишкашимской письменности и вопросу подготовки учебников родного языка, в частности ишкашимского букваря, посвящена статья З.О. Назаровой и Н.О. Назарова. Проблемам, связанным с разработкой ваханского алфавита на основе кириллицы, посвящена также статья Р.М. Сохибназарбековой и Я. Обртеловой. Роли письменности для памирских языков, повышающей их социолингвистический статус, прогрессу в деле ее разработки и очередным задачам по выработке нового алфавита на основе таджикского языка посвящена статья Д.И. Эдельман. В написанных на английском языке статьях А. Бега и А. Илолиева рассматриваются деятельность и вклад в сохранение ваханского языка и культуры Мастера Хакикат Али (Пакистан) и деятельность поэта-мистика и ученого Мубарак-и Вахани по переписке и изготовлению персидских рукописных текстов в Бадахшане в конце XIX в.

Третий подраздел — «Памироведение. Культурология. История» (с. 343–445) — содержит 11 статей, большая часть которых представляет уникальный иллюстративный материал: фотографии, рисунки, планы и схемы. Среди этих публикаций — еще одна архивная статья Б.Б. Лашкарбекова «Празднование Навруза в Москве» о торжествах, прошедших в 2005 г. по сценарию Б.Б. Лашкарбекова. Историческим памятникам Западного Памира и Вахана, основанным на фотографиях, выполненных кинооператором В.В. Кузиным (1904–1978) в 1950 г., и народным промыслам Вахана, описанным по материалам искусствоведа проф. М.А. Рузиева (род. в 1935 г.), посвящены две статьи Ларисы Н. Додыхудоевой. Статья Лейли Р. Додыхудоевой о Вахане и его населении основана на документальных материалах и фотографиях датского исследователя Оле Олуфсена (1865–1925), хранящихся в Национальном музее Дании. Особенности горнобадахшанских архитектурных сооружений посвящена статья М. Мамадназарова. В статье М.М. Махмудовой, также основанной на материалах Оле Олуфсена, описывается традиционный мужской костюм памирцев (XIX в.). В статье Д. Худоназарова, основанной на выступлениях и очерках горного инженера Д.Л. Иванова (1846–1924), участника первой российской экспедиции на Памир (1883), также описываются исторические памятники Памира. О традиционной памирской кухне и соответствующих современных терминах в сравнении с зафиксированными известным востоковедом М.С. Андреевым (1873–1948) рассказывается в статье Х.О. Хушкадамовой. Рецепты ваханской кухни, извлеченные из работ А.Л. Грюнберга и И.М. Стеблин-Каменского, дополненные рецептами домашней кухни семьи Лашкарбековых, приводятся в статье, подготовленной Лейли Р. Додыхудоевой, Ш.Н. Лашкарбековой и М.Б. Лашкарбековой. Статья З. Юсуфбековой и М. Шовалиевой, основанная на полевых исследованиях 2016 г., посвящена народным промыслам Западного Памира. В статье Ф. Амина, написанной на английском языке, рассказывается о праздниках и играх ваханцев Пакистана.

Четвертый подраздел — «Миграциология» (с. 446–469) — включает три статьи, посвященные проблемам миграционного движения населения, обусловленного социально-экономическими отношениями. Статья Н. Ахмед, написанная на английском

языке, посвящена анализу причин миграции ваханцев из северных районов Пакистана, вынужденных покидать родину. В статье Лолы Н. Додхудоевой рассказывается о разработке фикха правоведами одного из самых влиятельных суннитских течений для жизни мусульманского меньшинства в условиях новой социальной действительности. Статья Т.С. Каландарова, подготовленная на основе религиозных стихотворений четырех авторов, пишущих на таджикском, русском и шугнанском языках, повествует об исмаилитской поэзии в условиях миграции.

Пятый подраздел — «Тексты и переводы» (с. 470–487) — включает три статьи. Статья Т.К. Тоджмамадовой и М.Б. Лашкарбековой содержит перевод на ваханский язык (с таджикского и русского текстов) предания о святыне «Чилтан», записанного на таджикском языке Н. Шакармамадовым. Статья М.А. Шакарбековой содержит перевод на русский язык отрывка из «Книги просветления» Насир-и Хусрава (1004–1077), ставшего родоначальником исмаилизма на Памире. Статья иранского фольклориста и краеведа Т. Йазданпанаха Ламуки представляет записанный в Мазандеране текст предания «Шахзаде Пари» с переводом на персидский и русский языки (последний выполнен М. Хагани Пашаки и Лейли Р. Додыхудоевой).

Тематика всех статей, как уже было сказано, соответствует научным интересам Б.Б. Лашкарбекова, не случайно многие авторы ссылаются на его публикации. Все статьи содержат актуальный, новый, зачастую уникальный фактический материал и аргументированные выводы, снабжены списками литературы и аннотациями, некоторые сопровождаются редкими фотографиями, рисунками и схемами.

Соединить в один том такое большое количество статей столь разной тематики — задача чрезвычайно сложная, но составители и редакторы Л.Р. Додыхудоева и М.Б. Лашкарбекова ее успешно разрешили. Статьи удачно систематизированы и выправлены, воспоминания, написанные на памирских языках, переведены, как правило, ими на русский, продуманно размещены фотографии.

Возможно, следовало бы в конце сборника привести общий «Список сокращений» как организаций (например, РОО «Нур» — Региональная общественная организация «Нур», ITREC — Ismaili Tariqa and Religious Education Committee (но ср. написание ITREK, с. 42, 43, 52, 147) и др.), так и библиографии (например, ЭСИЯ, ЭСВЯ и др.). Может быть, общий Список сокращений стоило бы дать и для названий языков, которые в данном формате приводятся отдельно в разных статьях.

Сборник «Иранское языкознание 2020. Труды Международной научной конференции „Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова. К 70-летию со дня рождения“. Институт языкознания РАН. Москва, 18–20 октября 2018» — это не только собрание интересных статей, содержащих новый и важный научный материал, но и достойная дань памяти и выражение благодарности и признательности Б.Б. Лашкарбекову от всех, кто его знал.

Review of the book:

Iranian Linguistics 2020.

Proceedings of the “Readings in Memory of B. Lashkarbekov on the Occasion of His 70th Anniversary” International Conference. Institute of Linguistics, RAS. Moscow, October 18–20, 2018.

Moscow: Yazyki Narodov Mira, 2020. 495 pp. ISBN 978-5-89191-092-8 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 112–117)
Received 19.01.2021.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: B. Lashkarbekov, Pamir, Iranian linguistics, Pamir languages, the Wakhi language.

About the author

Olga M. Chunakova, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (ochunakova@inbox.ru).

Маранджян Каринэ Генриховна

(21.06.1956 — 08.01.2021)

DOI: 10.18716/WMO63163

8 января 2021 г. скончалась выдающийся японист, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, кандидат исторических наук Каринэ Генриховна Маранджян.

Рожденная в Ереване, она принадлежала к семье ярких представителей творческой интеллигенции Санкт-Петербурга — заслуженных деятелей искусств РСФСР кинооператора киностудии «Ленфильм» Генриха Сааковича Маранджяна (19.07.1926 — 14.03.2011) и главного редактора «Ленфильма», киноведа Фрижетты Гургеновны Гусакян. В 1973 г., окончив английскую школу № 80 и сдав на отлично экзамены, Каринэ Генриховна поступила на отделение истории Японии кафедры истории Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ. По окончании обучения в 1978 г. за отличную успеваемость по ходатайству кафедр

она была рекомендована Ученым советом Востфака в аспирантуру ЛО ИВ АН СССР по специальности «история Японии», и это стало началом ее научной карьеры и преданного служения выбранной специальности на протяжении многих лет работы в ИВР РАН. Во время обучения в очной аспирантуре (1978–1983) под руководством д.ф.н. В.Н. Горегляда Каринэ Генриховна работала над кандидатской диссертацией «Конфуцианские трактаты Огю Сорай „Бэндо“ и „Бэммэй“», которую успешно защитила в 1986 г. Однако уже в 1983 г. К.Г. Маранджян была зачислена в штат Института востоковедения РАН (с 2007 г. — Института восточных рукописей РАН) на должность старшего лаборанта и прошла все ступени роста до старшего научного сотрудника Отдела Дальнего Востока, при этом развивая и продолжая изучение основной темы своей научной жизни — исследование идеологии позднесредневековой Японии, взаимосвязи традиционного конфуцианства с автохтонным мировоззрением (синто), специфики становления конфуцианства в начале эпохи Токугава, — работая по одному из важнейших научных направлений Института, «Традиционные религиозные и философские системы Востока».

Следует подчеркнуть, что сфера ее научных интересов была значительно шире и включала японский язык, лингвистику, историю изучения санскрита в Японии,

историю отечественного востоковедения. В 2001 г. К.Г. Маранджян вместе с М.В. Горюпиной составила «Хрестоматию по истории японской литературы: В 2 т.» (СПб.: Гиперион, 2001), а в 2015 г. издательство «Наука — Восточная литература» в серии «Памятники письменности Востока. СXXXIX» опубликовало монографию «Кэйтё. Вадзисёрансё (Исправление царящего в нашей азбуке беспорядка)». Введение, вступительная статья, перевод с японского, комментарии и приложения К.Г. Маранджян).

Почтительный и верный последователь своего научного руководителя, К.Г. Маранджян сделала многое для сохранения наследия В.Н. Горегляда, подготовив к изданию его труды «*Оцuki Гэнтаку, Симура Хироюки*. Канкай ибун. „Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях”» (Пер., вступит. ст. и коммент. В.Н. Горегляда. Отв. ред. К.Г. Маранджян. СПб.: Гиперион, 2009) и «Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни» (Отв. ред. К.Г. Маранджян. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006), а также собрав сборник «Японская мозаика: сборник статей памяти профессора В.Н. Горегляда» (Сост. А.М. Кабанов, К.Г. Маранджян. СПб.: Гиперион, 2009).

Занимаясь идеологией средневековой Японии, Каринэ Генриховна консультировалась и сотрудничала с выдающимся китаеведом, специалистом по китайскому конфуцианству к.и.н. А.С. Мартыновым. В 2005–2007 гг. она вместе с Т.А. Пан работала по гранту РГНФ над темой «Универсальное и локальное в конфуцианстве на Дальнем Востоке» (руководитель А.С. Мартынов). При этом задачей К.Г. Маранджян было определить особенности развития конфуцианства в Японии. Она активно участвовала в составлении и издании посмертного сборника статей А.С. Мартынова «Государственное и этическое в императорском Китае: избранные статьи и переводы» (Отв. ред. И.Ф. Попова, К.Г. Маранджян. М.: Наука — Вост. лит., 2019), тем самым выразив свое почтение и признательность выдающемуся ученому и другу.

К.Г. Маранджян посвятила много времени работе с архивными материалами по истории российского японоведения, результатом этого стали публикации, посвященные Д.М. Позднееву, М.Ф. Хвану.

Увлечшись историей и описанием японских коллекций Санкт-Петербурга, К.Г. Маранджян написала ряд обзорных статей, таких как «Коллекция японских ксилографов из собрания отдела Библиотеки РАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова» (Письменные памятники Востока. 2011. № 1/14) и «Собрание японских рукописей и ксилографов Института восточных рукописей (Санкт-Петербург–Япония. XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский дом, 2012). Особым направлением работы стала инвентаризация японского фонда ИВР РАН, в результате которой К.Г. Маранджян вместе с коллегами участвовала в проекте «Японская коллекция ИВР РАН как текст: частные собрания и государственные интересы», поддержанный РГНФ (2015–2017). В последние годы Каринэ Генриховна занималась описанием и публикацией японских рукописей из институтской коллекции, планируя издать дополнение к уже существующим «Описаниям японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» (Вып. I–VI. М.: Наука, ГРВЛ, 1963–1970).

К.Г. Маранджян много переводила с японского языка, знакомя российских читателей с достижениями японских исследователей, и не случайно ее перевод книги Ямаори Тэцуо «Лицо: Портрет и культура Японии» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011) быстро стал бестселлером. В 2007 г. К.Г. Маранджян выиграла конкурс Japanese Literature Publishing Project (Токио) на перевод книги Иноуэ Хисаси «Семь роз». До этого, в 1991 г., она получила грант Японского Фонда и занималась исследо-

вательской работой в Японии в университете Хосэй, а в 1992 г. в течение шести месяцев стажировалась в университете Дзёти (Токио). В 2006 г. она читала лекции во Франции в Университете Париж-7, а в 2007 г. — в международной Балтийской академии в Риге. Приглашения на японоведческие конференции в различных странах мира свидетельствуют о международном признании научных заслуг К.Г. Маранджян.

Особой чертой характера К.Г. Маранджян была ее профессиональная щедрость — значительное время она отдавала преподаванию в различных вузах Санкт-Петербурга, читая курсы «Классический японский язык», «Японский художественный текст», «История Японии», «Лингвострановедение Японии», «Религии и культура Японии». В 2016 г. под ее научным руководством успешно защитила кандидатскую диссертацию Д.Г. Кикнадзе «„Удзи сюи моногатари“ как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)».

Неожиданный уход Каринэ Генриховны Маранджян, столь образованного и широко эрудированного япониста, является большой потерей для Института восточных рукописей РАН и всей российской японоведческой науки.

Пан Т.А.
заместитель директора ИВР РАН по науке,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВР РАН
(ptatiana@inbox.ru)

Бурыкин Алексей Алексеевич

(01.11.1954 — 16.01.2021)

DOI: 10.18716/WMO63167

16 января 2021 г., на 67-м году жизни в Элисте скончался выдающийся ученый-энциклопедист и талантливый исследователь языков и народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, многолетний член редколлегии журнала «Письменные памятники Востока» и Диссертационного совета Института восточных рукописей РАН, д.ф.н. и д.и.н. Алексей Алексеевич Бурыкин.

Он был ведущим научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН (Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка) и по совместительству (с 2018 г.) ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН (Отдел фольклора и литературы), а также главным

научным сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Отдел хантыйской филологии и фольклористики) в Ханты-Мансийске (2012–2017). Автор многочисленных (более 1300) научных работ, в том числе 14 книг, из которых особенно известны: «Малые жанры эвенского фольклора» (2001); «Шамааны: те, кому служат духи» (2007); «Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков» (2013); «„Слово о полку Игореве“: текст, язык, автор» (2017), «Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс» (в соавторстве; 2020). Член редколлегий «Свода калмыцкого фольклора» и журнала «Oriental Studies» Калмыцкого НЦ РАН.

Родился Алексей Алексеевич 1 ноября 1954 г. в Ленинграде в семье военнослужащего, который после выхода в отставку стал журналистом и много лет был зав. редакцией издательства «Медицина», а мама окончила химический факультет ЛГУ и работала химиком-аналитиком. Учился в школе № 185 с углубленным изучением английского языка. Во время учебы в старших классах четыре года занимался в школьной секции Эрмитажа, которая специализировалась на истории западноевропейской живописи. По окончании школы в 1972 г. поступил на филологический факультет ЛГУ на отделение русского языка и литературы. Но уже на первом курсе его заинтересовали компаративистика и проблемы общего языкознания. Наибольшее

влияние на формирование А.А. Бурькина как исследователя в университетские годы оказали профессора филологического факультета Н.А. Мещерский (заведующий кафедрой русского языка), Ю.С. Маслов, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.Г. Герценберг, В.В. Колесов, А.С. Герд. В дальнейшем при обретении новой специальности тунгусоведа сыграло свою роль общение с учеными-североведами старшего поколения В.И. Цинциус, И.С. Вдовиным и Г.А. Меновщиковым.

По окончании университета в 1977 г. Алексей Алексеевич был принят на работу в сектор алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) стажером-исследователем под руководством О.П. Суника, а через два года поступил в очную аспирантуру. В 1984 г. он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Категория переходности-непереходности глагола в эвенском языке» (научный руководитель проф. В.И. Цинциус). В 1986 г. А.А. Бурькин стал научным сотрудником, в 1997 г. — старшим научным сотрудником, в 2002 г. — ведущим научным сотрудником.

С 1980 по 1990 г. Алексей Алексеевич по совместительству преподавал на факультете народов Крайнего Севера РГПУ им. А.И. Герцена эвенский язык и фольклор, в разные годы — эвенкийский язык, долганский и юкагирский фольклор в должности ассистента, с 1986 г. — доцента. В 1990 и 1991 гг. он читал лекции в Чукотском окружном институте усовершенствования учителей в Анадыре, а в 1991–1994 гг. работал в нем преподавателем-совместителем. В то же время сотрудничал в национальной газете «Мургин нутэнут» («Наш край»), где выпускал страницу на эвенском языке, и окружной газете «Советская Чукотка» (с ноября 1993 г. — «Крайний Север»). С 1988 г. он занимался переводами художественной литературы и фольклора с эвенского и на эвенский язык, четыре его книги изданы Магаданским книжным издательством, в 1992 г. А.А. Бурькин перевел на эвенский язык «Евангелие от Луки».

В 1986–1991 гг. Алексей Алексеевич рецензировал и редактировал для издательства «Просвещение» учебные пособия для школ Севера, в 1987 г. был научным редактором учебника хантыйского языка для педучилищ.

В 1999 г. он завершил работу над докторской диссертацией на тему «Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка)». В эту работу вошли все наблюдения над функционированием письменных языков малочисленных народов России, которые он делал в своей научной, полевой, преподавательской, методической, журналистской и издательской работе. Диссертация была защищена на филологическом факультете СПбГУ по специальности «Теория языка» 28 июня 2001 г.

В 2012 г. по поручению Института гуманитарных исследований Якутского научно-го центра СО РАН он подготовил к публикации образцы эвенского эпоса, записанные в 1930-е годы у охотских эвенов Н.П. Ткачиком. В этом же году в издательстве Калмыцкого университета вышла в свет написанная в соавторстве с проф. Л.Б. Олядыковой книга «„Слово о полку Игореве“. Современные проблемы филологического изучения», где опубликовано несколько его статей о «Слове», переиздана реконструкция древнерусского текста «Слова» и комментарии, написанные Алексеем Алексеевичем и его учителем проф. Н.А. Мещерским (выпускником восточного факультета ЛГУ 1927 г.), а также перевод «Слова» А.А. Бурькиным на современный русский язык. Работа по изучению «Слова о полку Игореве» продолжилась: три года назад вышла в свет его монография «„Слово о полку Игореве“: текст, язык, автор». В ней

Радзивилловской летописи удалось установить автора «Слова» — это был киевский зодчий Кузьмище Киянин, автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского», которая по языку очень близка «Слову» и переводным повестям сборника Мусина-Пушкина.

Сфера научных занятий и интересов Алексея Алексеевича всегда была весьма широкой — эвенский язык, фольклор и этнография эвенов, тунгусо-маньчжурские и другие языки алтайской семьи (монгольские, тюркские, корейский), фольклор и этнография народов Сибири и Дальнего Востока, топонимика, история русского языка и памятники древнерусской литературы, поэтика, стилистика и стихосложение; из общелингвистических дисциплин — фонетика, морфология, сравнительно-историческое языкознание, социалингвистика, теория письма, семиотика. По этой проблематике ему довольно часто приходилось оппонировать на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Созданная им уникальная «Библиотека лексикографа» представляет собой электронный корпус русской лексики и фразеологии за период с начала XVIII до начала XXI в. и отличается репрезентативностью в количественном плане (около 300 тыс. единиц основного корпуса и более 5 млрд словоформ) и наиболее полным учетом хронологии бытования слов русского языка.

Постепенно научная деятельность Алексея Алексеевича стала смещаться, в том числе при несомненном влиянии этнографов-востоковедов А.М. Решетова и А.Б. Спесиваковского, а также других сотрудников Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в сторону этнографии и этносоциологии, а также культурной антропологии. В 2006 г. был издан его очередной труд «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири)». На основе этой книги им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник», защищенная 21 октября 2011 г. в Институте восточных рукописей РАН сразу по двум специальностям: «этнография» (07.00.07) и «историография и источниковедение» (07.00.09). Алексей Алексеевич стал, по-видимому, первым в отечественной науке, кто получил степени доктора по филологическим и историческим наукам.

В последние 20 лет А.А. Бурыкин увлекся изучением систем родства и стал одним из основных авторов альманаха «Алгебра родства», в котором напечатал более 30 статей о терминологии родства и свойства славянских, финно-угорских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских языков и проблемах лингвистической реконструкции систем терминов родства, а также в соавторстве с В.А. Поповым опубликовал две книги о русской терминологии родства и свойства. В 2020 г. за цикл работ по антропологии родства А.А. Бурыкин (вместе с В.А. Поповым) был удостоен премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, присуждаемой «за большой вклад в изучение проблем этнологии и антропологии».

Нельзя не отметить пристрастия и множество публикаций (в том числе более 500 газетных) А.А. Бурыкина в смежных областях науки — истории географических открытий и путешествий, прежде всего арктических, истории авиации и флота, особенно во время Великой Отечественной войны. Алексей Алексеевич хорошо разбирался в компьютерной технике и мобильных телефонах, всегда охотно консультировал коллег.

Алексей Алексеевич был полиглотом, свободно владел английским и французским, в меньшей степени немецким и чешским языками, читал на всех славянских языках и на испанском, изучал латынь. Из языков народов Сибири и Дальнего Востока активно владел эвенским литературным языком и четырьмя его диалектами, в меньшей мере эвенкийским и чукотским, в какой-то степени ороческим, нанайским и нивхским; ориентировался в хантыйском, юкагирском, корейском, калмыцком и других монгольских языках.

Увлекался поэзией и сам писал стихи и остроумные эпиграммы, в том числе на эвенском и английском языках. Было у Алексея Алексеевича и литературоведческое хобби — коллекционирование изданий поэтов Европы в подлинниках: английская и американская поэзия всех времен и проза XVIII–XIX вв., французская поэзия XVI–XX вв., немецкие романтики.

В Магаданском областном краеведческом музее создана личная коллекция А.А. Бурькина, куда входят документы, фотографии, издания и научные работы по языкам, фольклору и культуре народов Сибири и Крайнего Севера, а также небольшая, но весьма репрезентативная этнографическая коллекция.

Смерть Алексея Алексеевича Бурькина — большой удар для его коллег и учеников, невосполнимая утрата для отечественной гуманитарной науки.

Владимир Александрович Попов
доктор исторических наук,
главный ученый секретарь СПбНЦ РАН,
главный научный сотрудник ИВР РАН
(popoffvladimir@gmail.com)

Васильев Дмитрий Дмитриевич

(11.10.1946 — 18.01.2021)

DOI: 10.18716/WMO63243

18 января 2021 г. после непродолжительной болезни не стало Дмитрия Дмитриевича Васильева — тюрколога, организатора востоковедческой науки и учителя...

Дмитрий Дмитриевич всегда был примером сочетания глубоких академических знаний и практических навыков работы с письменными памятниками, музейными и археологическими коллекциями. Его труды по рунической эпиграфике изданы в нескольких странах мира, они стали признанной классикой отечественной и мировой науки о рунической письменности древних тюрков. Д.Д. Васильев не просто изучал, переводил и издавал древнетюркскую рунику Южной Сибири и Алтая — он стал первооткрывателем многих памятников. Многие километры сибирских дорог и бездорожья были пройдены им в поисках заветных камней с древними письменами.

В сферу исследовательских интересов Д.Д. Васильева входили не только древнетюркская эпиграфика и изучение тюркских рунических памятников Южной Сибири, но и материальная культура всего тюркского мира Евразии. Это прежде всего историко-архитектурные памятники Османской Турции (включая Балканы, Крым, Кавказ и Закавказье), Центральной Азии и Русского Туркестана — караван-сарай, медресе, мечети, музейные экспонаты. Они остались запечатленными на старых фотографиях, выполненных российскими военными, экспедициями востоковедов и путешественниками, выполнявшими «служебные и частные поездки и владевшими навыками искусства фотографии, которая в то время была уделом немногих»¹. Эти снимки наряду с фотографиями этнологического характера и панорамами городов находятся в архивах РАН, Российского этнографического музея, фондах Русского географического общества и фотоархиве Института истории материальной культуры (ИИМК РАН) в Санкт-Петербурге. Результатами работы по сбору, обработке и обобщению этого материала стали научно аннотированные альбомы, монографии и статьи Д.Д. Васильева (в том числе выполненные им с коллегами из ИИМК РАН): монография «Из Цен-

¹ *Васильев Д.Д., Длужневская Г.В.* Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными // *Османский мир и османистика* (к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой). М.: ИВ РАН, 2010. С. 195.

тральной Азии в Анатолию. Город и человек» (издание на трех языках: русском, английском и турецком — осуществлено Союзом муниципалитетов тюркского мира, Анкара, 2013), альбомы «Православные святые Балкан» (совместно с Г.В. Длужневской, М.Е. Малевинской. СПб., 2004), «Крым в прошлом» (Анкара, 2006). Надо упомянуть и незавершенную монографию «Экспедиции российских востоковедов. Документы, страны, города, люди», которую Дмитрий Дмитриевич собирался подготовить к публикации в виде двухтомного издания: это свод материалов по истории полевых исследований и путешествий отечественных востоковедов, хранящихся в различных архивах, музеях и рукописных фондах РФ и стран СНГ.

Многолетний научный путь нашего учителя был связан с Институтом востоковедения Российской академии наук, в котором Дмитрий Дмитриевич трудился всю свою жизнь и где с 1996 г. бессменно до своей кончины возглавлял Отдел истории Востока. По инициативе Д.Д. Васильева и под его руководством издавались журналы и проводились многочисленные международные конференции, симпозиумы и выставки, всероссийские съезды востоковедов в Элисте, Санкт-Петербурге и Казани. Д.Д. Васильев являлся вице-президентом Общества востоковедов РАН, генеральным секретарем XXXVII Международного конгресса востоковедов (International Congress of Asian and North African Studies) в Москве в 2004 г. Долгое время Дмитрий Дмитриевич возглавлял Российско-Турецкий учебно-научный центр в Российском государственном гуманитарном университете, где наряду с языком преподавали и историю Турции и турецкой литературы. За годы работы в РГГУ Дмитрий Дмитриевич привил интерес к турецкой, османской и тюркской истории и культуре многим своим студентам и аспирантам.

Его заслуги в области науки и образования были по достоинству оценены в России и за рубежом — Д.Д. Васильев являлся лауреатом многочисленных премий и наград: среди них Памятная медаль Хубилай-хана Монгольской академии наук, премия ЮНЕСКО «Хираяма — Шелковый путь», медаль «1000-летие Казани», Золотая медаль Международной тюркской академии (Казахстан) за ценный вклад в развитие тюркологии и научных связей в Евразии, Золотая медаль им. И.Ю. Крачковского Института востоковедения РАН и многие другие. Д.Д. Васильев был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Тыва» (2008), Почетного доктора Турецкого государственного университета в г. Ушаке (2011), в 2012 г. избран Почетным членом Общества востоковедов им. барона Чома де Кёреши Венгерской академии наук, в 2020 г. указом Правительства Республики Тыва награжден орденом «За трудовую доблесть» за вклад в развитие науки республики.

Мы знаем, как щедро Дмитрий Дмитриевич делился знаниями и опытом со своими коллегами и учениками. И мы уверены, что его имя навсегда останется и в истории Института востоковедения, и в истории нашей и мировой науки о Востоке.

Татьяна Александровна Аникеева
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва
(tatiana.anikeeva@gmail.com)

Илья Владимирович Зайцев
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва
(ilyaAugust@yandex.ru)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:
Т.А. Анিকেева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова,
А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Подписано к печати 15.03.2021. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 10,3

Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 500 экз. Зак. №

Типография ООО "Литография Принт". 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14. www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru. Тел. +7 (812) 712-02-08